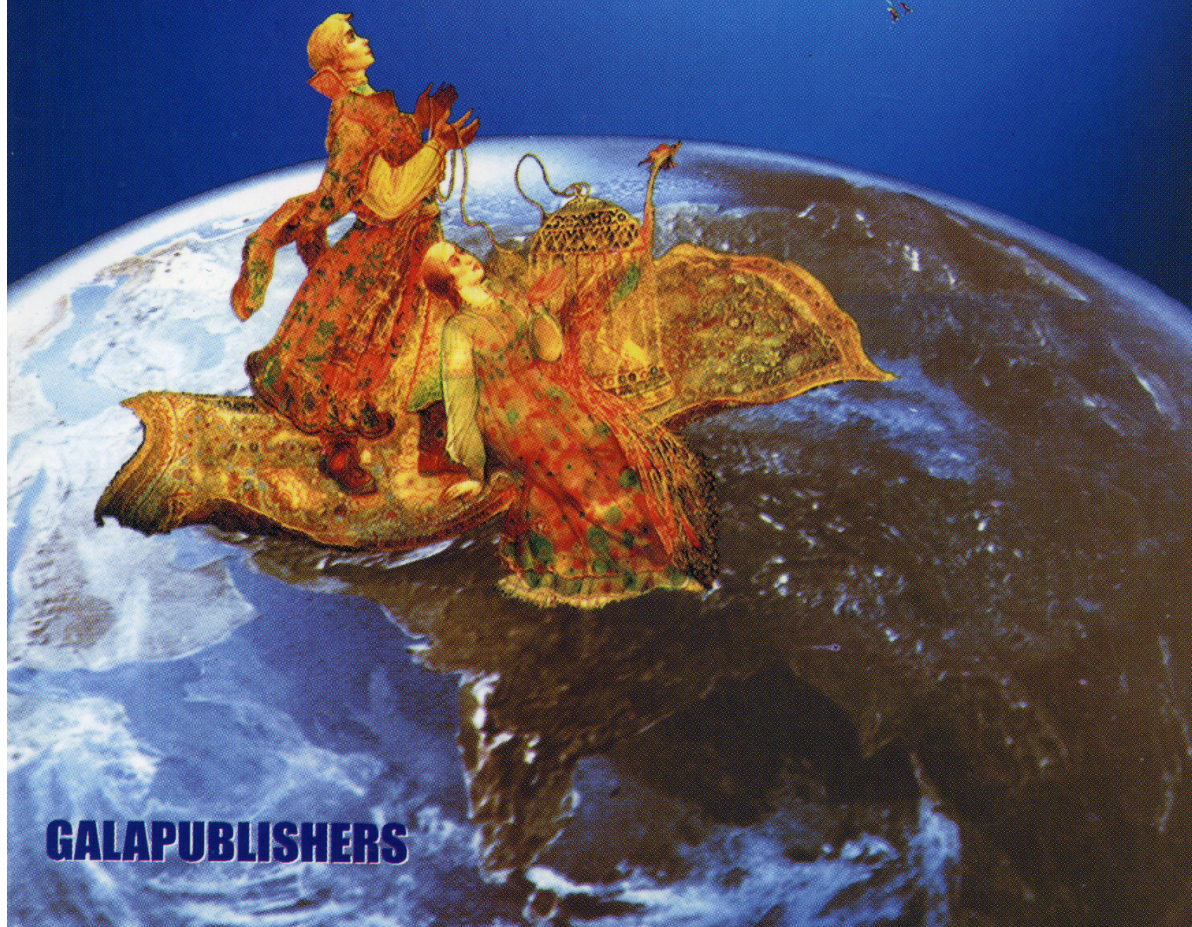

С.И.СУХОНОС

РУССКОЕ ДЕЛО

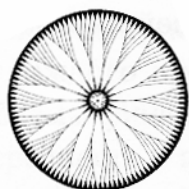

GALAPUBLISHERS

С . И . С У Х О Н О С

РУССКОЕ ДЕЛО

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ
ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ
И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ НА III ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ

GALAPUBLISHERS
МОСКВА
2003

УДК 316.323.7(470)313
ББК 60.5
С 91

Книга Сергея Ивановича Сухоноса, известного по работам в области новейших исследований в рамках теории общих систем и создания системной модели России, является квинтэссенцией двух его предыдущих книг — «Россия в XXI веке» и «Российский ренессанс в XXI веке», поэтому она получила самостоятельное название «Русское Дело» и рассчитана на самого массового читателя.

В наше сложное время — на переломе эпох и тысячелетий, в преддверии тяжелейшего энергетического и экологического мирового кризиса — России необходимо уже сейчас выбрать или хотя бы наметить свой путь развития на текущее тысячелетие.

Для этого нужно осознать системные закономерности, лежащие в основе развития всех цивилизаций. Тогда через эти закономерности и тенденции можно увидеть неизбежное: выход человечества в четвертое — масштабное измерение. Как конкретно это будет происходить, зависит от воли множества людей на планете, сознательно относящихся к ней как к общему дому и совместными усилиями организующих мировое пространство, а пока...

Давайте вместе с автором окунемся в процесс анализа мировых тенденций, предадимся поискам связей кризиса в России с особенностями национального русского характера и (что очень важно!) с происходящими в настоящее время геополитическими событиями. Книга поможет нам «с высоты птичьего полета» разглядеть Законом отведенное место для России в новой мировой цивилизации.

ISBN 5-902396-01-8

© С.И.Сухонос, 2003
© Оформление, GALAPUBLISHERS, 2003

ВВЕРХ ПО ВОДОПАДУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1997 году я выпустил первую в своей жизни книгу — «Россия в XXI веке». Главным толчком к ее написанию стали мучительные размышления о будущем творческого дела в России.

Перестройка открыла невероятные возможности для созидательной деятельности, и мне, как и многим другим, удалось реализовать в ее начале самые смелые замыслы. В конце 80-х я каждые полгода запускал новое производство одного из стоматологических инструментов, насыщая рынок всего бывшего СССР. То, что десятилетиями не мог осуществить весь промышленный комплекс СССР (хотя к нему не раз обращались руководители Минздрава), легко сделала наша группа инженеров из города Волжского. Это смогло произойти благодаря удивительному сочетанию свободной инициативы с гигантским потенциалом специалистов, техники и сырья советской промышленности. Имея в кармане пачку советских рублей, я приходил в любой институт и заказывал специалистам эксперименты, опытные образцы, приборы и оснастку. Все это очень быстро проходило проверку в стоматологических клиниках, затем готовились производственные мощности, приглашались рабочие, и запускалось серийное производство.

Так с 1988 по 1992 год мы сняли по всей стране проблему наличия пяти видов стоматологического инструмента, которые либо не выпускались ранее вообще, либо выпускались крайне недостаточно. Прибыль, полученная от каждого предыдущего производства, вкладывалась в следующее, объемы финансирования росли, появился положительный опыт и уверенность в том, что нам все по силам.

К 1992 году мы вышли на технологию, которая не имела аналогов в мире и позволяла делать инструмент более чем конкурентоспособный на мировом рынке. А в перспективном портфеле у нас находилось еще около 10 новых технологий.

Однако в 1992 году все неожиданно рухнуло. Свободные капиталы, собранные с таким трудом, обесценились в 100 раз, в стране воцарился хаос и спекуляция на инфляции. Банковские переводы «терялись по дороге», сырье стремительно дорожало, покупательная способность падала, налоговая система невероятно усложнялась.

Я, как и многие предприниматели той поры, был в шоке. Все ждали, что с приходом молодого демократического правительства будут созданы более благоприятные условия для развития малого бизнеса, для становления новых производств. Но ситуация указывала на нечто прямо противоположное — нас просто старались уничтожить по всем направлениям.

Как конкретный и активно действующий создатель новых производств и новых технологий я видел, что все слова молодого правительства о рынке на самом деле прикрывали явно противоположное стремление — не дать появиться рынку производств, не дать родиться и вырасти независимым предприятиям. И все последующие годы трудности только нарастали. У меня появилось ощущение, что я плыву не просто против течения, а вверх по водопаду. Давление всех обстоятельств той поры было настолько тяжелым, что часто, бессонными ночами, я в отчаянии думал: как закрыть все, что было так блестяще начато, и куда потом податься.

Естественно, что дикие противоречия между ожидаемыми переменами в стране, между демократическими лозунгами и реальной деятельностью властей требовали понимания и осмысления. Жизнь в стране все больше напоминала фильм ужасов, где внутрь людей влезали чудовища из других миров. Почему с таким нетерпением ожидаемые перестройка и демократизация хозяйственной жизни обернулись диким прессом чиновничьего произвола и просто издевательством над здравым смыслом?

Этот вопрос не давал покоя и требовал ответа. Я стал внимательно изучать различные политические течения и общественные движения в стране. Переосмыслил свое отношение к советскому строю,

стал знакомиться с геополитической литературой, историей страны и историей цивилизации. И оказалось, что логичный ответ на мучавшие меня частные вопросы заключался не в ошибках правительства или неверном поведении президента, а в самых глобальных мировых тенденциях. Так я обнаружил *не известные ранее цивилизационные циклы длительностью в 2000 лет*, нашел в них место России и понял, в чем состоит *главное геополитическое противоречие между нашей страной и Западом*.

Поднявшись на этот уровень обобщения, я не мог не поставить вопрос о *космологических корнях эволюции человечества*, так как до своей предпринимательской деятельности много работал в направлении создания новой космологической картины мира, а мои статьи уже публиковались в Докладах Академии наук СССР и в журнале «Знание—сила». Оказалось, что понять проблемы России невозможно, не поняв путь жизни во Вселенной. (*Подробно проблемы жизни во Вселенной разобраны в моей книге «Масштабная гармония Вселенной» — М.: Новый центр, 2002.*)

Все эти уровни анализа проблем России нашли свое отражение в первом («Россия в XXI веке». — М.: Агар, 1997) и втором («Российский ренессанс в XXI веке». — М.: Планета, Мосток, 2001) изданиях настоящей книги. Данное, третье по счету, издание специально акцентирует внимание на главной теме: *история и перспективы развития русского трудового характера в условиях глубочайшего мирового кризиса, который нашел свое отражение и во внутреннем кризисе России*.

Выражаю свою благодарность за вдохновение для работы над третьим вариантом книги политсовету партии «Солидарность», созданной А.С. Паникиным. После трагической смерти А.С. Паникина (в 2003 году ему исполнилось бы всего 53 года) работа политсовета над идеологией свободы и справедливости не остановилась: директора действующих негосударственных предприятий — состоявшиеся в новом времени люди — продолжили разработку нового мировоззрения. Это показало мне, что многих людей, даже если они ездят на иномарках и отдыхают на зарубежных курортах, бесконечно тревожит общая тенденция опускания России на экономическое дно мира.

Моей маме, Марии Григорьевне, жене Наташе и дочери Маше я шлю свою любовь и признательность. Без них, моих родных, я не смог бы заниматься творчеством и одновременно руководить предприятием.

Я благодарю всех своих друзей и особенно Виктора и Веру Степановых за их помощь по жизни.

Я благодарю коллектив фирмы «Рус-Атлант», чья надежная и честная работа позволила мне не отвлекаться на заботы производства и сбыта, а заниматься научным творчеством. И в первую очередь я благодарю В.Н. Смирнова, Н.Н. Гуркину, А.А. Макарова, А.В. Балыкова и О.Е. Миронову.

РУССКОЕ ДЕЛО

1000–2000 годы

*...Нет, судите наш народ не по тому, что он есть,
а по тому, чем он желал бы стать.
А идеалы его сильны и святы,
и они-то спасли его в веке мучений.
Ф.М. Достоевский*

Чтобы понять причины кризиса в России, необходимо заново переосмыслить всю ее историю. Причем не ту историю, которую мы знаем — *историю власти* на Руси и борьбы за нее, историю войн и внешних конфликтов, а *историю зарождения, становления и развития русского трудового характера*.

Эту последнюю мы фактически не знаем, имея лишь отрывочные сведения о ней в различных источниках. Об этом не принято было писать, ибо ничего интересного для аристократии и интеллигенции не было в том, как русский мужик сеял, строился, ухаживал за скотиной и собирал урожай. И если от первой истории пахнет порохом, шампанским, духами и кровью, то от второй, не написанной еще, пахнет навозом, сеном, квасом и пашней. И если первая — это история деятельности немногочисленного верхнего социального слоя России, который к тому же более чем на 90% был нерусского происхождения, то вторая — это история основной массы русского народа, которая более тысячи лет жила *автономной* от своей «верхушки» жизнью. И лишь в XX веке эти две истории схлестнулись в кровавом столкновении, где не стало победителей и побежденных. В это время и была заложена основа нового этапа развития России, где *невозможна уже раздельная жизнь* народа и власти.

Мы ни в коем случае не противопоставляем эти две истории России. Власть и народ тысячу лет жили в некоем подобии единства. Власть вела все внешние дела России, охраняя самобытное существование народа, который за это кормил ее и поставлял воинов. Вместе они создали великую Россию. Однако под покровом внешних событий в России вызревало нечто большее, чем крестьянский образ жизни; там тысячу лет развивалось *Русское Дело* — *стиль трудовой жизни народа*, породивший его характер, культуру и самобытную судьбу. Стиль, который, вопреки мнению большинства, не только не устарел, но является золотым фондом мировой культуры, и его востребованность в XXI веке будет огромна.

Фрагментарные исследования Русского Дела если и проводились ранее, то, большей частью, людьми с гуманитарной подготовкой. Поэтому их описания русского характера преимущественно *психологичны*: добрее ли русский человек других народов или нет, воинственней ли он, отзывчивей, мечтательней и т.п. Лишь изредка такие исследователи, как В.О. Ключевский, прикасались к *трудовым корням русского характера*, но эти исследования оставались на периферии общественного интереса. Лишь в XX веке, когда жизнь поставила русского крестьянина к станку, когда трудовые традиции русского народа столкнулись с чуждой ему культурой западного производства, к этому вопросу обратились новые, к сожалению, в основном западные исследователи.

На другом полюсе трудились советские идеологи, которые, создав однажды абстрактно-идеальный образ труженика коммунистического будущего, некоего «передового пролетария», подгоняли под эту модель всю жизнь народа. Реальный русский характер они отбросили как пережиток прошлого, заменив его нереальным обликом «строителя коммунизма». Да и интеллигенция не поднялась выше эстрадных самобичеваний, а «исследователи» этой проблемы — сатирики-юмористы — под хохот всей страны до сих пор высмеивают «идиотизмы» нашего менталитета.

Между тем достаточно сместить взгляд с дворцовых событий на события, происходящие вокруг Русского Дела, то есть рассмотреть становление русского трудового характера, как русская история предстанет для нас не запутанной, противоречивой, непоследовательной и тупиковой, а логически ясной, единственно возможной и целеустремленной. Более того, если с позиции западников — русский народ нуждается в существенном перевоспитании (в этом едины и капиталисты, и коммунисты), если с позиции наиболее крайних славянофилов необходима реставрация патриархальных его основ,

то с позиции Русского Дела оказывается, что русский национальный характер нуждается лишь в одном — *в дальнейшем своем развитии без возврата вспять*. На современном переломе эпох русскому народу необходима лишь **ТОЧНО ВЫБЕРЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ**, цель, гармонично резонирующая с его прошлым и позволяющая развить лучшие стороны самобытного национального характера. Нужна такая цель, которая не замкнет Россию в изоляции от всего мира, а, наоборот, позволит ей вплести свою самобытность в процессы развития мировой цивилизации. Однако такую цель не выдумать на пустом месте, ее можно только увидеть сквозь всю толщу русской истории.

СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО ТРУДОВОГО ХАРАКТЕРА

Нет ничего более важного для понимания процесса развития любого народа, чем внимательный анализ времени его зарождения. Именно тогда формируются основные черты народного характера, которые как генетическая матрица определяют в дальнейшем всю его историческую судьбу.

Зарождение русского трудового характера, который мы дальше будем называть более образно — Русским Делом (*подразумевая, что некое специфическое дело ожидает именно русский народ в XXI веке*), произошло во время заселения Великороссии в X–XII веках. Заметим, что условия этого заселения существенно отличались от условий освоения и заселения пространств в Западной Европе. Так какие же факторы оказали решительное влияние на становление русского трудового характера?

Во-первых, переселение шло в *пространства без границ*, в пространства, заселенные в основном малочисленными финно-угорскими племенами, борьбы с которыми за территорию почти не было. Поэтому для великоросса стало привычно

ПЕРМАНЕНТНОЕ ОСВОЕНИЕ БЕЗГРАНИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВ

с преодолением сопротивления, в первую очередь, природной, а не социальной среды.

Во-вторых, поскольку переселение охватывало большие пространства с суровой природой, которые в одиночку не освоить, и происходило оно часто скачками, то для великоросса высшим мотивом его душевого строя стал

ГЛОБАЛИЗМ СВЕРШЕНИЙ В ЕДИНСТВЕ С СОРОДИЧАМИ,

так как справиться с опасностью извне и с трудностью перехода на новые просторы можно лишь *всем миром*.

В-третьих, из-за обширных труднопроходимых пространств переселение происходило стихийно и государством практически не контролировалось. Такое самодеятельное заселение и очень слабый контроль заложили в дальнейшем в характер великоросса

АНАРХИЧНОСТЬ,

которая особенно проявляется в моменты исторических изменений его жизни. Отсюда и особенности дикого русского бунта, не сдерживаемого никакими правилами. В обыденной жизни *анархичность* сидит глубоко внутри души великоросса, и осознание ее опасности порождает, в противовес ей, консерватизм и желание иметь над собой строгую и твердую верховную власть.

В-четвертых, в момент освоения бескрайних равнин Великороссии плотность населения была крайне низка*, и незаселенная земля как бы постоянно звала людей. Это породило традицию

ОТКРЫТОСТИ, ГОСТЕПРИИМСТВА и ТЕРПИМОСТИ

к любым национальным и религиозным отличиям, что впоследствии заложило основы

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА.

*Она осталась низка и впоследствии. Вот данные, которые приводит в этой связи Ю. Мухин в книге «Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно» — М.: Гарт, 1993, с. 76.

«Если к началу шестнадцатого века в германских княжествах и в Италии жило уже по 11 миллионов человек, во Франции 15 миллионов, то к концу семнадцатого века население России составляло 4,8 миллиона человек... Людей катастрофически не хватало. Их зазывали в Россию практически на протяжении всей ее истории...

Приглашали в Россию всех, кого молено было: греков, сербов, немцев, — национальность не имела значения. Любимец Петра I, негритенок Абрам (Ганнибал Абрам — С.С.), обучившись во Франции, стал генералом инженерных войск русской армии. Наверняка на первых порах всех удивляло, что он черный, но что он русский генерал, вряд ли русским казалось необычным. Кстати, его внука — А.С. Пушкина — недоброжелатели из высшего света шельмовали как могли, но никому в голову не могло прийти оскорбить его тем, что он «нигер». Русские бы просто не поняли, в чем тут оскорбление».

Посмотрим теперь на свойства тех пространств, которые достались великороссам и заложили основу Русского Дела.

Во времена первичной колонизации Великороссии она представляла собой в основном густые и болотистые леса, сплошь покрытые паутиной сетью рек и речушек. Выбрать на них большие пустые площади для посева не было возможности. «Поселенец среди болот и лесов, — пишет В.О. Ключевский, — с трудом отыскивал сухое место, на котором можно было бы с некоторой безопасностью... выстроить избу. Такие сухие места были редкими островками среди моря лесов и болот. На таком острове можно было поставить один, два, много — три крестьянских двора... Причем тогдашние приемы обработки земли сообщали подвижный, неусидчивый, кочевой характер... хлебопашеству» (В.О. Ключевский. *Этнографические следствия русской колонизации Верхнего Поволжья... // Исторические портреты.* — М.: Правда, 1991, с. 56).

Наиболее распространенными были мелкие поселения, удаленные друг от друга часто на большие расстояния, еще более увеличивавшиеся из-за непроходимости болот. Выжигая лес на нови, крестьянин через шесть-семь лет вынужден был искать новый островок, зачастую находившийся на значительном удалении от предыдущего. Таким образом, он переходил с места на место, не имея возможности долговременного обустройства какого-либо одного участка земли.

Лето в средней полосе России было в два раза короче, чем в Европе, дожди имели свойство выпадать не тогда, когда надо. В целом характер погоды был капризен, непредсказуем и даже, пожалуй, коварен. Любой промах в таких условиях грозил оставить семью крестьянина без продуктов, что приводило к угрозе голода.

Эти особенности трудовой жизни развили в великороссах

САМОДОСТАТОЧНЫЙ УНИВЕРСАЛИЗМ.

Каждый из поселенцев должен был стать своеобразным Робинзоном Крузо, но выживать ему приходилось в условиях не бананово-кокосового изобилия, а в суровых северных лесах, что требовало

ИЗВОРОТЛИВОСТИ и ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТИ

как неперемennого условия выживания, а также

НЕПРИХОТЛИВОСТИ,

умения довольствоваться самым необходимым.

Находясь в условиях автономного хозяйствования, великоросс в обыденной жизни совершенно не рассчитывал на помощь удаленных от него соседей. Поэтому

В ВЕЛИКОРОССИИ НЕ РАЗВИЛАСЬ КООПЕРАЦИЯ,

основанная на разделении труда, и в народе сохранился первобытно-целостный образ восприятия природы, в котором не было места узкой специализации. Природа воспринималась одушевленной во всех своих проявлениях. Целостность взаимодействия с природой порождала не просто универсализм, а

УНИВЕРСАЛИЗМ СИНТЕЗИРУЮЩИЙ.

Хуторское расселение и неразвитость кооперации привели к тому, что хозяйство на Руси изначально приобрело явно

НЕТОВАРНЫЙ

характер. Это впоследствии роковым образом скажется на конкурентоспособности российских товаров. Фактически все, что делалось на хуторе — делалось для себя, для своих нужд, поэтому не нуждалось во внешнем лоске. Достаточно, чтобы вещь была функциональна.

Очень важно отметить, что уединенность хуторской жизни развила у великоросса стремление работать в одиночку. «Великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружному действию общими силами» (В.О. Ключевский. *Указ. соч., с. 61*). Это заложило в основу русского характера

ТРУДОВОЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ.

Постоянная необходимость поиска новых мест для поселения, а также очень сложные погодные условия, их непредсказуемость, развили в великороссе

ПРИРОДНУЮ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ,

что впоследствии отразилось во множестве народных примет о погоде. В то же время, сделать какие-либо надежные прогнозы было крайне трудно. Противопоставляя капризам природы свой каприз, великоросс часто вопреки логике поступал на авось, как бы включая генератор случайных решений или опираясь на интуицию. Отсюда развилась

РИСКОВАННОСТЬ

его характера,

ЭВРИСТИЧНОСТЬ

принимаемых решений.

Наиважнейшей специфической чертой Русского Дела стала
АВРАЛЬНОСТЬ,

порожденная коротким и дождливым летом, когда необходимо было, надрываясь, успеть сделать все сельхозработы. «Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, которое мог развить великоросс: но нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии» (В.О. Ключевский. Указ. соч., с. 60). Наиболее ярко это свойство запечатлено в образе Ильи Муромца, который до 33 лет на печи провалялся, а после 33 побил всех врагов Руси.

Важно отметить еще одну сторону характера, заложенную условиями существования великоросса —

«БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ»,

в буквальном смысле этого слова — жизнь без основательного, на долгие годы построенного на одном и том же месте хозяйства, как в Европе. Земли было всегда много, поэтому она никогда не ценилась так, как — например — в Европе.

Бросая каждый раз насиженное место, великоросс знал, что найдет целину получше. Такой полукочевой образ жизни не позволял особенно привязаться к дому, постройкам и вообще к какой-либо недвижимости. На новом месте все приходилось отстраивать заново. Естественно, делалось это на время, не рассчитываясь на века. Такая жизнь порождала привычку к *отстраненности от собственности*, главной основой которой всегда была земля. Не развилось у великоросса чувства собственности, поэтому не развилось и особого уважения к собственности других. (Напомним, что именно культ собственности стал фундаментом и краеугольным камнем западноевропейской цивилизации.)

Еще одна яркая национальная особенность, которая зародилась в хуторской жизни того времени и перешла затем в уклад жизни русских общин — это

ДУХ РАВЕНСТВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Полукочевая жизнь русских крестьян, отсутствие накопленного ранее богатства ставили всех в равные стартовые условия — «что посеешь, то пожнешь». Постоянные переселения, скудность почвы, позволявшей с трудом лишь прокормиться, приводили к тому, что практически все крестьяне жили при одинаковом уровне достатка. Никто не мог сдавать в аренду дом, участок земли, никто не мог нанять за деньги работников по простой причине: не было лишних домов, лишних ухоженных земельных наделов и лишних накоплений. Каждую весну все крестьяне начинали битву за жизнь с нуля и в равных условиях.

Отсутствие наследованных богатств в крестьянской жизни России привело к развитию представлений о том, что все честные труженики могут жить только одинаково хорошо (или одинаково плохо — во время засух, например). Разбогатеть крестьянским трудом в то время в России было невозможно. Поэтому любое богатство, если оно появлялось, подозревалося в нечестном происхождении (от воровства или разбоя). Впоследствии это качество закрепилось в нормах передельческой общины: ежегодное уравнивание распределения земли по трудовым ресурсам семьи, что создавало опять же равные условия для дохода — всем без исключения.

Итак, какими же основными чертами наделила природа великоросса?

УНИВЕРСАЛИЗМ И ЦЕЛОСТНОСТЬ, ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ, ЭВРИСТИЧНОСТЬ И НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ, НЕПРИХОТЛИВОСТЬ И «БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ», АВРАЛЬНОСТЬ И ИНДИВИДУАЛИЗМ —

вот специфические черты русского делового характера. К этому необходимо прибавить ряд более масштабных черт русского характера, которые проявлялись в основном в переломные моменты жизни народа:

ГЛОБАЛИЗМ И НЕПОСЕДЛИВОСТЬ, АНАРХИЗМ, СПЛОЧЕННОСТЬ В МОМЕНТЫ ОПАСНОСТИ, ОТКРЫТОСТЬ И ТЕРПИМОСТЬ.

Поскольку здесь рассматривается именно основа Русского Дела, многие другие черты русского характера, которые очень тесно примыкают к перечисленному выше набору, не упоминаются. Но одно из общих свойств, которое буквально раздирает все в русском характере и сбивает почти всех его

исследователей с толку, требует упоминания. Это

ПАРАДОКСАЛЬНОЕ СОЧЕТАНИЕ КРАЙНИХ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ.

Если, например, русский терпелив, то после определенного порога он безудержен в бунте. Изобретательность и непоседливость уживаются с его консерватизмом. Индивидуализм соседствует с коллективизмом, а бесхозяйственность с крайними проявлениями инстинктов собственника.

ЭТИ ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ СВОЙСТВА СОСУЩЕСТВУЮТ РЯДОМ

только за счет разнесения их в жизненном пространстве на разные ситуационные «полочки». Например, авральность и запредельный трудовой энтузиазм летнего периода естественно соседствуют с полуленивым зимним проживанием. Истоки такой противоречивости — *в космической беспредельности российских просторов*, которая породила необычайную

ШИРОТУ ХАРАКТЕРА,

проявляющуюся в том, что любое человеческое качество в русском человеке имеет как бы полюсное, крайнее состояние: «все или ничего».

Все вместе эти черты — грани одного бриллианта — русского трудового характера. Бриллиант этот сохранил все свои грани в целостности на протяжении долгой и трудной истории России и стал основой национального облика русского народа, основой его самобытной культуры. Такой народ не воодушевить мечтой о тихой спокойной жизни в маленьком уютном домике на берегу швейцарского озера*. Но такой народ пойдет на любые усилия ради достижения

ГЛОБАЛЬНОЙ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦЕЛИ.

**Я лично знаю нескольких людей, имеющих подобные домики, где никто не живет. Их хозяева все время ищут что-то здесь, в России, там им жить некогда. Есть и противоположные примеры, но нам важно проанализировать особенности русского национального характера, проявляющиеся в его массе. Конечно, любой русский не откажется от «лишнего» домика, но этот домик не станет конечной целью всей его жизни.*

Все, что зародилось в болотистых великорусских лесах, в уединенной тиши, в ходе освоения природы, — все это жило и развивалось на протяжении последующих столетий вплоть до революции 1917 года. Ни смена типа государственности, ни татаро-монгольское иго, ни переход на трехпольную систему земледелия не изменили основы Русского Дела.

Российские просторы почти до самой революции оставались столь же беспредельными и безграничными. Недаром же Екатерина II называла Россию — Вселенной. На протяжении всех этих столетий шло постоянное расширение границ России, продолжалось **ПОСТОЯННОЕ ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ**. Стихийный **АНАРХИЗМ** долгое время находил себе отдушину в бегстве наиболее непокорных крестьян на окраины страны. Казачество, для которого охрана и расширение границ государства было не наймом на время, а традицией, долгие годы играло роль предохранительного клапана для чрезмерного анархизма и свободолюбия.

Однако, начиная с XIX века, естественное расширение России в бесконечные пространства уперлось в границы социально очень плотных районов. Принципиальная возможность традиционного для Руси расширения пространства без сопротивления социальной среды себя исчерпала. Это привело ее к «перегреву» в замкнувшихся впервые за многие столетия границах и стало одной из причин взрыва 1917 года, когда переизбыток населения и анархичных элементов в нем, не найдя выхода вовне, отразился вовнутрь. Анархизм этот затем был с трудом остановлен железной рукой диктатуры.

Рассмотрим же, как проявлялся и развивался русский трудовой характер во II тысячелетии вплоть до наших дней.

ГЛОБАЛИЗМ СВЕРШЕНИЙ особенно ярко проявлял себя в те моменты, когда возникала необходимость коллективного отпора врагу. Подтверждение этому — Куликовская и Бородинская битвы, заселение Сибири и такие экстраординарные события, как, например, реформы Петра I.

ГОСТЕПРИИМСТВО и **ТЕРПИМОСТЬ** к другим культурам и верованиям на протяжении всего этого периода не требуют каких-либо доказательств. Даже недоброжелатели России вынуждены признавать, что многие из окраинных народов с радостью вливались в Российскую империю под управление русского царя, а русский народ никогда не проявлял национальной нетерпимости даже к своим бывшим смертельным врагам.

Трехпольная система земледелия закрепила крестьян на постоянных землях, но неблагоприятные климатические условия не позволили обустроить эти земли так же основательно, как, например, в Европе. Скудность почвы и неустойчивость погоды позволяли собирать урожай не более, чем в 3 раза

превышающий норму высева, в то время как в Европе, этот коэффициент рос постоянно и в XIX веке приблизился к 7–10. Урожая хватало лишь на прокорм и налоги, на продажу и накопление уже ничего не оставалось. «Плохие дороги и большие расстояния между селами сохранили **СТИЛЬ САМОДОСТАТОЧНОГО УНИВЕРСАЛИЗМА**.

Конечно, уникальный универсализм русского крестьянина делал его чрезвычайно живучим, но не позволял развиваться специализации, поднять производительность и за счет этого накопить капитал. Городов, в том смысле, как их понимают в Европе, в России в это время было по отношению к ее огромной территории чрезвычайно мало. В екатерининские времена города не столько появлялись, сколько «назначались» из крупных сел, но при этом по своим традициям и образу жизни так и оставались селами.

Ремесленничество, породившее промышленность в Европе, в России оставалось сугубо побочным промыслом крестьян в зимнее время. Большая часть промышленности по-прежнему была расположена в селах, а не в городах.

В сельхозработах все также доминировала **АВРАЛЬНОСТЬ**, получившая закрепление даже в религиозных традициях. «В середине XIX века в центральных губерниях страны 153 дня в году отводилось под праздники, причем большая их часть приходилась на период с ноября по февраль. Зато примерно с апреля по сентябрь времени не оставалось ни на что, кроме работы» (*Р. Паже. Россия при старом режиме. — М.: Независимая газета, 1993, с. 189*).

К этой же черте, как уже было сказано, близко примыкает **РИСКОВАННОСТЬ**. Русский «авось» у военных трансформировался в «русскую рулетку», а богатую знать сделал главными завсегдатями казино в Монте-Карло и Баден-Бадене.

Скудные природные условия и неустойчивая погода все так же воспитывали **ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОГО И ИЗВОРОТЛИВОГО, НЕПРИХОТЛИВОГО И НЕТРЕБОВАТЕЛЬНОГО** труженика, чью **СМЕТКУ и НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ** отмечали многие. Так, Пушкин писал о русском крестьянине: «О его смелости и смышленности и говорить нечего... Проворство и ловкость удивительны» (*А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. VII. — М.-Л.: 1949, с. 289–291*). Левша — наиболее яркий собирательный образ русского трудового характера.

Однако мастеровитость людей соседствовала с *неумением организовать товарное производство*. Ведь любое товарное производство отличается от натурального тем, что изготавливать что-либо нужно не для конкретного соседа — Ивана — или самого себя, а для... абстрактного неизвестно кого. Этот неизвестный потребитель любым начинающим производителем не может восприниматься равноценно соседу или самому себе, а для абстрактного потребителя работу можно сделать с меньшей тщательностью (отсюда — халтура) или даже с явным обманом*. Островки промышленности организовывались, в основном, иностранцами и не являлись показателями Русского Дела.

**У Г. Успенского в книге «Власть земли» приводится очень показательная история, когда крестьяне одной деревни сообща стали вязать сено в тюки на продажу. Сначала дело пошло хорошо, тюки возили на базар в Петербург и продавали там на вес. Но потом крестьяне смекнули, что если внутрь тюка положить камень — доход заметно вырастет. Так и стали делать. Ясно, что ни один из них не продал бы такой тюк соседу. Через некоторое время покупать тюки престали, и «бизнес» завял. Вот тут-то его и подобрал некий англичанин Чарльз, который стал оптом скупать у крестьян сено. Теперь они уже не могли халтурить («проявлять смекалку»), ибо у них всегда был «живой» покупатель.*

Кто знает, может, во избежание проявления именно этой черты русского характера в советское время на всех оборонных заводах присутствовали военные приемщики, — их все знали в лицо. Потому-то и делалось оружие не вообще для армии, а для ее конкретного представителя, например Ивана Митрофановича.

Земля по-прежнему мало держала крестьянина. Во-первых, потому, что кормила его лишь на уровне выживания, во-вторых, потому, что ее избыток сохранился вплоть до XIX века. Поэтому **«БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ»** оставалась неотъемлемой чертой русского крестьянства: он всегда готов был бросить землю и отправиться бродить по стране в поисках более легкой и доходной работы. Избы в подавляющем большинстве оставались деревянными, крайне недолговечными, дороги — проселочными, мосты — временными. Накопления труда в объектах недвижимости практически не происходило, за исключением нескольких крупных городов.

У Г.Успенского об этой стороне русской жизни написано ярко и наглядно. Когда он попытался подвинуть крестьян на постройку гати через болото в четверть версты, то встретил полное нежелание:

«— Захотели вы с нашим народом! Нешто наш народ присогласишь? Нешто он что понимает?» — ответил ему в сердцах один из наиболее хозяйственных мужиков.

«Хуже той обстановки, в которой находится труд крестьянина, представить себе нет возможности, и надобно думать, что тысячу лет тому назад были те же лапти, та же соха, та же тяга, что и теперь. Не осталось от прародителей ни путей сообщения, ни мостов, ни мельчайших улучшений, облегчающих труд», — свидетельствует Г. Успенский (*Власть земли. — М.: Советская Россия, 1985, с. 90*).

Сохранился и **ИНДИВИДУАЛИЗМ В ТРУДЕ**. Нет более расхожей легенды среди русских интеллигентов, чем *миф об общинной сущности* русского мужика. Хомяков даже как-то раз сказал, что «русский человек, порознь взятый, не попадет в рай, а целой деревни нельзя не пустить». И хотя это справедливо, существует веское мнение, что передельская община не имеет древнего, стихийного, «народного» происхождения, а была создана государством для удобств податного обложения.

Трудовой индивидуализм крестьян был вынужден мириться с *внешней необходимостью жить вместе, в общине*. У Г. Успенского мы встречаем очень яркие описания общинных правил и порядков, из которых следует неожиданный, на первый взгляд, вывод: *община служила не столько для единения крестьян в общем труде, сколько для справедливого раздела общего природного пирога и внешних повинностей*. Она мирила непримиримых хозяев-индивидуалистов, которые бы без нее непременно передрались за лишний клочок земли до полной гибели. Г. Успенский сетует на то, что сообща, миром, крестьяне не могли — ради увеличения коллективного дохода — решить простые проблемы, «и в то же время самые... пустяшные, ничего не стоящие мирские дела, вроде мирской загороди или дележа лядины, поглощают массу общественного внимания: тут меряют по двадцати раз то, что давно вымерено, меряют и веревками, и саженьями, и кольями, и лаптями, да чтобы носком непременно в пятку попадало...» (*там же, с. 88*).

И в наше время этот общинный дух россиян порождается по большей части необходимостью решать проблемы справедливого раздела, а не проблемы организации коллективного труда. Коллективный труд всегда на Руси воспринимался как внешняя повинность, за исключением «помочи» и артельного труда. Но первый был крайне редок, а второй был отхожим промыслом, то есть делом непривычным и временным.

Безусловно, что из этого правила были и исключения, которые, как раз в силу своей редкости, бросаются в глаза. Они-то и дают повод сетовать на то, что если бы не большевики, то русский человек давно бы в артелях чудеса творил. Но стоит только поставить рядом *описание общинной жизни в русской деревне и в деревне, например, японской, как легенда эта рассыпается прямо на глазах*.

Коллективный труд в японской общине был организован на порядок лучше, чем в русской, и носил постоянный характер. Конечно, в русской общине можно отыскать *примеры коллективного труда*, но они скорее имели характер коллективной помощи одному из членов общины и не были направлены на совместную производственную деятельность с четким разделением обязанностей. Это был скорее **КОЛЛЕКТИВНЫЙ ДУХ**, который определял *нормы поведения, позволял выравнять условия жизни различных семей, не давая никому пропасть*. Этот коллективный дух русских людей проявляет себя и во время отдыха, и в обороне, то есть за пределами дела. Ходить в гости в русских деревнях — любимое развлечение. А вот у японцев, кстати, ходить в гости как раз не принято!

Именно коллективизм духа сбивает с толку современных пропагандистов общинного труда. Стоит попробовать создать на добровольных началах какое-либо коллективное дело, как все иллюзии развеются. Любому апологету коллективизма и общинности русских для начала можно потренироваться хотя бы на таких примерах, как организация коллективной уборки двора или подъезда. А уже потом сесть и внимательно почитать, например, книгу В. Цветова «Пятнадцатый камень сада Рёандзи» (*М.: Издательство политической литературы, 1991*) о японской общинной жизни.

Исконная тяга к индивидуальному хозяйствованию сразу проявила себя, как только был снят гнет внешних условий. Сразу после отмены крепостного права, когда чиновник и помещик утратили власть над личностью крестьянина, началось разложение большой крестьянской семьи из нескольких поколений. И хотя крестьяне знали, что процесс этот экономически невыгоден, они «тем не менее не только не желали жить под одной крышей с родителями и родней, но предпочитали с ними вместе не работать» (*Р. Пайнс. Россия при старом режиме. — М.: Независимая газета, 1993, с. 222*). Вследствие этого накануне революции в России преобладали мелкие сельские хозяйства.

Есть все причины считать, что вплоть до революции Русское Дело оставалось таким же, каким оно зародилось в период заселения Великороссии. Менялись правители, экономические условия, расширялись границы России, присоединялись новые народы, но ядром всего этого оставался уни-

кальный набор трудовых традиций, и вряд ли сыщешь такой второй в мире, как не сыскать такой же второй Руси. И если Природе зачем-то было угодно создать великорусские просторы, то неизбежен и характер заселившего их народа, ибо любой другой народ здесь просто вымер бы или трансформировался в такой же, как русский. Недаром пословица гласит: что русскому здорово, то немцу — смерть.

РУССКОЕ ДЕЛО — И ДЕЛО ЗАПАДНОЕ

Если бы Россия каким-то чудом оказалась единственной страной на планете, то промышленность бы в ней зародилась, быть может, спустя многие тысячелетия, а может, даже и не зародилась бы никогда. В Европе промышленность появилась благодаря совершенно противоположным географическим и климатическим условиям. Скуденность населения на небольших территориях и благоприятный климат создали все предпосылки для закрепления крестьян на постоянных участках земли. Это способствовало постепенному улучшению и обустройству этих участков, накоплению недвижимости. В Италии, например, до сих пор пользуются дорогами и водопроводом времен Римской империи. Плотное заселение и постоянство проживания как нельзя лучше способствовали развитию кооперации, все более углубляющейся специализации и дифференциации, развитию товарного производства.

Более благоприятные природные условия, менее частые и менее разрушительные войны позволяли накапливать финансы, без которых, как известно, невозможно создание крупной промышленности. Машинный период развития требовал все более узкоспециализированного труда. Западноевропейская ветвь человеческой культуры на этом этапе получила исторические преимущества, которыми она не преминула воспользоваться. Осуществляя захват остального мира за счет более развитой промышленности, эта культура постепенно подчинила себе ресурсы почти всего земного шара. В настоящее время дифференциация и специализация достигли своего предела, материализовавшись наиболее ярко в конвейерных системах производства и бытового обслуживания.

В России, в силу прямо противоположных условий ее существования, не мог возникнуть аналогичный общественный уклад. В результате промышленность в России зародилась не естественным путем, а была внедрена *искусственно* и под воздействием, в первую очередь, внешней угрозы. И все дальнейшее развитие промышленного производства России происходило *скачками*, в моменты крайней необходимости при ликвидации военно-технического отставания от западных соседей. Таким образом, не будь прямой угрозы с Запада, в России промышленное производство возникло бы, видимо, даже позже, чем в Китае.

Поэтому вполне естественно, что развитие промышленности в России осуществлялось силами западных капиталов и специалистов. Капиталы привлекались либо в обмен на проданное сырье, либо в обмен на сырье обещанное. При этом крайне интересно проследить, как взаимодействовали на территории России ее исконно Русское Дело и Дело Западное. Для этого просто необходимо совершить хотя бы беглую экскурсию в историю зарождения и развития промышленного производства в России.

Предыстория зарождения промышленности России уходит корнями в основном в два царства: Ивана III и Ивана IV (Грозного). Это очень ярко представлено Н.М. Карамзиным.

Именно от Ивана III «история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической... Народ еще коснеет в невежестве, в грубости; но правительство уже действует по законам ума просвещенного. Устраиваются лучшие воинства, призываются искусства, нужнейшие для успехов ратных и гражданских; посольства великокняжеские спешат ко всем дворам знаменитым; посольства иноземные одно за другим являются в нашей столице: император, Папа, короли, республики, цари азиатские приветствуют монарха Российского, славного победами и завоеваниями от пределов Литвы и Новгорода до Сибири. Издыхающая Греция отказывает нам остатки своего древнего величия; Италия дает первые плоды рождающихся в ней художеств. Москва украшается великолепными зданием. Земля открывает свои недра...» (Н.М. Карамзин. *История государства Российского. Т. V–VIII. — Калуга: Золотая аллея, 1993, с. 176*).

Видимо, отсюда началось знакомство России с лучшими образцами как архитектурного искусства, так и технологий, сначала в области строительства, затем в области литья и в других промышленных отраслях.

«Видя необходимость иметь лучших художников, — продолжает историк, — чтобы воздвигнуть храм, достойный быть первым в Российской державе, Иоанн послал во Псков за тамошними каменщиками, учениками немцев, и велел Толбузину, чего бы то ни стоило, сыскать в Италии архитектора опытного для сооружения Успенской кафедральной церкви. ...Толбузин нашел... зодчего, болонского уроженца, именем Фиораванти Аристотеля, которого Магомет II звал тогда в Царьград для строения султанских палат, но который захотел лучше ехать в Россию... Он уже славился своим искусством, построив в Венеции большую церковь и ворота, отменно красивые, так что правительство с трудом отпустило его в угождение государю московскому. Прибыв в столицу нашу, сей художник... дал меру кирпича: указал, как надобно обжигать его, как растворять известь: нашел лучшую глину за Андроньевым монастырем {здесь и далее подчеркнуто мной — С.С.)... выкопал новые рвы и, наконец, заложил великолепный храм Успения, донья стоящий перед нами как знаменитый памятник греко-итальянской архитектуры XV века... Построенная в четыре года, сия церковь была освящена в 1479 году...» (Н.М. Карамзин. Указ. соч., с. 205).

После первого успешного опыта Иоанн «разными посольствами старался призывать к себе художников из Италии: создал новую церковь Благовещения на своем дворе, а за нею... Грановитую палату... Таким образом Иоанн украсил, укрепил Москву, оставив Кремль долговечным памятником своего царствования... Стены и все 19 башен Кремля были закончены в 1499 году... Царь приказал построить себе каменный дворец. Угождая государю, знатные люди также начали строить себе каменные дома» (Н.М. Карамзин. Указ. соч., с. 206, 328). Видимо, с этого времени (1500 год) в Москве началось каменное строительство.

«Кроме зодчих, великий князь выписывал из Италии мастеров пушечных и серебряников. Фрязин. Павел Дебосис, в 1488 году слил в Москве огромную Царь-пушку (*предшественницу самой большой Царь-пушки Андрея Чехова, 1586 г.* — С.С.). В 1494 году выехал к нам из Медиолана другой художник огнестрельного дела, именем Петр. Итальянские серебряники начали искусно чеканить русскую монету... Одним словом, Иоанн, чувствуя превосходство других европейцев в гражданских искусствах, ревностно желал заимствовать от них все полезное, кроме обычаев, усердно держась русских; оставлял Вере и духовенству образовывать ум и нравственность людей; не думал в философском смысле просвещать народ, но хотел доставить ему плоды наук, нужнейшие для величия России» (Н.М. Карамзин. Указ. соч., с. 207).

Прозападная политика Ивана III в области промышленности начала давать самые неожиданные плоды, и в самые поворотные моменты истории на чаше весов, практически равновесных, маковое зернышко этих плодов оказывалось решающим. Приглашение специалистов с Запада, в частности в военном деле, сказало, очевидно, и в стоянии на реке Угре, и впоследствии при штурме Казани Иваном Грозным. Оба эти события сыграли важнейшую роль в освобождении и развитии сильного российского государства.

При стоянии на реке Угре силы противников были примерно равны. «С обеих сторон пускали стрелы: россияне действовали и пищалями... Видя, что наши не бегут и стреляют метко, в особенности из пищалей. Ахмат удалился за две версты от реки, стал на обширных лугах и распустил войско по Литовской земле для собрания съестных припасов» (Н.М. Карамзин. Указ. соч., с. 235–236). Стояние закончилось совершенно неожиданно: «Сделалось чудо, по словам летописцев... [7 ноября] Представилось зрелище удивительное: два воинства бежали друг от друга, никем не гонимые!» (Удивительно, но дата этого крайне ключевого события для России совпала с датой другого не менее важного события 1917 года.)

Этот пример показывает, что россияне смогли озадачить татар техническими новинками. Через 70 лет при штурме Казани западная техника проявила себя не менее значимо. Казанская осада «была первым нашим правильным опытом в искусстве брать укрепленные места... Желая употребить все средства, чтобы взять Казань с меньшим кровопролитием, он (*имеется в виду Иван IV* — С.С.) велел служащему в его войске искусному немецкому розмыс-лу (*то есть инженеру* — С.С.) делать подкоп от реки Булака между Аталаковыми и Тюменскими воротами... Иоанн выехал к укреплениям. Вдруг в его глазах с громом, с треском взорвало землю, тайник, часть городской стены, множество людей; бревна, камни, взлетев на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли от ужаса, не понимая, что сделалось. В сию минуту россияне, схватив знамена, устремились к обрушенной стене; ворвались было и в самый город...» (Н.М. Карамзин. Указ. соч., с. 506).

Очевидно, что для казанцев такой взрыв, учиненный немецким инженером, оказался новинкой совершенно неожиданной! Этот взрыв лишил казанцев источника воды, что серьезно подорвало их

способность удерживать город. Однако этот взрыв и последующий штурм не сокрушили Казань. Тогда было принято решение произвести еще более мощные взрывы. В октябре в результате взрывов и орудийного разрушения ворот крепости россияне взяли Казань и полностью уничтожили гарнизон, который ее защищал. Трудно предположить, удалось ли бы это сделать, не будь с ними немецкого «розыска» с его знанием взрывного дела.

Кроме того, в 1492 году Иван III посылает послов в Германию и попутно «заехать к саксонскому курфюрсту, поднести ему в дар 40 соболей и сказать: великий князь благодарит тебя за охранение его послов в земле твоей; и впредь охраняй их, равномерно и тех, которые ездят к нам из стран италийских. Дозволяй художникам, твоим подданным, переселяться в Россию; за что великий князь готов служить тебе всем, чем изобилует земля его». В Германии послы приняли на государственную службу «тамошнего славного книгопечатника, Варфоломея»...

«Связь с Германией доставила нам и другую существенную выгоду... Доселе мы пользовались единственно чужими драгоценными металлами, добываемыми внешнею торговлею... Иоанн желал иметь людей, сведущих в горном искусстве. Мы видели, что он писал о том к королю венгерскому; но Траханиот, кажется, первый вывез их из Германии. В 1491 году два немца, Иван и Виктор, с Андреем Петровым и Василием Болтиным отправились из Москвы искать серебряной руды в окрестностях Печоры. Через семь месяцев они возвратились с известием, что нашли оную, вместе с медною... Сие важное открытие сделало государю величайшее удовольствие, и с того времени мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету из своего серебра; имели и золотые монеты, или медали российские» (Н.М. Карамзин. Указ. соч., с. 206).

Следующий царь, Василий Иоаннович, продолжил завоз специалистов с Запада. «Следуя во всем Иоанну, Василий старался привлекать иноземцев полезных в Россию. Кроме людей, искусных в деле воинском, он первый из великих князей имел немецких лекарей при дворе... Иноземцам с умом и с дарованием легче было тогда въехать в Россию, нежели выехать из нее» (Н.М. Карамзин. Указ. соч., с. 408).

Завоз специалистов продолжался и при Иване Грозном. «К сим, можно сказать, великим намерениям Иоанна принадлежит и замысел его обогатить Россию плодами искусств чужеземных. Эта миссия была почти полностью неудачной, но часть собранных специалистов просочилась в Россию и была ей полезна в важном деле гражданского образования. В 1557 году русский посланник привез из Англии в Москву ремесленников, рудокопов и медиков. Так Россия пользовалась всяким случаем заимствовать от иноземцев нужнейшее для ее гражданского образования» (там же, с. 535).

«Иоанн изъявил уважение к искусствам и наукам, лаская иноземцев просвещенных...» (там же, с. 179). Во времена Ивана Грозного иноземцы уже «жили спокойно в Москве, в Новой Слободе, на берегу Яузы, обогащаясь ремеслами и художествами» (там же, с. 179).

Итак, Россия перенимала у Запада опыт промышленного производства, заимствуя не только технологии, но и специалистов. При этом Запад крайне неохотно делился и тем и другим с Россией*.

**Эту тенденцию точно обобщил в своей книге «Эволюция российских пространств» В.Л. Бабурин: «Россия в силу своей исторической удаленности от основных инновационных центров, усиливаемой враждебностью потенциальных инноваторов, на протяжении столетий несла огромные ущербы от дефицита нововведений. Подобная практика по отношению к ней была и остается неотъемлемым элементом геополитических устремлений Запада» (М.: УРСС, 2002. С. 185–186).*

Первые солидные промышленные предприятия в России были основаны в XVII веке также чужеземцами, которые приезжали исключительно с царского разрешения и получали лицензии. Русская железоплавильная промышленность началась с литейных цехов Тулы и Каширы, созданных голландцем Винусом и немцем Марселисом, взявшихся обеспечить русские войска оружием и заложивших к тому же основы русской медеплавильной промышленности. Производство бумаги и стекла было основано шведами. Первый суконный двор в Москве построили голландцы. Очень примечательно и поучительно для сегодняшней ситуации, что все подобные предприятия находились под покровительством монархии, а финансировались совместно царскими (то есть централизованными) и иностранными капиталами. Администраторы и квалифицированные рабочие набирались исключительно из-за границы.

Следующий и наиболее заметный скачок промышленность России совершила при Петре I, который для обеспечения регулярной армии и флота был вынужден создать собственную оборонную

промышленность. Почти все новые отрасли промышленности работали на армию, и число их выросло более чем в 4 раза (!). Вот когда зародился отечественный ВПК (военно-промышленный комплекс). Занятно, что стиль его управления с тех пор практически не изменился: «Государство давало указание о качестве и количестве изготавливаемой продукции... было собственником всех средств производства, диктовало цены и потребляло почти всю промышленную продукцию, предприниматели могли быть уволены за проступок, а рабочая сила была закреплена... Хотя при Петре существовала промышленность, промышленного капитализма при нем не было», — делает вывод Р. Пайпс (*Р. Пайпс. Указ. соч., с. 278*).

Освоив в XVII веке основы мануфактурного производства и горного дела с использованием дисциплинированной рабочей силы, россияне жили этим багажом два столетия. Но неудачи русского оружия в Крымской войне дали толчок новой фазе — появлению тяжелой промышленности на паровой и электрической тяге, создавалась эта промышленность опять же иностранцами с 1880-х годов. «Когда Министерство финансов взялось в 1880-х годах за поощрение широкого подъема промышленности, русские предприниматели снова выказали мало желания участвовать в этом деле... Современную угольную и сталелитейную промышленность Донецка и Кривого Рога основали англичане, а финансировалась она совместным английским, французским и бельгийским капиталом. Нефтяные промыслы Кавказа были пущены в ход английскими и шведскими предпринимателями. Немцы положили начало русской электротехнической и химической промышленности... железнодорожный бум, в котором русский капитал принимал важнейшее участие... создавался в основном евреями и обрусевшими немцами... Бурный подъем русского промышленного производства в 1890-х годах, по темпам не имевший себе равных ни до, ни после того, был не столько естественным продолжением внутреннего хозяйственного развития России, сколько следствием пересадки в нее западных капиталов, техники и, главное, западных организаторов индустрии... Лишь после того, как главный риск взяли на себя иностранцы, в тяжелую промышленность устремился русский капитал. Вследствие этого накануне революции треть промышленных капиталовложений в России и половина банковского капитала в ее крупнейших банках были иноземного происхождения» (*Р. Пайпс. Указ. соч., с. 288-289*). Комментарии, как говорится, излишни.

Таким образом, в подавляющей массе крестьянской России до революции доминировало Русское Дело, и лишь в тонком нанесенном с Запада слое промышленного производства, которое затрагивало мизерную часть населения страны, развивалось Дело Западное. Они существовали долгое время, как бы не видя друг друга, не оказывая друг на друга существенного влияния. Западное Дело ковало оружие, а Русское Дело растило хлеб. При этом львиная доля того же металла, который выплавлялся на Урале, уходила либо в Европу, либо на нужды оборонной промышленности. В силу его дороговизны крестьяне металлом практически не пользовались (*В.Л. Бабурин. Указ. соч.*). Влияние соседней западноевропейской культуры коснулось только аристократии и технических специалистов.

Однако, несмотря на малочисленное представительство, Западное Дело в силу своего государственного и оборонного значения было представлено во властных структурах непропорционально велико. Об этом свидетельствует и статистика: с 1700 по 1917 год в высших эшелонах власти 37,6% руководителей были иностранного происхождения, по большей части западноевропейского и, в первую очередь, немецкого (*Р. Пайпс. Указ. соч., с. 240*).

Ни в одной другой стране мира корни власти не лежали в национальной почве так мелко. Ни в одной другой стране знать не была так далека от своего народа и не преклонялась так откровенно перед культурой народов зарубежных. И ни в одной другой стране интеллектуальная часть знати — интеллигенция — так плохо не понимала свой народ, навязывая ему чуждые идеи и схемы, презирая его за то, что он живет не так, как народ Европы. И лишь небольшая часть русской интеллигенции и аристократии продвигала Русское Дело, подготавливая его триумф в будущем.

Синтез Русского Дела и Дела Западного в необоронных отраслях приводил к удивительным гибридам, поражающим европейцев своей немислимой диковинной структурой. По выводам того же Р. Пайпса, центр промышленности и торговли в России лежал не в городе, а в сельской местности, где главенствовал крестьянин-предприниматель, который работал в невообразимо тяжелых условиях. «Единственным его преимуществом была близость к земле: расходы на рабочую силу были невелики, а в тяжелый момент он всегда мог заняться хлебопашеством... Необходимость сочетать сельскохозяйственные и несельскохозяйственные занятия... привела... к отсутствию четко очерченного разделения труда и высококвалифицированных... торговцев и ремесленников» (*Р. Пайпс. Указ. соч., с. 282*). В этом описании легко узнается русский УНИВЕРСАЛИЗМ.

Итак, Россия подошла к XX веку неким айсбергом, у которого лишь *незначительная, видимая*, верхушка была кое-как приспособлена к Западному Делу, а *невидимая, подводная часть* оставалась во власти Дела Русского. И даже беглое сопоставление этих двух дел показывает, насколько несовместимы они в своих главных принципах. Вписать универсального, синтетического, изобретательного и аврального русского труженика в прокрустово ложе узкой специализации западного конвейера с его жестко регламентированной дисциплиной и монотонно-размеренным ритмом труда — задача трудная и практически невыполнимая. Недаром Достоевский как-то сказал: «Дайте русским мальчикам карту звездного неба, и они наутро вернут ее исправленной». А известный своей романтичностью писатель начала века А. Грин, в молодости испробовавший почти все разновидности работ в городе, написал великолепные в своей исторической чуткости стихи:

*Что за жизнь?! В ярме нас скотском
Рок друг с другом заковал!
Ненавистная работа
Увлеченья лишена,
За станком томит зевота,
Ноют плечи и спина;
Труд бездушный, механичный,
Властью давит нас привычной,
Нет в нем радостных глубин,
Интереса, восхищенья;
Нет задора и кипенья,
Только свист да стук машин;
Выполняя волю их
Мы теряем нас самих!"*

**Эти строки из поэмы А.С. Грина «Фабрика Дрозда и Жаворонка» я случайно увидел в его музее в городе Феодосия в старом журнале «Пламя» (12.01.1919, №36, с. 11), лежащем под стеклом витрины. Они поразили меня точным соответствием тому главному настроению русского мужика, которого жизнь из естественных природных гармоничных условий впервые вытолкнула в запрограммированную жизнь фабрики. Этот протест против механистичного труда стал одним из важнейших факторов, повлекшим за собой революцию. Если в Англии луддиты разрушали станки, которые лишали их заработка, то в России рабочие разрушили весь государственный строй, который лишил их творчества и целостного труда. Но обойти этот этап им все равно не удалось. Сталинская индустриализация и коллективизация гигантским социальным прессом заставляла русских людей привыкать к узкоспециализированному и размеренному труду. И здесь компенсацией стал трудовой энтузиазм, когда рутинную работу стали превращать в гонку, порыв, призыв, подвиг, рекорд и т.п.*

Однако остаться крестьянски самодостаточной в XX веке Россия уже не могла. На то было несколько очень важных причин, которые мы рассмотрим дальше.

Чистая индустриализация России грозила полным искоренением Русского Дела, а его сохранение препятствовало ее предстоящей индустриализации. И если в других народах были какие-то точки соприкосновения с культурой западного производства, например, привычка к размеренному монотонному труду, то в России Русское Дело с Делом Западным по всем главным параметрам находилось на противоположных полюсах. Снятие этого противоречия не могло пройти гладко и без потерь.

Проблема *внешняя* — вписаться в международное разделение труда — усугубилась грандиозным *внутренним* кризисом, упоминания о котором, к сожалению, почти не встречаются в современной литературе. В России к концу XIX века в результате двукратного увеличения населения всего за 40 лет разразился демографический кризис. Страна по-прежнему была очень велика, однако среди ее гигантских пространств пригодные для земледелия площади были относительно малы. Если рассмотреть Россию того времени без Сибири и северных губерний, то плотность населения в ней соответствовала западноевропейской. Но при этом Россия имела самый высокий уровень прироста населения в Европе. Поэтому с 1861 года по 1900 год земельный надел на одну душу мужского пола сократился за 40 лет практически вдвое — с 5,24 га до 2,84 га*. Подсчеты специалистов показывают, что, даже отняв все пахотные земли у помещиков и государства, можно было бы увеличить надел на одного человека лишь на 0,8 га, что, во-первых, даже не возвращало эту величину к уровню 1861 года, а во-

вторых, все равно не решало в будущем проблему прокорма нарастающего числа крестьян. То есть с 1900 года *подушный земельный надел уменьшился до минимального предела выживаемости*, и дальше он уже уменьшаться не мог за счет раздела земли между наследниками или новыми членами общины. А их становилось все больше.

**Именно поэтому, по оценкам современников, в конце XIX века общее настроение крестьян России было удрученным, что порождало революционные настроения интеллигенции и, в частности, нашло отражение в творчестве А. Чехова. Сравнение с временами А.С. Пушкина показывает, что в начале века русские крестьяне отличались жизнерадостностью и весельем. Возможно, это и питало оптимизм жизнеутверждающей пушкинской лирики.*

Статистика показывает, что даже с учетом высокой детской смертности с 1900 года в России каждый год прибавлялось не менее одного миллиона крестьян, которые оставались безземельными. Таким образом *перед первой революцией в России назрела острая нехватка земли*. И если в Европе эта же проблема снималась за счет передачи неделимого надела старшему наследнику и миграции остального населения — частью в колонии, а частью в города, где его поглощало все увеличивающееся промышленное производство, то в России в силу различных причин (*очень подробно рассмотренных в книге: Р. Пайпс. Русская революция. Т. 1. — М.: Росспэн, 1994*) это оказалось невозможным. Поэтому с 1900 года каждый год в России за грань нормального существования выбрасывался миллион крестьян, крайне плохо приспособленных для адаптации в городских условиях и к конвейерному производству. Все они пополняли ряды люмпенов. И очень симптоматично, что большинство ленинской партии составляли молодые полуграмотные крестьяне, покинувшие деревню в поисках работы и попавшие «...в чужой, холодный мир промышленного города, где привычные межличностные взаимоотношения вытеснялись деперсонализированными экономическими и социальными связями. Ленинская партия давала им чувство принадлежности: привлекали ее сплоченность и простота лозунгов» (*Р. Пайпс. Русская революция. Т. 2. — М.: Росспэн, 1994, с. 17*).

Остроту «земельного вопроса» прекрасно понимали и власти. В свое время вся деятельность Столыпина была направлена в первую очередь на его разрешение. Но результаты оказались малоэффективными: удалось переселить на новые земли не более 1,5 миллиона крестьян, из которых около половины впоследствии вернулись назад. А за это же время крестьянская Россия увеличилась более чем на 10 миллионов человек. Столыпин с земельной проблемой не справился в принципе*, и в этом главный провал его деятельности, а не в том, что он перессорился с аристократией.

**«В середине 1906 года председателем правительства назначается П. Столыпин, который предпринимает попытку использования капиталистических инноваций прусского типа для реформирования аграрного сектора экономики, ...основанной на насильственном разрушении общины. Однако эта инновация потерпела неудачу. За 10 лет (с 1907 по 1916 год) из общины выделилось два миллиона домохозяев, при этом к 1915 году две трети их продали свою землю». (В.Л. Бабурин. Эволюция российских пространств. — М.: УРСС, 2002, с. 201).*

Промышленность также не смогла поглотить избыточное сельское население, в лучшем случае она находила работу для 1/3 его прироста. Кроме того, сложившаяся как традиционно земельная, русская аристократическая власть, на которой держался царский двор, не в состоянии была перестроиться на новую цель — индустриализацию России. С проблемой индустриализации крестьянской России, видимо, не смогла бы справиться и буржуазная власть. Она попыталась бы пройти этот путь в рамках позднего цивилизованного капитализма с его парламентом и свободами, в то время как русский «материал» для этой цели в то время был совершенно не пригоден, и решать проблему нужно было неординарными средствами.

Таким образом, в России назрел общий системный кризис: она уже не в состоянии была развиваться дальше тем же способом, что и раньше. Прирост населения уже не поглощался за счет расширения земель, тем более что к началу XX века расширяться стало некуда, дальше — либо непригодные для земледелия территории, либо социально плотные регионы с совершенно иным образом жизни. И потому самым ярким проявлением этого системного кризиса стал земельный вопрос.

Причины революции 1917 года часто списывают на происки внешних сил. Безусловно, без них не обошлось. Внутренние истоки революции часто приписывают военным неудачам русской армии, ее разложению, бедственному положению крестьян перед революцией и т.п. Однако объективный ана-

лиз предреволюционного состояния России показывает, что на германском фронте не было кризиса и разложения русской армии, а основная масса крестьян стала жить во время войны даже лучше, чем до нее. За счет оттока большей части мужского населения на фронт острота нехватки пахотной земли снизилась до уровня, способного прокормить оставшееся население. В городах также не было кризиса. Внутренний кризис заключался в неразрешимости земельного вопроса, что с роковой неизбежностью привело бы Россию в будущем к тотальному обнищанию. Внешний кризис заключался в том, что соседний Запад бросил России вызов — она должна была вслед за всем миром вступить в фазу индустриального развития. Следовательно, причина кризиса России была не только в происках «темных сил», но и в том, что ее традиционное развитие себя исчерпало и зашло окончательно в тупик.

Для разрешения земельной проблемы нужно было либо истребить миллионы русских в какой-нибудь следующей военной аванюре (что и началось в 1914 году), либо создать эмиграционный канал для оттока избыточного населения, либо вписать Русское Дело в рамки Дела Западного и снять демографический кризис за счет миграции лишних миллионов в город, где им следовало найти место в промышленном производстве. Последнее, учитывая несовместимость Русского Дела с конвейерной культурой западного типа производства, было далеко не самым легким вариантом.

Итак, сделаем выводы. Россия, страна, где всегда доминировало Русское Дело, вынуждена была столетиями принимать к себе Дело Западное, которое приживалось в небольших объемах и, в основном, в оборонных отраслях. Поэтому серийное промышленное производство в России — это, образно говоря, Западный Гость. Его создавали западные специалисты, во многом — на западные деньги, и работали там сначала также западные рабочие и инженеры, а затем их потомки. Поэтому промышленность России — детище Запада от своего рождения и до наших дней. Россия его приняла и вскормила лишь потому, что была необходимость защищаться от политической и экономической экспансии того же Запада. Промышленное производство в России не имело глубоких корней, во многом было чуждо народному духу и не могло серьезно конкурировать с европейским производством. В силу этого, начиная с XX века, когда стал формироваться международный рынок разделения труда, «русско-западный гибрид» промышленного производства оказался перед весьма опасной перспективой быть задавленным более сильными западными соперниками.

Положение усугублялось тем, что Россия не могла серьезно конкурировать и на рынке сельхозпродуктов, так как производительность труда была ниже, а природно-климатические условия в России были хуже, чем в Европе и Америке. Знаменитые продовольственные поставки России в Европу шли не от избытка продуктов. Их крестьянам, по европейским стандартам, самим не хватало*. Экспортом продовольствия занимались, в основном, пользовавшиеся дармовой рабочей силой помещики. Единственной серьезной статьей экспорта было сырье.

**Интересные данные приводит по этому поводу Ю. Мухин в своей книге «Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно» (М.: Гарт, 1993, с. 162–163):*

«Дадим слово экономисту Алексею Пригарину: «Часто слышишь такой довод: после крестьянской реформы 1861 года Россия начала развиваться ускоренными темпами, и что, мол, безо всякого социализма она вошла бы в число развитых стран. Но вот что показало совместное исследование, проведенное Хьюстонским университетом США и НИЭИ при Госплане СССР. На «старте», к 1861 году, душевой национальный доход России составлял примерно 40% по сравнению с Германией и 16% по сравнению с США. Прошло 50 лет — и что же? В 1913 году — уже только 32% от уровня Германии и 11,5% от американского. Поэтому слова о вековой отсталости России - не только образное выражение... Это был действительно «исторический тупик» (с. 208).

«Даже в 1913 году, самом урожайном за всю историю империи, зерна было произведено в границах СССР всего 98 миллионов тонн. В 1989 году... производство зерна было 211 миллионов тонн, а были годы и с производством в 240 миллионов.

Так вот, из 98 миллионов тонн в 1913 году Россия продала на экспорт 9 миллионов тонн, и нынче мудраки по этому поводу вопят, что Россия «кормила хлебом всю Европу», Хлебом Европу Россия не кормила, потому что у нее самой душевое потребление зерна было вдвое ниже, чем в Европе. Россия своим зерном кормила скот в Европе, она кормила Европу мясом и молоком, хотя свои дети умирали наполовину, не доживая до 10 лет, в том числе и из-за отсутствия мяса и молока.

Князь Багратион, полковник геништаба русской армии (надо думать, потомок героя 1812 года), в 1911 году писал:

«С каждым годом русская армия становится все более хворой и физически неспособной... Из трех парней трудно выбрать одного, вполне годного для службы... Около 40% новобранцев почти в первый раз ели мясо по поступлению на военную службу».

Многих до сих пор удивляет: как в преимущественно крестьянской России мизерное меньшинство населения — большевики, декларировавшие интересы нескольких процентов промышленного пролетариата, смогли победить огромную массу крестьянства? Понять это можно, только если учесть, что за силами революции стоял весь индустриальный мир, лидирующий в техническом прогрессе человечества. Это была победа не пролетарского меньшинства России над крестьянским большинством, а победа «промышленного большинства» западноевропейской цивилизации над российским крестьянством, объективно исчерпавшим возможность дальнейшего развития и даже нормального существования в рамках старой системы хозяйствования. Это была победа Западного Дела над Русским Делом, и победа была одержана в XX веке на «поле индустриальном».

ВЕЛИКОМУ НАРОДУ НУЖНЫ ВЕЛИКИЕ ДЕЛА

Существует точка зрения, что без революции Россия могла стать ведущей державой мира. Эта позиция опирается на простую экстраполяцию темпов промышленного развития России в конце XIX и начале XX века. Мне, как и многим другим, это мнение кажется весьма поверхностным. Оно не учитывает особенностей социально-культурной среды России того времени, которая не могла дать достаточного количества рабочей силы такого же уровня подготовки, какой дала Европа. Отдельные замечательные успехи русской промышленности, безусловно, были, но сделать их массовым явлением было невозможно. Тонкий слой квалифицированных кадров — либо потомки, либо воспитанники иностранных специалистов — могли создать отдельные успешные промышленные предприятия. Однако по исчерпанию этого слоя шло погружение в крестьянскую Россию с ее совершенно иными трудовыми традициями, которые плохо соединялись с поточно-конвейерным производством западноевропейского образца.

Не следует забывать и о том, что в то время промышленность в России во многом зависела от западных капиталов и специалистов, а при такой зависимости говорить о какой-либо самостоятельной государственной политике (да еще в роли лидера) просто наивно.

С началом перестройки Россия пожинает плоды выхода на международный рынок труда — российская промышленность просто разваливается, не выдерживая конкуренции на мировом уровне. То же самое произошло бы с Россией и в начале века. Но если сейчас у нас за спиной и победа над фашизмом, опирающимся на всю промышленную мощь Европы, и лидерство в космосе, и опыт работы в оборонной промышленности, если сейчас страна технически грамотна и способна самостоятельно производить интеллектуальный продукт «высочайшего класса в массовом количестве, то в начале века Россия пришла бы к развалу полуграмотной и на 90% крестьянской. Нетрудно понять, что, не случись советской эпохи индустриализации, в XX веке Россия выродилась бы в ресурсный придаток мировой индустрии без каких-либо шансов на более благоприятный вариант развития.

Понимая эту перспективу, убеждаешься, что для сохранения самобытности России в главном, необходимо было пожертвовать самобытностью в менее главном и каким-то образом надежно отгородиться от западноевропейского проникновения, защитив свое производство от конкуренции со стороны более сильной западной промышленности. Надо видеть, что с этой задачей советская Россия справилась. Не будем сейчас разбирать, какой ценой, ибо не будет уже другой цены, не будем разбирать, насколько адекватна была коммунистическая идеология русскому менталитету — это отдельная большая тема, но признаем, что самоизоляция России на протяжении семи десятилетий помогла ей превратить народ крестьянский в народ промышленный и при этом — минимально исказить Русское Дело на бытовом уровне и раскрыть его в полной мере на уровне глобальном.

Итак, задача индустриализации России упиралась в две проблемы. Первая: российский крестьянский самодостаточный образ жизни очень плохо вписывался в требования узкоспециализированного конвейерного производства западного типа. Следовательно, вставала громадная и острая проблема перевоспитания народа, ломка его характера. Вторая: в период обучения народа работе по новым для него западноевропейским правилам ожидать появления на выходе из «учебных мастерских» зрелой конкурентоспособной промышленной продукции было бы наивно. Поэтому весь этот «учебный полигон» надо было закрыть от безжалостного внедрения конкурентов, иначе никакой промышленной России не появилось бы.

Окончательно это стало ясно в период временного отступления — НЭПа. Капиталы, предоставленные сами себе, потекли по направлениям наибольшей мгновенной выгоды: в местную промыш-

ленность и добычу сырья. В очередной раз жизнь показала, что естественное становление промышленности в России невозможно. Поэтому началась «противоестественная» авральная сталинская индустриализация — *обучение русского народа Западному Делу методами восточной деспотии* (опять грандиозный исторический парадокс!). Но обучить другим способом, например демократическим, скорее всего, просто бы не удалось. А оставить Россию самодостаточно крестьянской на пороге III тысячелетия было бы историческим преступлением перед русским народом и перед всем человечеством.

Индустриализация проводилась явно **АВРАЛЬНЫМИ** методами — это *наше*. С привлечением их «спецов» и техники. Чтобы освоить восточные природные ресурсы — создали ГУЛАГ, чтобы создать новую технику — загнали в «шарашки», чтобы не развалилось производство — ввели закон о тюремном заключении за опоздание на работу. Лишь зная, как нелегко приживался крестьянин на фабриках, можно понять вероятную неизбежность этих жестких мер. Так, например, в первые годы работы Сталинградского тракторного завода текучесть кадров превышала 100%. Сопrotивление тысячелетних привычек и традиций процессу индустриализации было просто огромным. Увы, но эти истинные проблемы России XX века не нашли объективного отражения в победных реляциях той поры.

Сталинская индустриализация была первым этапом обучения. «Выпускными экзаменами», сданными успешно, стала Отечественная война: советская военная промышленность сломала хребет практически всей европейской промышленности, организованной, ко всему прочему, по лучшим европейским образцам — немецким. Ученик опередил учителя, хотя и заплатил за это огромную цену.

Послевоенное восстановление промышленности не добавило ничего нового к характеру производства. Но начало «холодной войны» и рывок вдогонку за Западом к методам автоматизированного производства вынудили в 1960–1970-х годах опять опереться на западный капитал и технику, за которые пришлось, как и раньше, расплачиваться сырьем. Этот рывок потребовал массовой мобилизации в промышленность крестьянства. И опять обучение «промышленных новобранцев» Западному Делу шло под присмотром иностранных специалистов или их учеников времен сталинской индустриализации. Вспомним хотя бы поражавшие всех истории той поры об итальянской дисциплине на Волжском автозаводе, о зарплате в конвертах и жесткой требовательности их «спецов» к технологии и дисциплине. И опять многие гиганты индустрии насыщались рабочей силой насильственно, например, за счет работы условно осужденных.

Посмотрим, что стало в советское время с Русским Делом на селе? Крестьяне, получившие землю после революции, были на недолгое время предоставлены сами себе. Затем началась коллективизация. С точки зрения Русского Дела, это была тотальная атака на его основы, поскольку коллективизация велась явно в направлении индустриализации. Мелкие хозяйства, питомники Русского Дела, уничтожались под корень. Крестьян переучивали работать в рамках одной специальности: тракторист, доярка, механизатор, комбайнер, животновод, конюх... — все это узкие профессии, которые разрывали ткань единого крестьянского дела на отдельные лоскуты. Один человек пахал, другой сеял, третий завозил навоз, четвертый убирал урожай, пятый обмолачивал, шестой отвозил на элеваторы. В целом за урожай отвечал лишь администратор-надсмотрщик — директор совхоза или председатель колхоза. Все многообразное крестьянское хозяйствование на земле было *искусственно разорвано* на части (даже на Западе фермер осуществляет весь цикл работ самостоятельно и остается во многом универсалом).

Почему же советская власть не пошла по более эффективному пути развития, пути создания фермерских хозяйств? Ума не хватило? Или кто-то сверху специально навредил? Предположим, что, вопреки идеологии, фермерство (*кулаки*) получили бы поддержку от власти и начали бы обеспечивать страну продовольствием. Судя по отдельным успехам стoльпинских реформ, это вполне могло получиться. Но куда бы тогда делась огромная масса обедневших крестьян? Пошла бы в батраки к кулакам? А вот это — прямое нарушение все тех же основ русской жизни: появилось бы *социальное неравенство в нижнем слое, фундаменте всей жизни России*. Ринулась бы в город? Но что бы там мог делать универсальный русский мужик без какой-либо социально-психологической и профессиональной подготовки? Принимая во внимание *сверхзадачу эпохи — создание индустриальной страны, которая требовала все новых рабочих на заводах, и которые должны были резко сменить стиль работы с универсально-целостного на дифференцированно-узкое специализированный*, — следует признать, что создание совхозов и колхозов было необходимо. Они послужили для многих миллионов крестьян стартовой подготовительной площадкой в переходе на индустриальное производство, они

создали полуподготовленный к промышленности резерв рабочей силы. И, что очень немаловажно, в них не нарушалась важнейшая основа Русского Дела — **ДУХ РАВЕНСТВА В ДОСТАТКЕ И ТРУДЕ**.

При этом целостное хозяйственное существование крестьян не исчезло, оно просто сокращалось, как шагреновая кожа, до размеров подворья, огорода, сада. Русское Дело на селе выжило целиком, а изменилось лишь то, что барщина была заменена колхозно-совхозной повинностью, которую отрабатывали как дань нуждам индустриализации, да то, что эта повинность по своему характеру вплотную была приближена к индустриальному труду. Впоследствии, при Хрущеве в особенности, было принято несколько атак на крестьянское подворье, и оно уменьшилось в объемах*.

**Но удивительное совпадение (ли?) — это делалось тогда, когда нужен был приток свежих сил в промышленность. А укрупнение с ликвидацией неперспективных сел? Все делалось как будто для повышения благосостояния села, однако результат был иной — из неперспективных сел, не задерживаясь в крупных деревнях, народ транзитом хлынул в город, где в нем нуждались новые промышленные гиганты.*

Те из читателей, кто жил в селе (не на дачах), знают, что крестьянская жизнь осталась там до сих пор прежней — **УНИВЕРСАЛЬНО-ЦЕЛОСТНОЙ**, и принципы Русского Дела, хоть и сильно сократившиеся в своих ареалах, живы. Кроме того, статистика свидетельствует, что подворья дают до 30% общей сельхозпродукции и более 90% овощей, притом что занимают они всего 3% площади пригодной для земледелия земли. Русское Дело по-прежнему во многом кормит страну.

Рассмотрим судьбу Русского Дела в городе. До сих пор неистребима тяга горожан к дачным участкам. Во многом не эффективные (судя по производительности труда) они кроме овощей и фруктов дают городскому жителю возможность сохранения традиций Русского Дела. На даче каждый *сам себе хозяин*: строитель, крестьянин, заготовитель. Говорить же об отдыхе на даче просто смешно. Дачное дело — это, скорее, дань традициям, желание любой ценой сохранить хотя бы островок *самодостаточного универсализма* в условиях тотальной экспансии Западного Дела в город.

Другая территория, где вовсю процветают принципы Русского Дела — гаражные кооперативы. Именно автолюбители сохраняют **УНИВЕРСАЛИЗМ** в трудовом обслуживании своих любимцев. Когда узнаешь, как владельцы старых иномарок их ремонтируют, то поражаешься **ИЗВОРОТЛИВОСТИ И ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТИ** русских водителей — подобный подход к автомобилю просто немислим в Европе и Америке.

Но, пожалуй, главной резервацией (и одновременно питомником) Русского Дела в советское время оставался быт русских женщин. Домашнее хозяйство — последний оплот Русского Дела, если у семьи нет ни дачи, ни гаража с машиной. **УНИВЕРСАЛИЗМ** домохозяйки России — явление национальное. Каждая из них дома и уборщица, и кухарка, и воспитатель, и лекарь, и швея, и вязальщица, и заготовитель, и при этом часто еще и любимая женщина. В ее маленьком хозяйстве сохранились и некоторые другие важные черты Русского Дела. Например, **АВРАЛЬНОСТЬ** — умение все прибрать, все приготовить, всех одеть перед приходом гостей. Сохранились и **ИЗВОРОТЛИВОСТЬ, и НЕПРИХОТЛИВОСТЬ, ГОСТЕПРИИМСТВО И РАДУШИЕ** и многое другое. Именно сюда Западное Дело не могло проникнуть так же быстро, как в индустриальное производство. Ведь чтобы сделать домашнюю работу женщины индустриально-организованной (например, как это сделано сейчас на кухнях Макдональдса), необходимо было бы вложить средств больше, чем в заводы, ибо механизировать и автоматизировать домашний труд гораздо труднее.

Менее всего были приспособлены для сохранения **УНИВЕРСАЛЬНОГО ПОДХОДА** к труду наши заводы. Но и здесь мы обнаруживаем, как инстинкты Русского Дела, вопреки экономической целесообразности и здравому (западному) смыслу, ломали структуру завозимой из-за границы организации труда. Все также мало надеясь на кооперацию, каждый советский директор стремился создать у себя огромные запасы сырья, комплектующих, инструмента и т.п. Все также каждый из них стремился по возможности самостоятельно делать все, развивая малопродуктивные вспомогательные производства, вплоть до литеек. А подсобные хозяйства крупных предприятий? Свинофермы, свои поля и т.п. — это было распространено сплошь и рядом. Не удержался даже такой корифей конвейерного производства в медицине, как С. Федоров, который занялся сельским хозяйством в рамках своего МНТК «Микрохирургия глаза». Можно ли представить себе завод Форда, с которого бы посылали рабочих и ИТР на уборку апельсинов?

Внутри заводов сохранить **УНИВЕРСАЛИЗМ** было труднее, так как там доминировал жесткий

регламент техпроцесса, в котором нельзя было уйти от узкой дифференциации труда. Однако там, где было можно, — пробивались другие черты Русского Дела.

Наиболее яркая из них — **АВРАЛЬНОСТЬ**. Раскачка в начале месяца и авральная сверхурочная работа в конце месяца, квартала и особенно года — кто не знает у нас этого повсеместного явления? А авралы к юбилеям и праздникам? Даже космонавтов запускали в этом привычном для Русского Дела ритме*.

**Уникальным примером несовместимости стилей дела русского и американского является трагедия «Челленджера». Как недавно выяснилось, главной причиной аварии стало желание приурочить запуск корабля к одному из важных для американцев национальному событию. Авральная спешка привела к цепочке просчетов и ошибок, которые закончились катастрофой. Невольно хочется перефразировать: «Что русскому здорово, то американцу — смерть».*

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ и НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ русских в XX веке получили всемирное признание благодаря их соединению с западной техникой.

«**БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ**» же приобрела настолько явное и повсеместное значение, что стала приписываться исключительно «заслугам» социализма. Но коммунисты лишь довели до предела эту национальную черту русских.

Одной из главных проблем социалистического индустриального производства была его **НЕТОВАРНОСТЬ**. Неумение работать на абстрактного потребителя из-за неразвитости кооперации в России стало национальной чертой. На это накладывалась и собственная нетребовательность к внешнему виду изделия.

Из-за отсутствия традиций работы на рынок вся работа на социалистическом производстве сводилась зачастую к сплошной халтуре. Каждый автолюбитель знал, что новый автомобиль «Москвич» перед «употреблением» необходимо заново перебрать — то есть подтянуть болты, гайки, винты, шурупы и т.п. Каждый новосел начинал свой быт в новой квартире с ремонта и доделок. Подобных примеров не счесть. Яркое описание это явление у М. Жванецкого в миниатюре «Паровоз для машиниста», где с юмором обнажается противоречие нашего производства, которое в первую очередь существует как бы для самого производителя и только во вторую очередь — для потребителя.

В торговле такое явление озвучивалось принципом: «Покупатель всегда неправ». Отступления от этой традиции наблюдались лишь в двух случаях: если что-то нужно было сделать напоказ — для гостей — и в экстремальных ситуациях, если от качества продукции зависела жизнь людей (для фронта, армии, космоса и т.п.). Сверхвысокая ответственность в этих ситуациях приводила к пробуждению совести, и халтура отступала под давлением военной приемки и чувства долга. Но здесь следует подчеркнуть, что халтура — не есть национальный порок русских, лично для себя они делают все лучше и добротнее. *Халтура и нетоварность* — это результат сплава трех факторов: *нетребовательности, неприхотливости и неразвитой кооперативности*. Как мы покажем дальше, все эти факторы могут быть крайне полезными при определенных обстоятельствах и к халтуре не приводить.

ИНДИВИДУАЛИЗМ. На первый, поверхностный взгляд колхозы и совхозы — это возврат к *общинности* дореволюционной жизни. С одной стороны, это верно — они выполняли все те же функции *справедливого деления общего пирога и повинностей*. Но с другой стороны, они пытались «приучить» русский народ к коллективному труду с узким разделением функций, тем самым ломая русский индивидуализм в труде. Аналогичные задачи выполняли и сталинские «шарашки» для ученых и инженеров. И там и там шла наиболее яростная атака Западного Дела на Русское. Травмы от этой атаки до сих пор живы в сознании общества.

Многие современники крестьянской реформы 1861 года отмечают социальный шок, который испытывали крестьяне после ухода из-под помещичьей зависимости. Разрушение старого уклада жизни оставило их в полном замешательстве и в состоянии душевной расколотости. Эту социальную травму залечил сталинский режим, который превратил все страну в одну общину.

Советская система производства была натуральной и соответствовала общинным принципам хозяйствования. Что касается индивидуализма русских в труде, то с этим столкнулся каждый, кто пытался в последние годы создать какое-либо предприятие. Сколько разочарований было в старой «советской дружбе». Иногда начинаешь думать, что для очень многих жесткая дисциплина мафиозных структур — это единственный тормоз внутренней анархии. И организация мафиозной жизни свидетельствует о том, что попытки создать западный образ жизни (хозяина и слуги) на нашей социальной

почве возможны лишь за «частоколом» охранников со стволами.

Более всего в советский период раскрылись, пожалуй, такие черты Русского Дела, как **ОТКРЫТОСТЬ, ВЕРОТЕРПИМОСТЬ и ГОСТЕПРИИМСТВО**. Они были доведены советской властью до своего крайнего предела — появилось даже выражение «это по-русски» — и получили свое воплощение в понятии **ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА. СТРЕМЛЕНИЕ К КОЛЛЕКТИВНОМУ ГЛОБАЛИЗМУ СВЕРШЕНИЙ РАДИ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ** тонко разглядели большевики, которые, совершив революцию, провозгласили русский народ лидером мировой революции. Секрет власти в России хорошо знал и Сталин, помните лозунг:

ВЕЛИКОМУ НАРОДУ НУЖНЫ ВЕЛИКИЕ ДЕЛА!

Индустриализация, победа над фашистской агрессией, создание социалистического лагеря в противовес всему остальному миру и другие подобные этапы жизни народа вдохновляли его больше, чем личное благополучие. Эстафету всенародных дел подхватили Хрущев и Брежнев: целина, комсомольские стройки, освобождение стран от колониальной зависимости. Но наивысшей точки эта тенденция достигла тогда, когда она соединилась с извечной тягой к **ОСВОЕНИЮ ОТКРЫТЫХ ПРОСТРАНСТВ**. Именно поэтому Россия первой вырвалась в космос.

Подведем итоги. Мы видим, что Русское Дело, тысячу лет вращиваемое на почве крестьянского универсально-целостного хозяйствования, в XX веке было с корнем вырвано из этой почвы и пересажено в «искусственные грядки» индустриального производства.

Как показал почти вековой эксперимент, приживаемость его оказалась крайне плохой, а плоды Русского Дела на этой новой почве неконкурентоспособными. Исключение составляют лишь высокотехнологические оборонные и космические производства.

Из-за этого на рубеже веков сложилась крайне напряженная ситуация: Русскому Делу уже не вернуться назад к патриархальному сельскому хозяйству, но ему нет места и в индустрии западноевропейского типа производства. Следует ли из этого, что оно обречено на окончательное исчезновение с лица Земли (вместе с большей частью русского народа), если не найдется другой области деятельности — отличной от массового конвейерного производства, и в то же время передовой, а не патриархальной, куда в XXI веке можно было бы с успехом перенести Русское Дело?

Никогда в истории России не было таких потерь для национального трудового характера, не было такого глобального искоренения традиций Русского Дела во имя овладения Делом Западным и не было такого тотального насаждения последнего, как в советское время. То, что начал еще Петр I, почти довел до конца Сталин.

Однако, кроме потерь, были и приобретения. Главное — проявление во множестве дел *глобального духа Русского Дела*, завершившееся его неоспоримым триумфом — выходом в космос. Было еще и всеобщее образование народа, его обучение преобразованию не только природной среды, но и искусственной, технической. И если в следующем столетии Русское Дело сумеет возродиться на новой технической почве, значит, все эти страшные жертвы — не зря.

Мы видим, что, несмотря на тотальную атаку западноевропейской культуры производства, Русское Дело в XX веке устояло и сохранилось. Оно во всех своих гранях пробилось сквозь конвейерные технологии, сквозь «здравый экономический смысл». Можно это считать пережитками прошлого. Можно проклинать консерватизм и тупость русских организаторов производства. Можно вообще весь русский народ с его спецификой считать самым неполноценным народом мира. Но нужно при этом посмотреть вперед и подумать, а так ли уж вечны ценности Западного Дела? И нет ли в будущем человечества проблем, которые наилучшим образом можно будет решить, опираясь, в первую очередь, на Дело Русское?

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

Если собрать вместе наиболее характерные черты Русского Дела, то окажется, что этот набор идеально подходит для

ДЕЛА ТВОРЧЕСКОГО:

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ + НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ + ЭВРИСТИЧНОСТЬ.

И здесь же очень кстати оказывается и **АВРАЛЬНОСТЬ**, ибо невозможно представить себе творческий процесс в виде монотонного и равномерного труда. Не менее кстати и еще одна черта —

ТРУДОВОЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ, ведь творчество всегда глубоко индивидуально. Сюда же хорошо вписываются **НЕПРИХОТЛИВОСТЬ И НЕТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ** к бытовым удобствам, которые для истинно творческой личности всегда стоят на последнем месте в иерархии жизненных ценностей. Плохо совместимо с творчеством стяжательство, погоня за материальными благами, экономное, рачительное и расчетливое хозяйствование. Сколько за всю историю человечества великих и не очень великих творцов закончили свою жизнь в полной нищете? Их не счесть! Творец чаще человек «бесхозяйственный», чем хозяйственный.

Что для творца главное? Поиск **ИСТИНЫ**. Но кто же не знает о культе истины в русской философской мысли? Ведь поиск **ИСТИНЫ** в творчестве = поиску **ПРАВДЫ** в жизни = поиску **СПРАВЕДЛИВОСТИ** обществе. Все это грани одного драгоценного кристалла, через который мир постигается без искажений и наиболее чисто.

Почему же тогда в нашей культуре творец, как правило, — чудаковатый неудачник? Почему так мало лауреатов Нобелевской премии среди русских? И почему тогда так небрежно всегда относилась к этому потенциалу власть в России?

Главная причина заключается в том, что для «творческого Ильи Муромца» время встать с печи придет лишь в XXI веке. Именно тогда ситуация может в корне измениться в пользу Русского Дела.

Во-первых, мировой технический прогресс вплотную подошел к этапу, когда всю рутинную конвейерную работу смогут взять на себя автоматы и роботы. В этой ситуации успех развития производства будет зависеть уже не от умения людей выполнять сборочные операции, а от их умения творить новое и более совершенное. В будущем наивысшая производительность труда станет определяться *творческой производительностью*. Тогда впервые за всю историю человечества Русское Дело получит преимущество — ибо оно истинно творческое в своей основе.

Во-вторых, если в XXI веке человечество в корне не изменит способ производства, который использует не более 2% вещества и энергии, а остальное превращает в отходы, то никакие самоограничения и никакие режимы экономии цивилизацию не спасут. Единственный выход — опереться на совершенно иные явления и законы природы, которые еще предстоит открыть.

Естественно, что перестройка всей технологической основы мирового производства на новую базу потребует огромной по объему и накалу творческой работы, то есть работы, наиболее привычной для русского человека.

В-третьих, человеческая цивилизация, по многим признакам вплотную подошла к полному исчерпанию пути дифференциации знаний и деятельности. Спасение только в одном — сменить тенденцию на прямо противоположную и

НАЧАТЬ СОБИРАТЬ КАМНИ.

Речь идет о том, что *синтезирующее начало* должно получить в XXI веке преимущество перед началом *разделяющим*. В Русском Деле основа основ — это как раз синтезирующая, целостная универсальность взаимодействия с природой, это именно то, от чего с начала эпохи Возрождения так упорно убегала западная культура.

Чтобы разглядеть в будущем, как Русское Дело может стать *русским чудом*, надо внимательно взглянуться в истинную причину *чуда японского* — наиболее яркого и неожиданного в XX веке.

СЕКРЕТ ЯПОНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА

Японское экономическое чудо произошло на глазах нашего поколения. Почему Япония сделала свой рывок именно в шестидесятые годы прошлого столетия? Почему она первой из стран юго-восточного региона прорвалась на передовой фронт технического прогресса? Почему она опережает большинство стран по эффективности производства и качеству изделий? И вообще... почему для достижения столь поразительных результатов в XX столетии ей потребовалось всего несколько десятков лет, а до этого им предшествовали столетия японского «застоя»?

Как правило, в отечественной прессе приходится сталкиваться с очень поверхностными ответами на эти вопросы. И эти ответы скорее уведут от истины, чем к ней приблизят. Суть их сводится к двум причинам: американская помощь и отсутствие военного бюджета. Однако американские аналитики давно открыто признали, что наличие оборонного сектора производства является необходимым условием прогресса для всей промышленности, ведь именно там разрабатываются новейшие технологии. Что же касается американской помощи, то это очень большой вопрос.

После окончания войны Америка еще очень боялась конкуренции японской промышленности и поэтому в период оккупации навязала японскому правительству ряд очень неэффективных экономических решений (с точки зрения ведущих американских аналитиков), в частности, устаревшую систему пожизненного найма. Этим она надеялась затормозить рост производства в Японии и сделать ее своим послушным экономическим придатком. Однако, вопреки этой «помощи», японцы смогли прорваться на международный рынок со своими товарами, поскольку на самом деле у японского экономического чуда есть *глубокие системные корни*. Их-то мы и постараемся «раскопать».

Сами японцы видят главную причину своего успеха в правильной организации управления труда. А как справедливо пишет В. Цветов: «„Опыт мирового менеджмента учит: лишь в обстановке согласия и объединенной работы можно рассчитывать на успех. Вряд ли японские предприниматели сумели бы достичь единомыслия и долбиться коллективного труда на заводах и фабриках, если бы не обратились к потенциалу, скрытому в культурных традициях... Условия, типичные для японской средневековой деревни, были перенесены в цеха с роботами и гибкими производственными системами, в конторы с компьютерами и автоматами... В Японии принципы деревенской общины постоянно насаждались сверху“», — говорится в одной из последних вышедших в Японии книг по менеджменту „Новая японская система управления“» (В. Цветов. *Пятнадцатый камень сада Рёандзи*. — М.: Издательство политической литературы, 1991, с. 45).

Итак, главным фактором японского экономического чуда является *опора на самобытные культурные традиции* в жизни народа. Этот вывод делают сами японцы и ведущие западные аналитики. Наши же аналитики, в основном, его просто не знают, а некоторые и старательно замалчивают.

Вглядимся в традиции Японского Дела повнимательнее, и сравним их с Русским Делом. В этом нам поможет все та же очень информативная и объективная книга В. Цветова «Пятнадцатый камень сада Рёандзи».

Входя в дом, мы снимаем шапку — японцы снимают ботинки; мы стараемся добиться персональной ответственности за порученное дело — японцы твердо стоят за ответственность коллективную. Русская мать, желая приструнить не в меру расшалившегося ребенка, обычно пугает: «Смотри, из дому больше не выйдешь». В сходной ситуации японская мать прибегает к совершенно противоположной угрозе: «Смотри в дом больше не войдешь». Объясняясь в любви, мы бросаемся друг к другу в объятия — японцы же поворачиваются друг к другу спиной. Строгая доска, мы ведем рубанок от себя, а японцы — к себе. И как далее пишет Цветов, мы высоко ценим специалистов, профессионалов. Японцы предпочитают тех, кого мы неодобрительно называли бы «всезнайками». Список этих противопоставлений можно продолжать довольно долго. Они иногда доходят до символических, знаковых формул: так, например, слово «яма» в японском языке обозначает... гору! Вспомните знаменитую гору Фудзи.

Знакомясь со всеми японскими природными традициями, начинаешь понимать, что японцы совсем не такие, как русские. Но японцы и совсем не такие, как американцы. И при этом отличии они тем не менее очень успешно опережают США! Какие же они в труде, и в чем основа Японского Дела?

«Истоки японского трудового характера лежат в природно-климатических условиях японских островов. „Природа Японии — нищая природа, жестокая природа, которая дана человеку назло, — удивительно метко написал Б. Пильняк. — Шесть седьмых земли Японского архипелага выкинуты из человеческого обихода горами, скалами, обрывами, камнями, и только одна седьмая отдана природой человеку для того, чтобы он сажил рис“» (Из указ. соч. Цветова).

Итак, в отличие от Великой России, в Японии с самого начала земли было очень мало, и она быстро была полностью освоена. Экстенсивный полукочевой стиль жизни здесь был невозможен. Земледелец мог выжить, лишь развивая интенсивное земледелие. «„Когда японский земледелец проделал на своем поле все, до чего можно только додуматься, он начинает пропалывать ячмень — стебелек за стебельком, пользуясь большим и указательным пальцами. Это правда. Я видел своими глазами крестьянина за таким занятием“», — свидетельствует Р. Киплинг. Представить за таким занятием русского крестьянина просто невозможно» (Из указ. соч. Цветова).

Далее. К японским климатическим условиям более всего подходит поливное рисоразведение. «Для этого, — пишет В. Цветов, — нужна оросительная система: каналы с искусственной подачей влаги... Создание оросительной системы и теперь-то дело непростое. И потому 800 оросительных прудов с разветвленной сетью каналов, вырытых, судя по свидетельству древних хроник, в III–IV веках в стране Ямато — центральной части нынешней Японии, — правомерно, мне думается, прирав-

нять к египетским пирамидам. Как и сооружение пирамид, прокладка оросительных систем требовала труда многих людей. Земледельческие общины могли строить и поддерживать в рабочем состоянии оросительные системы лишь усилиями всех входивших в общины семей... Чтобы выжить, японцы должны были испуленно трудиться, причем непременно в составе группы, общины. Одиночку ожидала неизбежная гибель» (В. Цветов, указ. соч., с. 48).

Итак, в отличие от великороссов, японцы привыкли работать не аврами, а в монотонном режиме, они работали на одной и той же территории, работали очень слаженными коллективами. И если русская община не могла собраться, как пишет Г. Успенский (*Власть земли*. — М.: Советская Россия, 1985), всего за два-три дня проложить дорогу через болото для получения коллективной выгоды, то японская община постоянно организовывала грандиозные работы на оросительных системах. Более того, сама жизнь в японской деревне резко отличалась от жизни в деревне великоросской. Японцы селились скученно, крыша к крыше, разгораживая дом не постоянными стенами, а раздвижными, легко снимаемыми бумажными перегородками. Человек с детства идентифицировал себя с группой — семьей, соседями, локальной общиной — и до конца дней своих не представлял себе жизнь вне ее пределов. К чему все это привело в наше время? Вот несколько свидетельств из той же книги В. Цветова.

«Огромный авторитет общины не идет ни в какое сравнение с престижем отдельного лица, сколь высокое положение оно ни занимало бы». Очевидно, что авторитарное правление одной личности в Японии просто немыслимо. До сих пор в Японии подъем по иерархической лестнице жестко регламентирован, и человек может преодолеть путь вверх только в составе группы. «По возвысившейся над группой индивидуальности могут ударить, как бьют по шляпке гвоздя, вылезшего из доски». Может ли быть что-либо дальше от американской организации труда? Поэтому, когда говорят, что каждый отдельный русский умнее и талантливее каждого отдельного американца, то стоит поставить рядом признание одного американского бизнесмена, долго изучавшего положение в японской науке и промышленности: «Каждый из десяти американцев на голову выше каждого из десяти японцев, но десять японцев всегда на голову выше десяти американцев». Это свидетельство предельно высокой роли коллективного взаимодействия, заложенного в самую основу японского производства.

В. Цветов нашел ярчайший пример того, насколько японская жизнь далека от нашей: «В концерне «Мацусита дэнки» рабочего уволили за распространение в цехе газеты коммунистов «Акахата». Рабочий обратился в суд... По решению суда концерн восстановил рабочего на работе, но подверг его типично общинному наказанию. Оно оказалось страшней, чем любое иное. У входа на завод, подле проходной, построили домик — однокомнатную будку. Строптивому рабочему было сказано, что отныне его производственное задание — находиться в будке весь рабочий день и... ничего не делать... Зарплату он получал исправно, наравне с членами его бывшей бригады... Через месяц рабочего «Мацусита дэнки» отправили в больницу с нервным расстройством... Нет для японца более жестокой кары, чем оказаться выброшенным из общины в чужой мир».

Спрашивается, можно ли представить себе подобное наказание для русского рабочего? Те, кто поработал на производстве, поймут весь комизм этого вопроса.

И можно ли применить эту кару к американцам — эмигрантам, колонистам новых земель?

Древняя японская община состояла из нескольких сот человек. **ВЫЖИВАЕМОСТЬ В НЕЙ ЗАВИСЕЛА ОТ АБСОЛЮТНОЙ ПРЕДАННОСТИ ЕЕ ЧЛЕНОВ И ГАРМОНИИ ВЗАИМО-ОТНОШЕНИЙ.** Лидеры общины всячески поддерживали эти традиции. Эгоизм здесь был исключен. Это принципиально отличало ее от западной культурной традиции.

Скученность японской жизни приучила японцев к великолепному умению работать с партнером предельно надежно:

«— Скажите, пожалуйста, где у вас склад для хранения кормов? — спросил я крестьянина, о хозяйстве которого снимал телевизионный репортаж.

Хозяйство представляло собой два длинных одноэтажных сарая. В них содержалось 50 тысяч кур-несушек.

— Не вижу я и места, где вы держите снесенные курами яйца? — допытывался я.

— Зачем мне склад, если кормов лишь суточный запас? — ответил крестьянин вопросом на вопрос.

— Чем же вы собираетесь кормить кур завтра? — не унимался я.

— Завтра корма привезет господин Хосода. Он специализируется на них, — сказал крестьянин.

— А если не привезет? — предположил я.

— То есть как не привезет? — переспросил крестьянин с интонацией, будто я усомнился в неизбежности восхода солнца.

— Ну, вдруг умрет! — решил я смоделировать экстремальную ситуацию.

— Жена господина Хосоды привезет. — Крестьянин говорил со снисходительной уверенностью гроссмейстера, разбирающего для любителя шахматную партию.

— Жена будет хоронить мужа! — стоял я на своем.

— Сын господина Хосоды привезет. — Для крестьянина это было очевидной таблицы умножения.

— Сын уедет на похороны тоже!

— Сосед господина Хосоды привезет.

— У вас, что ж, такой строгий подписан контракт с господином Хосодой? — спросил я.

— Зачем нам контракт? — удивился крестьянин. — Господин Хосода, — разъяснил он, — пообещал мне привозить корма каждый день» (В. Цветов, указ. соч., с. 71–72).

Этот пример — правило повседневной жизни японских крестьян. В России такие ситуации невозможны даже в виде исключения.

Заметим, что в промышленность Японии эти национальные традиции перенесены один к одному. «На автомобильном заводе фирмы «Ниссан», — пишет В.Цветов, — выпускающем 420 тысяч машин в год, комплектующих частей имелось на два часа работы конвейера. Смежники привозили эти части с точностью плюс-минус два часа, и на заводе не помнили, чтобы конвейер останавливался». Даже в фантастическом романе нельзя представить такой ситуации в советской или российской промышленности. Это не укор самим себе, это констатация огромной разницы в характере организации труда там и у нас, разницы, которая возникла благодаря *изначально различным географическим условиям существования*.

В Японии, так же как и в Европе, за счет тесного проживания населения выработалось сильное чувство локтя в труде, причем в Японии плотность населения была выше и поэтому привычка работать кооперативно развилась сильнее, чем в Западной Европе, и, видимо, даже сильнее, чем где бы то ни было в мире.

Однако именно эта крайность и не позволила Японии первой начать промышленную революцию, так как была перейдена грань, за которой *индивидуальная инициатива была полностью растворена в групповой*. **ТЕХНИЧЕСКОЕ ЖЕ ТВОРЧЕСТВО ТРЕБУЕТ НЕЗАВИСИМОСТИ ЛИЧНОСТИ**, чего никогда не было в Японии. Еще и поэтому она опоздала стартовать в индустриальном развитии. Именно это Япония компенсировала, покупая патенты и собирая изобретения по всему миру во второй половине XX века.

Россия опоздала стартовать по прямо противоположной причине: *индивидуальной инициативы было более чем достаточно, но вот массового коллективного разделения труда не было*. Был целостный самодостаточный хуторской универсализм с очень слабыми, почти незаметными зачатками кооперации.

Итак, мы видим, что община в Японии совсем не похожа на общину в России или протестантскую общину в Америке. В России ярко выраженный индивидуализм в труде соседствовал везде с ярко выраженным стремлением к коллективному отдыху и общественной жизни. Причем *индивидуализм русских имеет особую окраску универсализма, который прямо противоположен узкой подготовке американского специалиста*.

Однако и японцы и американцы очень сильны коллективной организованностью труда, умением работать слаженными коллективами. Но отдых американец предпочитает проводить в одиночестве, где его дом — его крепость. У русского нет дома-крепости, и он предельно открыт вне трудовой деятельности. Японские рабочие работают вместе и отдыхают вместе. Если кто-либо из их бригады на коллективный пикник в выходной не берет свою семью — это рассматривается почти как прогул. Сравнивая же общинность русских, японцев и американцев, отметим: японцы — коллективисты в работе и отдыхе, американцы — коллективисты в работе, но индивидуалисты в отдыхе, русские — индивидуалисты в работе, но коллективисты в отдыхе.

Главным принципом труда в Японии является:

МАКСИМУМ ТРУДА ПРИ МИНИМУМЕ РЕСУРСОВ.

Вот в этой-то формуле и кроется истинная причина японского экономического чуда. Именно поэтому его начало совпало с электронной революцией в промышленности. Внедрение систем автоматизации производства требовало все большего количества электроники, все большей ее миниатюри-

зации и все большей надежности. Здесь-то и оказался востребованным в полной мере японский образ труда. На мировом электронном конвейере не нашлось равных трудолюбивым, привычным к кропотливому, тщательному труду, с вниманием к каждой мелочи — японцам. Коллективная ответственность и полное взаимопонимание не позволяли им делать брак — это поставило бы в трудное положение следующего по цепочке рабочего и подвело бы фирму, которая для японца значит даже больше, чем семья. Именно поэтому производительность труда и качество сборки у японцев оказались лучшими в мире.

Так в шестидесятых годах попали в **РЕЗОНАНС** внешние требования промышленности в области электроники и внутренние глубинные традиции японского народа. Все остальное произошло уже вследствие этого резонанса. Уже потом электронный конвейер вытянул на мировой рынок японские автомобили и многие другие товары.

Успех японской промышленности заключен в том, что вековые традиции японского народа как будто специально складывались тысячу лет так, чтобы *на финише развития западноевропейской цивилизации сыграть свою завершающую роль*.

Японская промышленность не внесла ничего принципиально нового в западные технологии. Она всего лишь *довела до совершенства все, что делалось на Западе*, и открыла дорогу западному производству на рынки дешевой рабочей силы в странах Юго-Восточной Азии. Ни для кого не секрет, что японские товары намного надежнее любых европейских и американских товаров. Это касается в первую очередь электроники и автомобилей. Японцы — мастера доводить до совершенства надежности и экономичности все, что придумано на Западе. Их трудовой менталитет как будто специально готовился к последнему этапу развития западноевропейской технологии, потребовавшему миниатюрной электроники, которая как нервная сеть проникла во все поры технической и бытовой сферы.

Другая роль Японии — **ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ** — передать импульс распространения западноевропейской культуры через западный путь на Восток. Начиная с 1500 года, европейская культура производства постепенно продвигалась все дальше на запад, в первую очередь в Америку. В XX веке после Второй мировой войны США, бывшая колония Европы, переросли учителя и стали новым центром западноевропейской цивилизации. И как любая метрополия, новая нарождающаяся империя окружила себя провинцией. Стареющая Европа стала для «Нового Рима» уже восточной окраиной, на западе же США создают себе плацдармы в Японии и далее через нее — в Юго-Восточной Азии.

И если США полностью подчинят себе древний арабский мир, к чему они приступили очень активно с начала XXI века, то земной круг геополитического развития западноевропейской цивилизации замкнется через Турцию на Европу в сплошное кольцо. Так европейская культура осуществит мечту Колумба, который хотел найти «западный путь в Индию». Отправившись осваивать новые земли на запад, она вернется в Европу с востока.

И поэтому пример Японии — это лишь фрагмент большой мозаики успеха Европейского Дела. В свою очередь, секрет успеха Китая или стран ЮВА лишь в том, что их народы наилучшим образом и за наименьшие деньги вписались в требования конвейерной дисциплины труда.

Секрет же успеха Западного Дела кроется в первую очередь в том, что мировая культура с определенного момента своего развития вступила на путь дифференциации знаний и специализации их применения в промышленности.

На этом пути наиболее подготовленной оказалась Европа. Из-за большой скученности населения на небольших и хорошо проходимых пространствах европейские народы, как нигде в мире, были готовы сначала к ремесленному, а затем и к промышленному разделению труда. Европа в отличие от России научилась ценить землю и все, что на ней сооружалось веками. Именно европейские природные условия наилучшим образом подготовили развитие промышленности и соответствующего менталитета.

Привычка к спокойному размеренному труду, постоянно развивающееся распределение функций между отдельными городами, оседлость и прагматизм, конкретность и приземленность, нацеленность на достижение материального успеха. Это и все остальное, что существенно отличает европейцев от народов других стран — все это стало внутренней основой глобального европейского резонанса, результатом которого стало продолжительное *европейское чудо*. Чудо, суть которого в том, что периферия Римской империи — бывшие варвары, дикие лесные племена — постепенно вышли в лидеры мирового прогресса и создали великую западноевропейскую культуру. Не будь *чуда европейского*, не было бы и *чуда японского*. И не было бы чудес со странами ЮВА.

Что же полезного может извлечь из этого опыта Россия? Очевидно, что нет никого, менее при-

способленного к монотонному, кропотливому, тщательному, узкоспециализированному труду на конвейере, чем русский. Копировать напрямую опыт Японии, Китая и других стран Юго-Восточной Азии — для нас столь же бессмысленно, сколь пытаться перенести опыт полива рисового хозяйства в северные леса России. Пытаться догнать США, идя в хвосте развития западноевропейской цивилизации, — все равно, что сажать кукурузу на болотах. Слепое копирование опыта — это прямой путь к созданию мраморных телефонов старика Хоттабыча. Бурные годы конца XX века именно это и показали: *полную бесперспективность слепого повторения чужого опыта.*

Опыт успеха других стран нужно понять, используя системную СУТЬ. Для России она сводится к формуле успеха, зеркально противоположной японской формуле:

МИНИМУМ ТРУДА ПРИ МАКСИМУМЕ РЕСУРСОВ.

Эта формула лишь при поверхностном взгляде напоминает *формулу лени*. На самом деле — это *формула изобретательности*. Если ресурсов, требующих преобразования, очень много (например, большие расстояния), то минимизировать затраты на их освоение можно лишь за счет новых решений (например, изобрести колесо).

В России всегда был избыток ресурсов (пространства, рек, леса, полезных ископаемых), и всегда была самая низкая плотность населения в сравнении с Европой. И то, что Россия своей минимальной численностью освоила 1/6 часть суши Земли, разведала и наладила добычу и транспортировку 40% всех мировых сырьевых ресурсов — яркое проявление этой формулы.

Посмотрим теперь, где эта формула могла бы реализоваться во всей своей полноте. Для этого нам нужно будет уйти из области исторического анализа на зыбкую почву социального, технического и геополитического прогноза.

РУССКОЕ ЧУДО

2000-3000 годы

Россия блестяще закончила свое первое тысячелетие развития в русле общемирового цивилизационного процесса.

За тысячу лет русский народ освоил гигантские географические пространства. А к концу XX века подготовил к использованию для мировой промышленности 40% мировых запасов природного сырья. Уже за одно это история может поставить России пять с плюсом. А ведь были еще победы над общими для человечества врагами, над отжившими империями и над реакционными режимами. Были успехи русской культуры и русской науки, которые обогатили мировую культуру и мировую науку. Был героический подвиг первооткрывателей космоса, который дал неоценимый опыт в развитии мировой космонавтики. Накоплен бесценный опыт соборного единства разных народов, религий и культур в рамках одного геополитического пространства. И многое, многое другое, что неоспоримо имеет общемировое значение.

Поэтому огульная критика, постоянно раздающаяся в адрес русского народа в последние годы, — всего лишь безграмотный и поверхностный вымысел псевдоинтеллектуалов. Они бездумно сравнивают Россию с Западом, *не учитывая исторической перспективы и географических масштабов.*

Да, в России плохие дороги. Но какие в России пространства! Да, Россия хуже обустроена. Но она начала освоение своих земель минимум на 500 лет позже Европы! И можно ли сравнивать уровень жизни в России и в США? Самые северные районы США находятся в климатической зоне Краснодарского края, и еще на США за всю историю никто никогда не нападал — там была всего лишь одна гражданская война. В США непрерывным потоком приезжали наиболее активные европейцы, которые везли с собой свои богатства, причем часть этих богатств вывозилась (и продолжает вывозиться) из России. И, кроме того, уровень жизни в США нужно обязательно рассматривать совместно с уровнем жизни в Латинской Америке, являющейся по сути ресурсной периферией США. Поэтому страны Латинской Америки — это часть единой Американской империи. А жалкие лачуги и безграмотное нищее население Латинской Америки — *обратная сторона блестящего фасада США.* У России нет колоний. И в целом по России люди до определенного момента жили одинаково лучше, чем в Латинской Америке. А если в последние пятнадцать лет и стали жить хуже, то в первую очередь потому, что из России за это время вывезено на запад более триллиона долларов, которые влились в экономику других стран.

Нет, России не в чем виниться перед человечеством. По самым **ВЫСОКИМ** меркам **РОССИЯ СДЕЛАЛА ВСЕ, ЧТО МОГЛА ЗА ПОСЛЕДНИЕ ТЫСЯЧУ ЛЕТ, И ДАЖЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ МОГЛА.** А потому она имеет полное право войти в мировое сообщество с высоко поднятой головой и занять там достойное место.

Почему же эта идея времен перестройки обернулась немислимыми разрушениями российской экономики и катастрофическим обнищанием большей части населения?

Задавая этот вопрос, мы будем искать ответы не там, где их традиционно ищут — в области борьбы за геополитическое господство или в происках внутренних врагов. У кого нет врагов внешних и внутренних? Мы будем последовательно логичны и найдем ответы в закономерностях развития Русского Дела в условиях перехода его к новой исторической эпохе — *эпохе международного разделения труда*, которая началась в XX веке и станет определяющей на ближайшие столетия.

Ответ на вопрос о гигантских проблемах сегодняшней России мы не будем искать в локальных ошибках и мимолетных тенденциях. Масштабы тысячелетнего анализа становления Русского Дела требуют соизмеримых масштабов прогноза на тысячу лет.

Отвечая заранее на возможные упреки в отсутствии реализма нашего прогноза, приведем следующую аналогию. Врач наблюдает за больным. Если каждый день положение больного ухудшается, например, растет температура, то плохой врач может сделать псевдореалистичный вывод: поскольку температура растет, то в конце концов она дорастет до 42 градусов, а потому впереди у больного —

очевидная смерть. Хороший же врач поставит диагноз: например — «грипп», выпишет лекарства, а родственникам больного скажет, что после кризиса температура обязательно пойдет вниз и больной выздоровеет. По аналогии с этим примером, нельзя делать прогноз для России, рассматривая одну только ее сегодняшнюю болезненную тенденцию. России нужно поставить точный диагноз и выяснить, чем же она больна: неизлечимым раком или тяжелой формой гриппа. И только после установления характера и причины болезни можно делать выводы о том, что делать дальше: вызывать ли священника или бежать в аптеку за лекарствами. Ни один грамотный врач не будет ставить диагноз, основываясь только на температуре и слабости больного. Любой врач заглянет в глубь причин заболевания.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЫНОК ТРУДА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Падение «железного занавеса» вокруг социалистического лагеря нарушило изоляцию отечественного производства от бурных ветров международного рынка. И тут же выяснилось, что *мы не можем* делать такие же качественные товары, как Япония, США или Европа, или такие же дешевые, как Китай. Еще выяснилось, что *нас не ждали*. И еще, что все экологические и ресурсные проблемы всего человечества *другие* готовы решать за счет сокращения производства, в первую очередь, почему-то у нас.

Поэтому главная проблема отечественного производства:

ВПИСАТЬСЯ В МЕЖДУНАРОДНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА.

Есть среди русских патриотов, к сожалению, расхожее мнение, что нам незачем это делать, незачем объединять свои усилия с остальным человечеством, тем более с США. Они полагают, что при гигантских богатствах природных ресурсов Россия может жить лучше многих стран мира, лишь продавая сырье и охраняя себя мощной армией. По сути дела, они ратуют за продолжение той общей хозяйственной традиции, которая была характерна для России все последнее тысячелетие. Это была самодостаточная и замкнутая экономика, которая опиралась лишь на свои силы, а избытки сырья меняла на товары, оборудование и вооружение. Возможно ли такое в будущем в принципе?

Ну, во-первых, представить, что нам удастся загородить от шести миллиардов людей 1/6 часть суши и наслаждаться здесь своими природными богатствами, пока остальные будут вымирать от ресурсного голода, очень трудно. Тем более что попытка сохранить замкнутую экономику уже была предпринята с максимальными усилиями в СССР. И история показала, что тягаться со всем остальным миром Россия не может, даже если присоединит к себе близкие и неблизкие окраины. А если весь мир входит в фазу международного разделения труда и создания единого промышленного производства, то отделиться такой стране, как Россия, никто не позволит. Россия — это не Северная Корея, которая, по большому счету, никому не интересна.

Во-вторых, а хорошо ли вообще не участвовать в международном разделении труда? Очевидно, что это обязательно поставит отечественную промышленность вне мировой конкуренции и приведет ее ко все возрастающему отставанию. Жить же исключительно за счет продажи сырья, как живут, например, жители Кувейта* — лично мне это кажется весьма скучным занятием. Если же отвлечься от эмоций, то *сам по себе* этот путь развития не имеет большого будущего, ибо ресурсы рано или поздно имеют свойство заканчиваться.

**В наше нищенское время, однако, мечта о сырьевом богатстве для каждого россиянина манит очень многих. Мечта эта, однако, вряд ли осуществится, ибо 150 миллионов жителей России — это не несколько миллионов жителей Кувейта, учитывая же наши геополитические особенности, надеяться, что Запад отдаст прибыль от недр народу России, не приходится. Запад, как мы видим, наоборот, продолжает подгрывать ресурсы под свой контроль, что хорошо видно на примере Ирака.*

Поэтому у России по многим причинам нет другого варианта, как найти свое *новое* место в мировом хозяйстве. Причем это место нужно искать сразу, чтобы оно не было временным отстойником для слаборазвитых стран. Место это должно быть *на самом высоком уровне мирового хозяйства*. Поэтому следует внимательно посмотреть не только на существующие производства и отрасли России, но и на ее потенциал, чтобы определить это место *с высочайшей точностью и долгосрочной перспективой*.

Такое место, как показал анализ, для России есть. Можно выделить четыре четких сектора мировой экономики, в которых Россия может стать успешной на долгие годы.

Начнем с очевидного — **СЫРЬЕВЫЕ ЗАПАСЫ**. Их у России так много, что хватит не на одно поколение. Их продажей на мировой рынок можно занять более десяти миллионов населения страны. Ибо любое сырье необходимо добыть, предварительно переработать и затем организовать его транспортировку в другие страны.

Именно поэтому *первыми* из хаоса перестройки стали выплывать сырьевики, которые сколотили из обломков затонувшего Союза мощный ресурсный плотик, неплохо, надо сказать, на нем обустроились и посторонних туда уже не пускают. Слава богу, сырье на мировом рынке покупают с охотой, тем более что Русское Дело не портит его качества*.

**К сожалению, в настоящее время эта опора лишь косвенно и в слабой мере поддерживает народ России. Львиная доля богатства идет верхушке и перетекает на счета в западные банки. Но это — вопрос не экономики, а социального перераспределения средств. При другой ситуации на эти средства можно будет создавать условия для развития нересурсных секторов экономики.*

Второе направление, по которому к концу XX века Россия достигла высокого мирового уровня и продолжает его поддерживать, — **ЭТО ИНТЕЛЛЕКТУАЛОЕМКИЕ И ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА УНИКАЛЬНЫХ ИЗДЕЛИЙ**. Речь идет в первую очередь об оружии, космической и энергетической технике. Как показала практика, российская космическая техника не только не уступает по надежности уровню американской, но даже после катастрофического периода 90-х годов остается более надежной и практичной. Оказалось, что не все решают большие деньги, многое решают и *уровень подготовки и общая устремленность нации*.

Кроме космической техники и вооружений российская промышленность способна на прокладку магистральных трубопроводов, постройку атомных станций, создание уникальных образцов крупной техники. *Все, что не требует конвейерного производства, все, что не требует товарного вида, все, что требует индивидуального подхода, стендовой сборки или просто постройки, все это может на долгие годы стать второй конкурентоспособной отраслью России.* Это направление можно условно назвать ВПК (военно-промышленный комплекс), так как основное ядро этого направления всегда было сосредоточено именно там.

Поэтому одной из задач для возрождения российской экономики является *переориентация на внешний рынок бывшего ВПК*. От успеха этого этапа зависит, быть ли России только ресурсной и мафиозной страной в будущем с малограмотным и немногочисленным населением, либо быть страной, в которой высокий уровень технологий ВПК требует высокого уровня профессиональной подготовки и образованного населения. Есть некоторые признаки того, что с приходом к власти В.В. Путина Россия медленно стала менять курс в этом направлении. И хотя сделано пока немного, но тот факт, что в 2003 году, впервые за годы с начала перестройки, нашлись деньги на закупку у ВПК современных видов вооружений для российской армии, а после 12 лет своего отсутствия Россия вернулась на Северный полюс, — знаковый симптом.

Пожалуй, мало найдется оппонентов первым двум направлениям. Но как только речь заходит о *третьем направлении* для российской промышленности, так сразу начинаются ожесточенные споры между двумя лагерями.

Корни этих споров уходят на самом деле в далекую старину, в допетровские времена. И после революции тоже были дискуссии -развивать ли свою собственную промышленность или заимствовать западную технику. За развитие своей промышленности в свое время боролся с Бухариным Сталин. И он победил Бухарина, который предлагал всю технику закупать за границей, расплачиваясь сырьем. Однако у Сталина была другая задача: *не допустить зависимости страны в области производства оружия от капиталистического лагеря*. Он понимал, что такая зависимость делает Союз крайне уязвимым от любой экспансии Запада. И сталинская индустрия в середине XX века победила европейскую. Однако никакие усилия не смогли победить в гонке всю западную промышленность, возглавляемую США. Силы были исходно не равны, и шансов у СССР выиграть «холодную войну» по большому счету не было. Ибо любое вооружение — это лишь верхушка промышленного айсберга, который, в свою очередь, *опирается на все ресурсы народа, в том числе и на его благосостояние*.

В наше время за сохранение всех отраслей производства бывшего СССР борются коммунисты. Против этого и против протекционизма борются отечественные демократы, которые, однако, не

предлагают взамен никаких позитивных альтернативных программ развития экономики, лишь изредка рекомендуя идти путем других стран и создавать в России «отверточные производства».

Но ни тот, ни другой путь не имеет никаких перспектив и ничего, кроме потери времени, не дает. Проанализируем почему. При этом предварительно еще раз оговорим, что анализируется не местная промышленность, которая в силу ряда причин (удаленность, таможенные сборы, близость сырья и наличие пустых производственных помещений) некоторое время может быть вполне успешной на российском рынке. *Анализируется лишь та промышленность страны, которая может успешно конкурировать на самом высоком, мировом уровне.*

«Отверточные» российские технологии бесперспективны для мирового рынка просто потому, что миллиарды людей в ЮВА все сделают гораздо аккуратнее и дешевле. Тем более что затраты на отопление там гораздо ниже. Но даже если бы в России были тропики и труд стоил дешевле, чем в Китае, разве стоило бы развивать отупляющее конвейерное производство, которое не только не требует каких-либо умственных усилий, но и не использует мощнейший творческий потенциал русского народа? Да и что, разве китайцев мало? Нас всего 150 миллионов, а в ЮВА проживает минимум в 10 раз больше! Им стоит только чуть снять запреты на рождаемость, и вот через 20 лет уже готова «целая Россия» молодых сборщиков для конвейера. Куда нам за ними гнаться в этом направлении? Это ли не тупость и безграмотность? Тем более что конвейерное производство, по большому счету, — не для русского трудового характера.

Посмотрим теперь на позицию так называемых патриотов, которые защищают целые отрасли, например автомобилестроение. Практика показала, что мы не можем делать хорошие автомобили даже для самих себя. Старые авто из Европы и дешевле, и лучше, и надежнее, чем наши самые свежие разработки. Это практика. Даже патриоты и то стараются ездить на иномарках. Аналогичная ситуация и с другими товарами. Только фантасты с гуманитарным образованием, никогда не работавшие в отечественной промышленности, могут строить планы выхода русских серийных товаров на мировой рынок.

Автор в свое время поработал и мастером на заводе, и научным сотрудником в отраслевом НИИ, и организатором производства во время развития кооперативов. В настоящее время я являюсь директором созданной мной же в начале 90-х годов фирмы по производству алмазно-абразивного инструмента, не имеющего аналогов в мире. И только поэтому вот уже 10 лет нам удается поставлять его небольшими партиями в Европу и США. Почему небольшими — отдельная тема. Главное другое — наш инструмент не только не уступает по своим показателям западному, но и в ряде случаев его превосходит. Поэтому, что значит сделать в России конкурентоспособный товар, я знаю не понаслышке. Какие нужны усилия, чтобы выбрать в стране единственно качественное сырье и комплектующие; сколько сил уходит на организацию их поставок и контроль качества; сколько средств — на создание запасов; все это — тема горькая. Удастся же из этого сырья сделать качественный инструмент лишь потому, что практически все рабочие и специалисты — это выходцы из оборонной или космической индустрии, где они получили великолепную подготовку и где их научили работать с высочайшей ответственностью. Создать еще одно подобное производство в небольшом районном городе я вряд ли смогу хотя бы уже потому, что не найдется кадров необходимого уровня.

Ну, да не об этом речь. Вся практика моей производственной деятельности говорит о том, что конкурировать в сложном массовом производстве с Западом нам не под силу, если не брать некоторые исключения. И главный вывод, который я сделал, обобщая свой тридцатилетний производственный опыт (от мастера на тяжелом и грязном абразивном производстве до руководителя фирмы, запустившего в производство с нуля пять видов стоматологического инструмента и выведшего их на мировой рынок), заключается в следующем.

В России не имеют ни стратегической, ни тактической перспективы попытки создания *полного производственного цикла с выходом на серийное производство товара, который был бы выше мирового уровня.* Зато в России имеет стратегическую и тактическую перспективу **СОЗДАНИЕ РАЗВИТОЙ СЕТИ ОПЫТНО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ЦЕНТРОВ**, главной задачей которых является реализация новых технологических принципов в виде **МАКЕТОВ, ОПЫТНЫХ ОБРАЗЦОВ** и опытных **ПРОМЫШЛЕННЫХ ПАРТИЙ** с последующей продажей (или передачей) **НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЗАПАД.**

Люди, поработавшие в отраслевых НИИ, как «отче наш» знают всю этапность создания новой техники. Этапность эта зафиксирована даже в ГОСТе.

Первый этап — формулирование идеи. Предполагается, естественно, что ей предшествует и ну-

левой этап — поиск и рождение новой идеи. Это так называемый НИР (научно-исследовательская работа).

Второй этап (который, как правило, входит частью в НИР) — создание макета. Задача этого этапа показать, что новая идея в принципе способна быть реализована в материале. От макета другого и не ждут.

Третий этап — создание опытного образца. Опытный образец создается в экспериментальных мастерских с учетом всех требований к технологии его изготовления и из таких материалов, которые и будут использоваться в будущем серийном производстве. Задача этого этапа — найти принципиальные конструкторские решения и определиться, будет ли опытный образец работать, если его изготавливать из серийных материалов и комплектующих, а не из первых подвернувшихся под руку деталей. Часто оказывается, что хорошая идея, сулившая на этапе создания макета немалую выгоду, при ее заземлении на реальную сырьевую и технологическую базу оказывается либо неработоспособной, либо неэкономичной.

Четвертый этап. Если опытный образец проходит все испытания, то для принципиальной отработки технологии его изготовления, для выявления всех «подводных камней», которые могут возникнуть в процессе массового и тем более серийного производства, необходимо выпустить опытную партию, затем — на *пятом этапе* — организовать опытно-промышленное производство, где новое изделие будет выпускаться минимальными партиями, но уже в жесткой технологической последовательности и на предполагаемом серийном оборудовании.

Практика показывает, что на доводку изделия в таком режиме уходит иногда до 10, а то и до 20 лет.

И, наконец-то, мы подходим к *шестому этапу* — к промышленному серийному выпуску. Здесь возникают уже такие тонкости, которых в принципе не может быть на предыдущих этапах. Ведь при серийном выпуске массовой продукции любой перерасход даже одного грамма материала может сделать товар неконкурентоспособным. Нужно учесть все нюансы, связанные с сырьем, с оптимальностью конструкции, со степенью автоматизации производства и еще миллион факторов. Только тогда добротный на стадии опытного производства товар сможет стать мировым товаром и выдержать конкуренцию на мировом рынке.

На этом, однако, не заканчивается путь идеи к потребителю. Далее серийный товар попадает в область *организации его сбыта*. А это и централизованная сеть складов, сеть дилеров, мощная реклама и многое другое. Именно здесь на потребительском рынке окончательно определяется актуальность новой идеи, и здесь наконец-то начинают возвращаться средства, вложенные на всех предыдущих пяти этапах. Без проработки этого шестого этапа нечего и надеяться на успех товара на мировом рынке. Этот этап требует зачастую затрат не меньших, чем подготовка серийного выпуска. Именно поэтому, в частности, наша фирма не может развернуть массовое производство лучшего в мире алмазного инструмента и продавать его по всему миру большими объемами. Нашей фирме просто не под силу мировой маркетинг и сбыт.

Так вот, главная идея заключается в том, *что в России можно лучше, чем где-либо в другой стране мира, осуществлять первые три-четыре этапа, доводя новации до опытного образца или опытной партии*. Причем в любых конкретных областях техники.

Исключение из этого правила составляет вооружение, которое в силу жизненно важных причин в России научились выпускать серийно и на мировом уровне. Однако военная серийная продукция — это незначительное исключение из общего правила, согласно которому серийное производство лучше всего создается на Западе и лучше всего эксплуатируется в странах ЮВА.

Поэтому автор в свое время предложил простой *треугольник разделения международного труда*: в России разрабатываются новые изделия; в США, Японии и Европе под них создаются производственные мощности (конвейерные линии); эти мощности затем устанавливаются в странах ЮВА, где и производится массовый товар (рис. 1).

Эта идеальная схема международного разделения труда могла бы решить огромное количество мировых проблем и сделать новую Россию *страной индустрии творчества*.

Как всякая идеальная схема, эта схема вряд ли легко реализуема напрямую. И хотя ее два звена в настоящее время уже оформились, включение в нее третьего звена — российского — задача далеко не простая. Здесь существует множество проблем. Рассмотрим их последовательно.

Рис. 1. Идеальная схема международного разделения труда.

Россия — производитель инновационного продукта, передает его в виде опытных образцов ЗАПАДУ, где осуществляется разработка технологии серийного производства и изготовление конвейерного оборудования. Готовые производства вывозятся на ВОСТОК, где производятся товары народного потребления.

ПРОБЛЕМА МЕСТА РОССИЙСКИХ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ В ЭТОЙ СХЕМЕ. Всегда может возникнуть вопрос: а почему центр тяжести новых разработок должен находиться в России? Мало ли что для этого хорошо подходит Русское Дело? Разве другие страны не могут творить новую технику? Так каждый захочет взять себе в международном разделении труда самую интересную часть, оставив трудоемкое и кропотливое создание конвейеров и их эксплуатацию другим.

Полный ответ на этот вопрос будет дан ниже. Здесь же, не вдаваясь в нюансы, можно ответить, что *каждый народ в упорной борьбе отвоевывает себе место на международном рынке труда, доказывая свою конкурентоспособность и эффективность не на словах, а на деле.* И поскольку у русского народа есть всего лишь предпосылки для успешного овладения именно творческим сектором международного рынка разделения труда, то ему предстоит долгий и трудный путь к реализации этих предпосылок. Это очевидные, прописные истины. Речь не об этом. Речь идет о том, что свойства русского трудового характера *позволят* в будущем выйти на действительно конкурентоспособный товар — **НОВАЦИИ В ИХ ЧИСТОМ ВИДЕ.** И эти же свойства *не позволяют ему в принципе* выйти на рынок серийного производства или производства конвейерных линий. Следовательно, нужно вектор внешней и внутренней политики государства выстроить в будущем именно вокруг этого нового и перспективного направления, и не расплывать силы по всем фронтам.

Другая проблема — научиться **ПОЛУЧАТЬ ВЫГОДУ** от чисто новационного, по сути дела, — **ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОДУКТА.** Россия не имеет опыта в получении выгоды даже от продукции ВПК, где все гораздо конкретнее и понятнее, а в области новатики нет даже короткого реального опыта по массовому производству новаций. Здесь потребуются реформы не меньшие по масштабам, чем в свое время реформы Петра I. Как Петр I с нуля создал флот и оборонную промышленность, так и России предстоит практически с нуля создать инновационный комплекс. И возможно, что для реализации этого грандиозного проекта потребуется личность не менее масштабная, чем Петр I.

В чем здесь главные трудности? Внутренние — организация широкой сети эффективных центров новых технологий, прообразами которых являлись в СССР отраслевые НИИ. По сути, речь идет о создании глобальной отрасли — **ИННОВАЦИОННО-ТВОРЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА (ИТК).** Внешние трудности — создать систему государственной поддержки и защиты практически полуфабриката: опытных технологий и образцов. На потребительский рынок с ними не выйдешь, на внутреннем рынке на них спрос будет минимальным с учетом отсутствия в России конкурентоспособной промышленности. Единственными реальными потребителями являются западноевропейские, японские и южнокорейские фирмы.

И тут возникает главная проблема — *наш инновационный продукт давным-давно и успешно вывозится за границу просто так, за бесценок, а часто и вместе с его разработчиками.* Запад не хочет платить нормальную цену за информацию, которую он пока получает практически даром. И уж тем более Запад не станет создавать в России центры новатики, вкладывая деньги в перспективу роста страны. Его, кстати, вполне можно понять. Если вы приходите на золотые прииски и видите, что самородки просто так валяются под ногами, то до тех пор, пока вы их все не соберете, вы не станете вкладывать средства в оборудование для добычи золота. (Если, конечно, эти прииски *ничьи*, в противном случае желающим собирать слитки *придется купить себе право* это делать! — *Прим. ред.*)

В конце XX века Россия распахнула границы, и новые разработки хлынули на Запад через различные фонды, типа фонда Сороса, через разведку, вывоз специалистов или простое воровство. Эти разработки принадлежат теперь не России, и будут долго еще всплывать в новых товарах, как успех западной инженерной мысли без всяких намеков на Россию. Автор лично знаком с несколькими авторами конкретных разработок, вернувшихся в Россию, как импортные, а вывезенных на Запад еще из бывшего СССР.

Поэтому понятно, что если бы Запад захотел создать в России инновационную индустрию, он смог бы это сделать очень быстро, но при этом Россия уже не была бы простым ресурсным придатком мировой экономики. Пока для Запада важнее контроль над природными ресурсами, он будет проводить политику понижения в России интеллектуального потенциала и уровня жизни, чтобы легче и практически даром вывозить отсюда все сырье. И естественно, Западу не нужна мощная и творческая Россия, которая может начать требовать за сырье другую цену, что существенно обескровит те же США. И лишь только когда Запад почувствует, что интеллектуальный ресурс России для него важнее ресурса сырьевого, как только он начнет задыхаться без свежих идей, так он сразу же переменит политику и будет вынужден насаждать в России творческие центры, как в свое время Запад насаждал в России фабрики и ресурсные заводы.

Однако для этого нужно быть уверенными, что основным источником творческой мысли в XXI веке является именно Россия. Насколько такая точка зрения обоснована, будет показано ниже. И так же как в Японии, когда необходимые и достаточные внешние условия войдут в резонанс с условиями внутренними, с Русским Делом, этот резонанс породит *русское чудо*.

РУССКИЙ РЕЗОНАНС

Чтобы определить вероятность взлета русской культуры в будущем, вообразим такие условия развития технического прогресса, при которых Русское Дело окажется в резонансе с самыми насущными запросами человечества. Напомним наиболее отличительные особенности Русского Дела.

Самое главное — **УНИВЕРСАЛИЗМ**, с неприятием узкой специализации труда. Затем, **ТВОРЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА** с сильнейшей тягой к **УНИКАЛЬНЫМ** процессам, явлениям и с плохой приживаемостью к монотонной однообразной работе. Далее — невероятная **ВЫЖИВАЕМОСТЬ**, **ПРИСПОСОБЛЯЕМОСТЬ** и **НЕПРИХОТЛИВОСТЬ**, переходящая в **НЕТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ** и **НЕПРИТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ**, способность жить в дискомфортных, с точки зрения европейца, условиях. И, наконец, **РАЗМАХ** во всех его проявлениях: от национальной **ТЯГИ К ГЛОБАЛИЗМУ СВЕРШЕНИЙ ДО АВРАЛЬНОГО** характера труда.

И еще несколько свойств: отсутствие многовековой привычки к частной собственности на средства производства, в том числе и на землю; неуважение к частной собственности других, стремление к общинному выравниванию дохода; нерыночность и нетоварность; отсутствие привычки доводить продукцию до предельного совершенства. Отсюда постоянное стремление обходиться без денег, обмен натурой, ориентация не на личное богатство, а на достойный образ жизни с гарантированным уровнем потребления.

Другие важные свойства проявляются в переломные моменты истории русского народа: постоянное стремление осваивать открытые пространства с преодолением сопротивления не социальной, а природной среды, широта характера, тяга к глобальным, масштабным свершениям, когда отступает индивидуализм и просыпается дух коллективизма, открытость характера, переходящая в интернационализм. Поэтому Россия — это **ЦЕЛАЯ ВСЕЛЕННАЯ**, а русский — **ЧЕЛОВЕК ВСЕГО МИРА, ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ**.

В какой период развития человечества этот уникальный набор свойств окажется востребованным на все 100 процентов? По мнению автора — *на первой стадии освоения космического пространства и дальнейшего создания поселений в космосе*. Как будет выглядеть человеческая цивилизация в этом воображаемом будущем? Пофантазируем.

Что, если основной областью деятельности человечества станет ближний космос? И именно туда будут вынесены все энергетические станции и основные технологические процессы по синтезу новейших материалов? На орбите и на Луне будут вестись работы по монтажу заводов, наблюдательных и экспериментальных модулей. Продолжится разведка космического пространства, изучение

природных процессов вне Земли — все это поможет человечеству открыть новые физические закономерности. И отдельной задачей станет установление связи с другими цивилизациями.

Вся эта непростая деятельность великолепно подходит к особенностям Русского Дела. Во-первых, монтаж и управление всеми этими станциями — работа *уникальная* и прямо противоположная по стилю работе на конвейере. Во-вторых, пребывание на станциях первых поселений будет сопровождаться рядом *бытовых неудобств* и ограничений, которые русским нипочем. В-третьих, первые орбитальные коллективы будут небольшими, и в них невозможно будет собрать узких профессионалов по всем требуемым направлениям. Обслуживание этих станций, их ремонт и разрешение множества нестандартных ситуаций потребует *специалиста-универсала, изворотливого и находчивого умельца*, каковыми богата русская земля.

Представить, что в случае поломки какого-то узла придется вызывать с Земли бригаду специалистов по его ремонту, можно только в плохом фантастическом романе. Длительное пребывание станций на орбите будет возможно только в случае, если их обслуживание и ремонт полностью возьмут на себя обитатели этих же станций. Уже был прецедент, когда русский космонавт один починил все поломанные приборы на американском корабле. Что ж, этим нас не удивишь.

В-четвертых, жизнь на таких станциях просто автоматически станет *общинной*. Трудно представить, что кто-то будет там одеваться богаче, и питаться лучше, у кого-то будут слуги. Трудно представить себе и частную собственность внутри такого коллектива. На что? На двигатель у Джона и энергоблок у Питера? Очевидно, что на орбитальных станциях не будет никаких товарных и денежных отношений.

Для русского человека все это — просто здорово. Ему не надо будет перестраивать свой менталитет. Ему не надо будет отвыкать от частной собственности на средства производства, к которой он так и не успел привыкнуть.

Кроме того, обстоятельства станут вносить и неизбежные «поправки» к русскому трудовому характеру. На космическом корабле все индивидуальные замашки придется соизмерять с новой реальностью: по существу, в локальных условиях бытия станции будут смоделированы условия жизни типа японской общины. Такой сплав космического размаха окружающего пространства и тесноты внутри станции может породить *новый тип личности*. Это уже будет не совсем русский тип, а скорее оригинальное развитие этого типа в XXI веке. В то же время следует помнить, что преодоление трудового индивидуализма на космических станциях не означает отказа от него в Русском Деле. Творческий поиск на Земле, инновационная индустрия — трудовой индивидуализм останется там крайне ценным свойством, не требующим переделки. Но то, что в условиях космоса в обозримом будущем не будет конвейерной и узко дифференцированной работы, и русский на станции никогда не превратится в винтик западноевропейского конвейера — несомненно.

И, наконец, выход на орбитальное производство — *глобальная задача*, к которой русский народ готов лучше любого другого.

Во-первых, **НАМ ПРОСТО НЕОБХОДИМА НАЦИОНАЛЬНАЯ СВЕРХЦЕЛЬ ВСЕЛЕНСКОГО МАСШТАБА — ИНАЧЕ РУССКИЙ ДУХ НЕ СПАСТИ.**

Во-вторых, мы уже многое сделали в этом направлении. У нас чуть ли не самая лучшая космическая индустрия и уникальный опыт длительного пребывания в космосе. Мы могли бы и сами, пожалуй, справиться с проблемой массового выхода в орбитальный космос, но помощь других стран все же крайне необходима. Нужна очень хорошая электроника, нужны нормальные отношения с другими странами и прекращение бесконечного выкачивания ресурсов из страны (*так, в 1994 году Россия истратила на космические программы около 300 миллионов долларов, а российский частный капитал, имеющий преимущественно сырьевой источник, в том же году каждый месяц вывозил за рубеж около 2 миллиардов долларов*), и наконец, нужен просто мир вне России и внутри нее. Очевидно, что этого не достичь без тесного сотрудничества всех цивилизаций планеты. Только соборное единство мира может стать геополитической платформой для овладения человечеством космическим пространством.

Выход в космос — это не просто еще одна точка опоры для России. Это квинтэссенция всех ее трех земных опор: ВПК, ИТК и ТЭК. Космическая индустрия дополнит земной треугольник опоры России до тетраэдра, вершина которого будет уже на орбите (рис. 2). Чтобы осваивать космос, необходимо будет иметь ресурсы, уметь создавать космические корабли и станции и творить новые технологии на орбите. И мы видим, что все три ведущих сектора будущей экономики России сливаются в один общий узел именно на космических орбитах.

И хотя в целом очевидно, что выход человечества в космос, как это давно уже предсказал К.Э. Циолковский, — задача неотвратимая, могут возникнуть вполне резонные сомнения: что делать человеку в космосе? Чем плоха для нас Земля?

Рис. 2. Пирамида устойчивого состояния экономики России в будущем.

На Земле три точки опоры:

ТЭК — топливно-энергетический комплекс;

ВПК — военно-промышленный комплекс;

ИТК — инновационно-творческий комплекс.

Вершина пирамиды — космическая индустрия.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС «НА НОСУ»

В настоящее время основными источниками энергии являются углеводороды и урановые руды. Их мировые запасы примерно уже известны и даже по самым оптимистическим оценкам вряд ли разведка даст увеличение их объемов хотя бы в несколько раз. Поскольку известен и уровень потребления этих ресурсов, то уже подсчитан и срок, после которого они будут полностью исчерпаны. Очевидно, что никакие режимы экономии невозобновляемых источников энергии не в состоянии исключить того момента в будущем, когда эти источники будут полностью исчерпаны. Ситуация усугубляется при этом еще несколькими факторами.

Во-первых, экспоненциальным ростом промышленного производства. Так, в прошлом столетии средний прирост мировой промышленности составлял двукратное увеличение каждые 20 лет. Если эта тенденция сохранится в XXI веке, то через 20 лет потребность в энергоресурсах вырастет в 2 раза, через 40 лет в 4 раза, к концу XXI века — в 32 раза, к концу XXII века — в 1024 раза. А поскольку даже при сохранении потребления ресурсов на сегодняшнем уровне их хватит не более чем на несколько десятков лет, то рост промышленности катастрофически ускоряет приближение всемирной ресурсной катастрофы.

В этом отношении переход к термоядерной энергии (возможно, и более широко — к плазменной энергетике вообще) — единственный из реально известных выходов из грядущего тупика. Но даже если термоядерные реакции в будущем удастся обуздать, останутся нерешенными другие проблемы.

Современное производство любого вида изделий имеет КПД не более 2%. Энергия не является исключением. С чем это связано?

В первую очередь с неоспоримым и фундаментальным законом природы — вторым началом термодинамики. Невозможно произвести какую-либо полезную работу, не выбросив в окружающую среду тепло. Потери на каждом производственном переделе неизбежны. Даже если взять очень высокий для технологии выход полезной работы в 50%, то шесть технологических переделов сведут КПД к минимуму: $0,5 \times 0,5 = 0,25 \times 0,5 = 0,125 \times 0,5 = 0,062 \times 0,5 = 0,032 \times 0,5 = 1,5\%$. Взяв любой предмет со стола, например, ножницы, можно посчитать, из скольких переделов состоит их изготовление. Первый — добыча руды. Второй — ее транспортировка на металлургический комбинат. Третий — выплавка из руды металла. Четвертый передел — прокат металла, пятый — вырубка заготовок, шестой — штамповка, седьмой и далее — заточка, шлифовка, полировка, гальваническая обработка поверхности, сборка, упаковка, складирование, транспортировка до базы, транспортировка до магазина. Поэтому суммарный КПД в 1% — это неизбежное зло существующего промышленного производства. И рядом с каждым предметом нашего мира незримо маячит в 100 раз большая гора отходов. Следует печальный вывод: **ВЫБРОСЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РАСТУТ В ГОРАЗДО БОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ, ЧЕМ ЕЕ ПОЛЕЗНЫЙ ПРОДУКТ.**

Академик И.В. Петрянов-Соколов подсчитал*, что к концу XX века мир стал в 1000 (!) раз грязнее, чем он был в начале XX века. Возможно, что к концу XXI века мир станет грязнее еще в 1000 раз, чем он есть сегодня. А выбросы тепла в атмосферу рано или поздно станут такими огромными, что Земля станет излучать энергии больше, чем получает от Солнца. Современные ученые рассчитали, как будет увеличиваться рост выбросов тепла из технологических процессов. Оказалось, что «при современных масштабах и темпах развития научно-технического прогресса производство энергии на Земле через 240 лет превысит количество солнечной энергии, падающей на нашу планету, через 800 лет — всю энергию, выделяемую Солнцем, а через 1300 лет — полное излучение всей нашей Галактики» (И.В. Бестужев-Лада. *Теоретические вопросы поискового социального прогнозирования // Поисковое социальное прогнозирование: Опыт систематизации. — М.: Наука, 1987*).

*«Я не знаю, достаточно ли всем известно, что объем промышленной продукции, объем строительства, объем энергетики, транспорта удваивается каждые 8–10 лет.

...Каков итог этого роста?.. Возрастающий по экспоненте объем промышленного производства ведет нас к гибели. Дело в том, что с начала века загрязнение воздушного бассейна нашей планеты возросло более чем в 1000 раз... Пока мы еще живем. Но когда пройдут еще 10 периодов удвоения роста промышленного производства и общее загрязнение воздуха возрастет в миллион раз, жить на Земле будет нельзя. Просто потому, что дышать людям будет нечем... Добыча сырья из недр земли исчисляется многими и многими миллиардами тонн, превышая уже мощности глобальных природных геологических процессов. Из этого огромного чудовищного количества сырья, извлеченного из недр природы, человеческое общество использует для своих нужд приблизительно **ОДИН-ДВА ПРОЦЕНТА**, а остальное в экологически искаженном виде выбрасывается в окружающую природную среду в виде отходов, отравляя все живое» (И.В. Петрянов-Соколов. *Сколько осталось жить человечеству? // Чудеса и приключения. № 2, 1995, с. 11*).

Нет необходимости объяснять, к каким ужасным экологическим и природным катастрофам это приведет уже через 100 лет, а по сути дела, возможно, — и к гибели цивилизации. Поэтому этот важнейший фактор — *экологический*, является непреодолимым препятствием для неуклонного развития промышленности на Земле.

Стратегически из этого следует, что у человечества, *развивающегося индустриально*, выхода нет — оно должно будет вынести всю энергетику, а впоследствии и основную промышленность в космос. Ведь только там тепловые выбросы могут поглощаться космическим холодильником без вреда для Земли. При этом ясно, что в космосе энергетику на базе углеводородного сырья не создашь. Как минимум возможно использование ядерных реакторов. Но, скорее всего, это будет все же не ядерная, а термоядерная энергетика.

При этом очевидно, что создавать на орбите множество термоядерных станций для каждой страны в отдельности просто невозможно. Реально создание всего лишь одной — общей для всего мира — станции. Рациональность такого подхода просматривается даже по аналогии с орбитальной космической станцией. Держать на орбите две станции: «Мир» и «МКС» оказалось не по карману двум космическим державам, да и не было технического смысла распылять и без того небольшие силы. Мы видим, что общая задача по освоению ближнего космоса объединила два недавно противоположных геополитических полюса. Вполне логично предположить, что задача создания орбитальной энергетической станции объединит все человечество.

Исходя из вопросов практической целесообразности на орбите необходимо будет создавать термоядерный котел весьма солидных масштабов и в единственном экземпляре. Поэтому необходимо признать, что вывод в космос энергетики приведет к двум важным для человечества следствиям. Первое — потребуются согласованное усилие всего мирового сообщества, второе — энергетика станет полностью централизованной. Возникнет небывалая до этого ситуация, когда жизненно важный ресурс всего человечества — энергия — будет предельно сконцентрирован в одном месте. Этот этап развития человечества можно условно назвать этапом **ГЛОБАЛЬНОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ**, что возможно только для глобально централизованного мира. (*О возможном продолжении развития энергетики после этого этапа можно прочесть в статье автора «Новая энергетика» в электронном журнале «Цель», № 2, 2003, www.solidarnost.com*).

Существуют только два варианта управления миром в ситуации глобальной концентрации энергетики: *имперский и соборный*. *Имперский* вариант управления предполагает, что такой источник будет создан единственной цивилизацией, при настоящем положении в мире — атлантической (западной, во главе с США). Наличие дешевой, безопасной энергии в огромных количествах в руках одной цивилизации приведет, однако, к ее полной диктатуре. Будет ли это хорошо? Ведь западная культура автоматически станет доминирующей, и мир станет одноцветным.

Другой вариант — *соборный*. Создание орбитального термоядерного котла и его эксплуатация при таком варианте потребуют гармоничного соединения усилий, по крайней мере, четырех цивилизаций: атлантической, славянской, японской и китайской. Исламская, индийская, латиноамериканская и африканская цивилизации при этом будут в группе поддержки или, по крайней мере, не будут создавать излишних проблем при реализации этого проекта. Однако в идеале желательно объединить усилия всех цивилизаций.

Нет нужды доказывать, что современный мир еще очень далек от соборного варианта и близок к имперскому. Но в подобном монопольном варианте никакая цивилизация не сможет достичь успеха, если на Земле не будет установлен хотя бы относительный баланс интересов. Ведь производство вооружений и сдерживание международных конфликтов отвлекают гигантские ресурсы, которые крайне необходимы для реализации этого проекта. Отсюда следует очень важный вывод: переход к новой энергетике потребует глобального изменения многих существующих политических, социальных и этических взглядов и систем.

При столкновении с такими грандиозными проблемами невольно возникает мысль об альтернативном варианте — *остановке всякого роста промышленности*. Назовем общество такого типа стагнационным обществом. Причем неважно, в какой модели оно будет реализовано, в модели золотого миллиарда Ф. Фукуямы (см. *Ф. Фукуяма на сайте www.futura.ru*) или в модели 10 золотых миллиардов В.Б. Сапунова (см. *В.Б. Сапунов. Глобальные вопросы современности // Электронный журнал «Цель» № 1, 2003, на сайте www.solidarnost.com*). Этот вариант на первый взгляд является равноценной заменой варианта вывода энергетики в космос, поэтому нуждается в детальном рассмотрении.

Действительно, если человечество перед угрозой экологической катастрофы остановит рост промышленности, то энергетических ресурсов, если брать в расчет и запасы урановых руд, может хватить на очень большой период. При этом в конце концов может быть удастся овладеть управляемой термоядерной энергией и тогда угроза энергетического голода отодвинется на необозримое будущее. На первых порах возможен даже небольшой рост промышленного производства за счет оптимизации технологий и снижения потерь.

Этот вариант на первый взгляд кажется гораздо более простым и менее рискованным, чем вариант вывода промышленности в космос. Основная промышленность находится в руках крупных монополий, и через них вполне реально заморозить ее рост. Чтобы не отягощать социальную ситуацию одновременно необходимо остановить рост численности населения. Пример Китая показывает, что управлять ростом населения, в принципе, хотя и трудно, но возможно. Прирост населения в развитых странах приостановился уже сам по себе. Осталось обуздать рождаемость в наиболее отсталых странах, что будет труднее всего, но перед угрозой гибели всего мира это, видимо, сделать удастся. Однако у стагнационного варианта есть свои весьма серьезные проблемы.

Первая проблема — это разный уровень жизни в разных странах. Его также придется заморозить, потому что ни подтянуть отсталые страны к развитым странам, ни опустить уровень развитых стран до некоего среднего уровня невозможно.

Выровнять его по верхнему уровню наиболее богатых стран невозможно потому, что потребление при этом возрастет в несколько раз, и ресурсы закончатся буквально за одно десятилетие. Кроме

того, такой вариант, очевидно, требует увеличения мощности мирового производства, что противоречит исходному требованию об остановке его роста.

Усреднить уровень потребления по всему миру — значит опустить его уровень в лидирующих и наиболее развитых странах. Очевидно, что это настолько абсурдно, что ни одна страна никогда не пойдет на такие меры.

Следовательно, остается лишь одно — оставить гигантский разрыв между богатыми и бедными странами на многие столетия вперед, если не навсегда. Но с таким положением в мире вряд ли смирятся жители бедных стран. Социальное и политическое напряжение будет постепенно нарастать, что рано или поздно приведет к грандиозному мировому конфликту. Его результаты будут при любом раскладе событий катастрофичны для всего мира. Кстати, есть множество исторических примеров империй, в которых существовали элитные и маргинальные районы. Рано или поздно начиналось разложение метрополии империй, и их захватывала, разрушая всю культуру, окружающая более дикая среда. В качестве примера можно привести судьбу Римской империи, или, например, русского дворянства.

Вторая проблема стагнационного общества — необходимость остановить научные и технологические исследования. На первом этапе еще возможно продолжение каких-либо исследований, но в строго заданных рамках: ничего принципиально нового, только усовершенствование уже существующих технологий. Однако любая оптимизация имеет свой предел — идеально оптимизированные процессы.

Так, например, в биологическом мире уже миллиарды лет существуют в одном и том же режиме некоторые биологические процессы внутри клеток, которые когда-то были доведены эволюцией до предела своего совершенствования. Оптимальны и многие (если не все) физиологические процессы внутри организма животного. Поэтому, встав на путь совершенствования современных технологий, человечество рано или поздно придет к предельно оптимизированным процессам и дальнейшее развитие остановится. Люди просто будут жить, поддерживая веками налаженный и проверенный быт. И никакого творчества, никакого изобретательства, никаких изменений, что мы и наблюдаем внутри любого организма. Чем, однако, спрашивается, такая жизнь будет отличаться от жизни любого животного? Только тем, что среда обитания будет насыщена множеством искусственных приспособлений, изготовление которых будет происходить практически «инстинктивно». Человечество превратится в гигантский муравейник. Конечно, найдутся такие любители спокойной и беззаботной жизни, которым вариант бездумного существования будет по душе.

Однако системные законы развития мира не зависят от того, нравятся ли они кому-нибудь или нет. И эти законы показывают: ни на одном этапе своего развития биосфера не останавливалась навечно. На Земле сменилось уже очень много миров, каждый из которых был предварительно доведен до идеального совершенства. Ушел навсегда мир исключительно одноклеточной биосферы, мир динозавров, мир животных без человека. Биосфера эволюционирует непрерывно. Более того, непрерывно эволюционирует и Вселенная: рождаются и умирают новые звезды и их планетные системы, галактики и их скопления. «Все течет, все меняется». Даже камни и те меняются с годами. И мечтать о создании на Земле заповедника прошлого, такого музея совершенного развития демократического общества времен XX века от Рождества Христова — смешная утопия.

Более того, человек, в первую очередь, отличается от животного тем, что он является *творцом новых вещей и новых явлений*, которых до него на Земле природа не создавала. Творческий процесс — одно из важнейших отличий людей от животных. Причем отличие принципиальное, ибо животные ничего нового в этом мире не создают. Лишить человека этой способности — значит лишить его главного отличия от животного. Поэтому общество стагнации рано или поздно превратится в сообщество животных, а в далекой перспективе люди вырождаются в новую породу обезьян или просто исчезнут как вид.

Третья проблема — невозможность отказа от главной цели, ради которой в биосфере и был создан человек. Эта цель, если ее формулировать в самых общих чертах — необходимость вывести жизнь на новые масштабные этажи иерархического здания Вселенной. (*Более подробно эта тема рассмотрена в книге автора «Масштабная гармония Вселенной» — М.: Новый центр, 2002.*) Другими словами, главная задача человечества — вывести жизнь с земных пространств на космические масштабы. Ибо только за пределами Земли возможно создание сообщества, масштабы которого будут больше, чем масштабы биосферы.

Давать развернутое доказательство необходимости выхода жизни на большие масштабы здесь

мы не будем, так как развернутые аргументы приведены в ранних публикациях автора (*Например, в статье «Рождение разума» // «Цель», № 1, 2003, на сайте www.solidarnost.com*). Приведем лишь один из наиболее простых аргументов. Биосфера без человека овладела поэтапно тремя фазовыми средами: водой, землей и воздухом. Это факт. Наука знает лишь четыре фазовых состояния, четвертое — огонь или более научно — плазма. Так вот, человека отличает от всего животного мира в первую очередь то, что он единственный не боится огня и постепенно все более им овладевает. Естественно предположить, что для биосферы, которая стремится к овладению все большими пространствами, вопрос о переходе в очередную новую для жизни среду — задача номер один. Однако, плазма на Земле в естественном виде — большая редкость (пожалуй — лишь молнии всех видов). А вот в открытом космосе плазма доминирует над всеми другими фазовыми состояниями. Следовательно, выход жизни на космические просторы — шаг биосистем в *очередную*, четвертую фазовую среду.

Тенденция к расширению ареала обитания жизни представлена на всем протяжении истории биосферы. Поэтому дальнейшее продвижение человека за пределы Земли — всего лишь продолжение борьбы живой материи с неживой за пространства Вселенной.

Итак, если не отказываться от главной задачи для Человека, ради которой он и возник в биосфере, то мы возвращаемся к варианту необходимости продолжать эволюцию и выходить в космос.

РОССИЯ КОСМИЧЕСКАЯ

В период массового освоения ближнего космоса количество работающих там людей будет достаточно большим, хотя на Земле людей останется несравненно больше. Чем смогут заниматься «некосмические» россияне в этом прогнозируемом отрезке истории, если не принимать во внимание местную промышленность, пенсионеров, детей, социальный сектор и прочее?

Ну, во-первых, немалая часть населения как занималась, так и будет заниматься в ресурсном секторе. Во-вторых, масса людей будет работать на обеспечение космических программ всем необходимым. В-третьих, новые и сложные технические проекты — это множество уникальных разработок, которые необходимо придумать, опробовать и довести до изготовления. Это — настоящее дело для плеяды российских изобретателей и умельцев. С учетом же того, что эффективная работа изобретателя достигается тогда, когда ему в той или иной мере помогают несколько десятков других людей, инновационный сектор будет иметь вполне приличный и емкий рынок занятости. В-четвертых, предполагаемая смена суммы технологий потребует обновления всей технологической базы человечества. По существу, человечеству неизбежно придется создать новую сумму технологий, а это — нескончаемый поток необходимых исследовательских и экспериментальных работ.

Отдельным большим и емким на человеческие ресурсы делом станет программа восстановления экологического равновесия, устранение на Земле последствий технического прогресса XX века. Переработка отходов и их надежное захоронение, восстановление и оздоровление лесов, очистка водоемов и другая подобная деятельность будет в России долгое время достаточно емким рынком труда.

По мере постепенного переноса активной деятельности людей в космос Земля все больше будет приобретать статус зоны отдыха. Очевидно, что во время отдыха чисто коммерческие вопросы никого не интересуют. Купив путевку, мы обеспечиваем себе необходимый уровень удобств и питания. Чем больше на Земле будет отдыхающих из космоса, тем больше она будет приближаться к социалистической модели существования (нигде, например, не чувствуется такой социальной однородности бытия, как на международных курортах, где все имеют почти одинаковый уровень жилья и одинаковый шведский стол).

И, пожалуй, самое главное. После выхода человечества в космос перед ним откроется новая, на порядки большая область природных явлений. Уже сейчас можно выделить несколько направлений:

- исследование и эксперименты со структурированной плазмой;
- исследование и постижение законов биологической плазмы;
- проектирование и изготовление биологических объектов;
- изучение свойств вакуума;
- постижение причин действия гравитационных сил и создание принципиально новых средств передвижения;
- контакты и развитие общения с другими цивилизациями;
- системное проектирование будущего.

Список можно было бы продолжить, но и перечисленные проблемы дают представление об объеме исследовательских работ. Часть исследований сегодня уже начата в России, и у автора есть предчувствие, что «засадные инновационные полки» давно напряженно ждут момента атаки на сегодняшние проблемы.

Русское Дело в наибольшей степени приспособлено к творческо-экспериментальному труду. Задачи глобальной переработки всей суммы технологий, которые придется решать в XXI веке, востребуют эту доминанту русского характера в полной мере. Особенно важно, что творческие качества в России имеют характер целостного, синтетического восприятия и преобразования природы.

Освоение космических пространств — прямое продолжение исконных первопрородческих традиций Русского Дела. Осуществление выхода в космос — крупномасштабная задача, способная сплотить вокруг себя весь русский народ. Сплоченный единой целью русский народ сумеет со временем создать вокруг себя и геополитическое соборное единство других культур, борьба между которыми за территории потеряет смысл на фоне открывшихся перед человечеством новых пространственных горизонтов.

Таким образом, мы видим, что столь долгие столетия развивавшееся на задворках европейской истории Русское Дело в XXI веке может оказаться в **РЕЗОНАНСЕ** с самыми актуальными задачами развития человеческой цивилизации. Поскольку именно резонанс является основой экономического взлета для любой нации, то «русское экономическое чудо» можно уверенно ждать в период активного и массового выхода в космос, когда возникнет огромный спрос на основные качества русского трудового характера.

И в завершение этой темы рассмотрим, насколько **РУССКОЕ ТВОРЧЕСКОЕ ДЕЛО** готово к работе на мировом уровне.

РЕНЕССАНС СЛАВЯНСКОЙ НАУКИ

Можно долго спорить, имеет ли РУССКОЕ ТВОРЧЕСКОЕ ДЕЛО будущее или нет, приводя множество самых разных и правильных аргументов. Но есть единственный путь узнать это наверняка. И путь этот — научный анализ мировых тенденций и их экстраполяция в будущее.

Любое техническое творчество лишь тогда востребовано обществом, когда оно опирается на новые научные знания. Иначе изобретаются велосипеды. Поэтому в основе творческого потенциала любой культуры лежат ее научные достижения. История техники это наглядно показывает. Сначала совершаются принципиально новые научные открытия, затем на их базе создается новое мировоззрение, это мировоззрение открывает в природе и обществе новые закономерности и явления. На основе этих закономерностей создаются новые технические решения, что приводит к бурному развитию промышленности. Так, например, успехи западноевропейской промышленности имеют истоки в эпохе Возрождения, в открытиях Коперника, Бруно, Галилея и Кеплера.

Новые технические изобретения просто так ниоткуда не появляются, все основывается на фундаменте базовых представлений о природе. Поэтому исследование тенденций развития *русского творчества* необходимо представить как частный аспект развития науки в России вообще. Историю же развития науки в России необходимо изучать в рамках общемировой научной истории, для чего необходимо предварительно структурировать ее во времени и пространстве. Ибо любая точная наука начинается с систематизации и классификации. Тогда можно точно и объективно оценить место и роль *русского творчества* в истории мировой цивилизации.

За фактологическую основу такой классификации возьмем хорошо известную хронологию научных открытий. В частности она описана в книге чехословацких авторов Я. Фолта и Л. Новы «История естествознания в датах», выпущенной в свет издательством «Прогресс» в 1987 году (для краткости в дальнейшем будем называть ее «Хронология»). Эта книга представляет из себя убогий справочник, где каждому научному событию в мире дается краткое описание в несколько строк: когда оно произошло, в какой культуре и кем было сделано. Например:

- «2296 г. до н. э. — Появилась первая запись в китайском каталоге, регистрирующая наблюдения за кометами.
- 1890–1800 гг. до н. э. — Появились первые египетские папирусы математических текстов...
- VI в. до н. э. — В Греции основаны древнейшие частные библиотеки...
- 626 г. — Китайский алхимик Сун Сымяо описал весьма интенсивно горящую смесь серы, селитры и опилок — порох...
- 725 г. — Китайский астроном Нань Гуньшо измерил длину градуса меридиана...
- 1489 г. — В учебнике арифметики... уроженца чешского города Хеба Йоханненса (Яна) Видмана впервые в печатном издании использованы арифметические символы «+» и «-».
- 1590 г. — Захарий Янсен изобрел микроскоп...
- 1648 г. — Немецкий химик-технолог Иоганн Глаубер установил шкалу сродства металлов с ртутью. Он же разработал (в 1649 г.) способ получения уксуса из вина и винного камня...
- В том же 1648 г. — Русские землепроходцы Семен Иванович Дежнев и Федот Алексеевич Попов прошли через Берингов пролив из Северного Ледовитого океана в Тихий океан.
- 1811 г. — Амадео Авагадро различил атомы и молекулы как простые и сложные частицы, из которых состоят вещества.
- 1812 г. — Создан Крымский ботанический сад.
- 1827 г. — Русский естествоиспытатель Карл Максимович Бэр открыл яйцеклетку у млекопитающих и у человека.
- 1834 г. — Русский физик Эмилий Христианович Ленц сформулировал... так называемый закон Ленца.

Поскольку у всех событий есть координаты во времени и пространстве, то представляет интерес посмотреть, как в историческом времени и в географическом пространстве распределяется интенсивность научной деятельности. Это интересно в первую очередь потому, что беглое знакомство с «Хро-

нологией» показывает, что научные события *очень неравномерно распределены и во времени и в пространстве*. В качестве яркой иллюстрации можно привести пример античной культуры. Основные научные достижения человечества в период с VI века до н. э. по I век н. э. — заслуга Древней Греции. Но впоследствии Греция перестала быть местом научного творчества, и активность научной деятельности переместилась в другие регионы. Аналогичная история наблюдалась с активностью науки в Египте, на арабском Востоке, в Индии и других регионах.

Создается впечатление, что *центр научной активности — это всегда либо одна страна, либо одна культура*, которая на протяжении нескольких столетий обогащает копилку научных открытий и технических достижений человечества. В то же самое время в других местах земного шара царит полное заатишь. При этом проходит несколько столетий, и некогда передовые в научном плане культуры вдруг уходят в тень и чаще всего больше не появляются на карте научных достижений человечества.

В наше время это очень трудно представить потому, что последние столетия вся Европа плодотворно обогащала мировую науку. К ней, начиная с М. Ломоносова, присоединилась Россия. В конце XX века наука, как может показаться, стала вообще интернациональной, а ранее всегда локальная научная активность расплылась по всей поверхности земного шара. На самом деле ситуация несколько иная.

Западноевропейская культура, которая последние 500 лет лидирует в мире по научной работе, втянула в свои ряды представителей разных наций, но их деятельность все равно происходит в пределах именно этой, западноевропейской, культуры. Правда, в большинстве случаев преобладает мнение, что другой науки, кроме как западноевропейского образца последних столетий, нет и быть уже не может. Что развитие научной методологии дошло до совершенства, и наука-то на самом деле — это лишь то, что началось с Галилея. А до этого были алхимия, алфизика, астрология и прочие, якобы детские, мифы.

Такое самонадеянное отношение к прошлому и абсолютно не диалектичное отношение к будущему не раз критиковалось философами XX века, и в первую очередь самими же европейцами. Лучшее лекарство от подобных иллюзий — история самой науки, где подобные мнения опровергались не один раз. Так, например, в IV веке в университете в Уджайне (Северная Индия) преподавали античную науку представителям многих стран Востока: китайцам, индусам, монголам, бухарцам, корейцам, японцам... Так что — интернационализм науки — не новое изобретение. Интернационализация происходит всегда, когда одна из наиболее активных цивилизаций добивается мирового успеха в развитии научных знаний, тогда к ней устремляются многие представители других цивилизаций, чтобы овладеть полученными научными достижениями и принять активное участие в их дальнейшем развитии. Но даже после столетий распространения по миру знаний одной из культур на смену ее тотальному успеху приходит кризис, наступает время перемен и научных революций, когда происходит смена парадигм. И только после такой смены начинается новый этап, на новом более высоком уровне понимания природы. Новая же научная парадигма всегда зарождалась не «на широких просторах» различных культур, а в локальном ядре одного из народов.

Последняя такая революция началась в Европе — в Италии. Следующая смена парадигмы обязательно произойдет — даже после всех успехов западноевропейской науки, ибо *развитие идет всегда по спирали*, не только продолжая совершенствование полученных знаний, но и принципиально обновляя основы науки.

Чтобы понять, есть ли в блужданиях «пятна» научной активности по историческому времени и географическому пространству какая-либо закономерность, необходимо ввести пространственно-временные метрики.

В качестве простейшей метрики для пространства — возьмем разделение на Запад, Восток и Середину, то есть нечто между ними. Деление на *западную и восточную культуры* — традиционно, а вот выделение в отдельный блок *срединной культуры* весьма необходимо уже хотя бы потому, что славянская культура не подходит под чисто западную или чисто восточную категорию. И на карте истории видно (рис. 3), что эта срединная культура располагается как раз между двух четко выделенных полюсов: «Запад» и «Восток».

В качестве простейшей временной метрики примем разделение исторического времени на 500-летние периоды. Анализ показал, что активность научной деятельности хорошо укладывается в эти 500-летние периоды. Поэтому весь исторический интервал от первой линейной письменности первой цивилизации Древнего Египта (3000 г. до н. э.) до наших времен длительностью в 5000 лет мы разбиваем на 10 периодов по 500 лет.

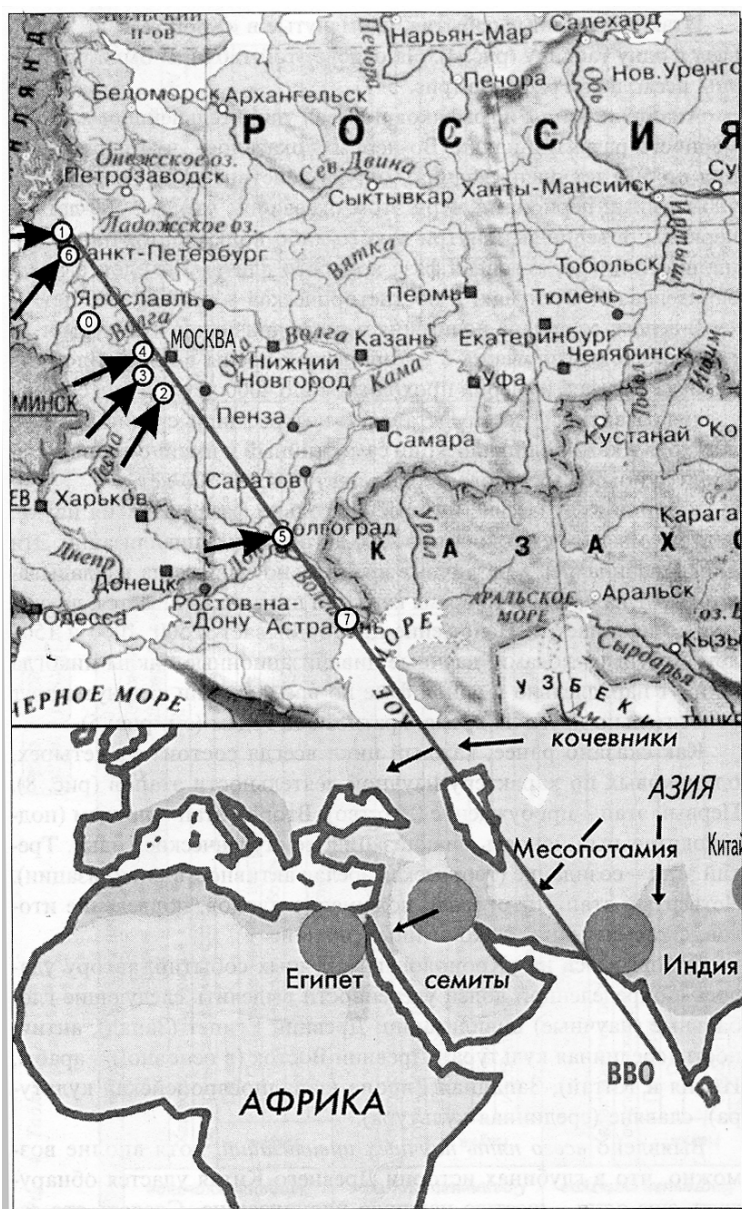

Рис. 3.

С самых древних времен мир был разделен между ВОСТОКОМ и ЗАПАДОМ. СРЕДНЯЯ ЛИНИЯ проходит точно по линии Нева, Москва-река, устье Волги: 0 — Исток Волги.

- 1 — Отражение нашествия шведов Александром Невским на берегах Невы в 1240 году.
- 2 — Отражение нашествия монголо-татар Дмитрием Донским в 1380 году на Куликовом поле.
- 3 — Сражение с французами в 1812 году на Бородинском поле, остановившее их продвижение за Москву.
- 4 — Отражение первой волны фашистских войск в 1941 году под Москвой.
- 5 — Отражение наступления фашистских войск под Сталинградом в 1943 году.
- 6 — Снятие блокады и отражение фашистских войск под Ленинградом в 1944 году.
- 7 — Дельта Волги.

С возникновением первых развитых структур начинается история цивилизации. В отличие от ранее существовавших земледельческих культур первые центры цивилизаций появляются на берегах рек:

- на Ниле — Египетское царство;
- на Тигре и Евфрате — царство Месопотамии;
- на Инде — индийские царства;
- на Хуанхэ — китайские царства (по «Хронике Человечества», с. 30).

Как видно из географического расположения, первые цивилизации естественным образом делятся на древнезападные (Древний Египет, Месопотамия) и древневосточные (Индия, Китай). Условной границей между ними является Великая Волжская Ось, которая, видимо, еще проявит себя в исторических событиях.

И последнее. Творческой активности любой культуры предшествуют этапы, когда она сама в течение сотен лет активно обучается у другой, предшествующей культуры. В этот период создаются библиотеки и университеты, переводятся на родной язык труды предшественников из другой цивилизации, и происходят другие очень важные события подготовительного плана. Поэтому мы будем разделять все научные события, перечисленные в «Хронологии» на 4 типа: *переводы, создание научных центров, теоретические открытия, технические изобретения*.

Именно в такой исторической последовательности интенсивность перечисленных четырех типов научных событий располагается в любой культуре. *Переводы* — демонстрируют начало ознакомления с предыдущими достижениями человечества, *создание научных центров* — начало интенсивного обучения этим ценностям, *теоретические открытия* обозначают выход на новое понимание законов природы, *технические изобретения* показывают, что понимание этих законов становится настолько верным, что позволяет поставить их на службу человечеству.

Итак, все научные события, упомянутые в «Хронологии», автор свел в одну таблицу (рис. 4). На основе этой таблицы были построены несколько графиков (рис. 5–7).

Рис. 4. Таблица

		3000 до н.э.	1500 до н.э.	1000 до н.э.	500 до н.э.	0	500 н.э.	1000 н.э.	1500 н.э.	1900 н.э.	2000 н.э.	2500 н.э.							
		Номера 500-летних периодов			1-3	4	5	6	7	8	9	10	10-а	11	12				
Западная культура	Страны	Древний Египет, Шумер, Вавилон				Западная Европа													
	Характеристика периода	I-III		IV		I II III IV													
	Топологическая размерность	1		1 > 2		3													
	Наука	Переводы					5		20		5								
		Организация научных центров					4		12		109								
		Теоретические разработки	10				1		22		900								
Изобретения		7						3		72									
Сумма событий		17		0		0		0		10		57		1086					
Средняя культура	Страны					Античность (Древняя Греция, Древний Рим)				Славяне									
	Характеристика периода					I		II		III		IV		I		II		III	
	Топологическая размерность					4													
	Наука	Переводы					2		2		2		4						
		Организация научных центров					2		8		1		1		27				
		Теоретические разработки					9		75		16		2		86				
Изобретения						3		1		7				5					
Сумма событий		0		3		12		92		19		3		7		118			
Восточная культура	Страны					Китай, Индия				Арабы									
	Характеристика периода					I		II		III		IV							
	Топологическая размерность					2													
	Наука	Переводы					1		2		13		2						
		Организация научных центров	1		2		4		3		5		3						
		Теоретические разработки	3		6		2		10		9		29		17				
Изобретения		1		1		2		1		11		9		5					
Сумма событий		5		9		4		16		25		66		27		0			

Анализ таблицы и графиков показал удивительнейшую закономерность развития науки. В первых, оказалось, что периодизация по 500 лет очень удачна — наука действительно развивается 500-летними периодами. При этом оказалось, что эти 500-летние периоды объединены внутри какого-либо конкретного цивилизационного цикла, активная фаза которого длится 2000 лет, а предварительная (латентная) и постисторическая — еще по 1000 лет.

В целом, от начала появления первых признаков культуры и до ее полного исчезновения с исторической арены в виде обломков некогда могучей империи проходит около 4000 лет. Из них с точки зрения развития науки представляют интерес лишь срединные 2000 лет, хотя в каждой цивилизации самостийный и именно творческий процесс нового мирового уровня длится всего 500 лет.

В данном случае нас интересует только фаза развития науки, поэтому мы и будем говорить о 2000-летнем цикле цивилизаций. Эти циклы начинались в различные времена, но они всегда накладываются друг на друга. В то время как один цикл заканчивается, другой только начинается. Наложение циклов бывает в 500, 1000 и 1500 лет. Другими словами, научные цивилизационные циклы никогда не идут параллельно в одной фазе по времени, они сдвинуты друг относительно друга на время, кратное 500 годам (см. рис. 5).

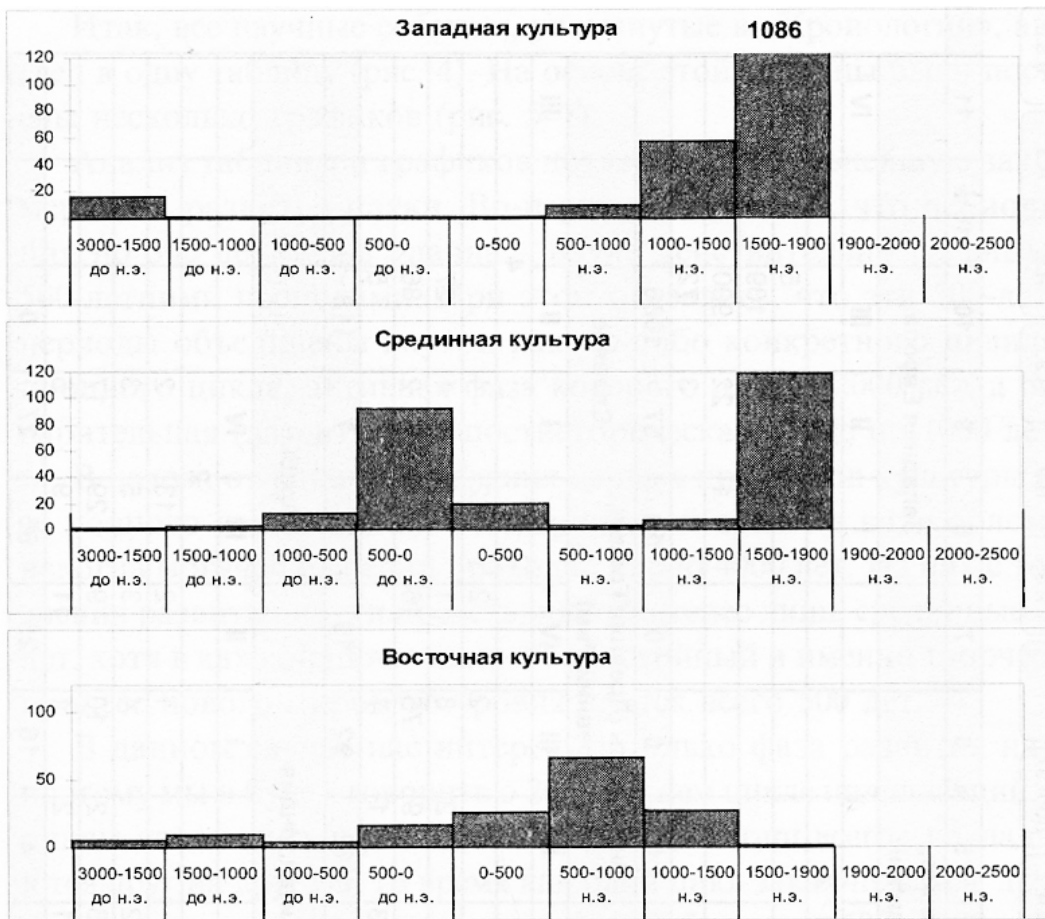

Рис. 5.

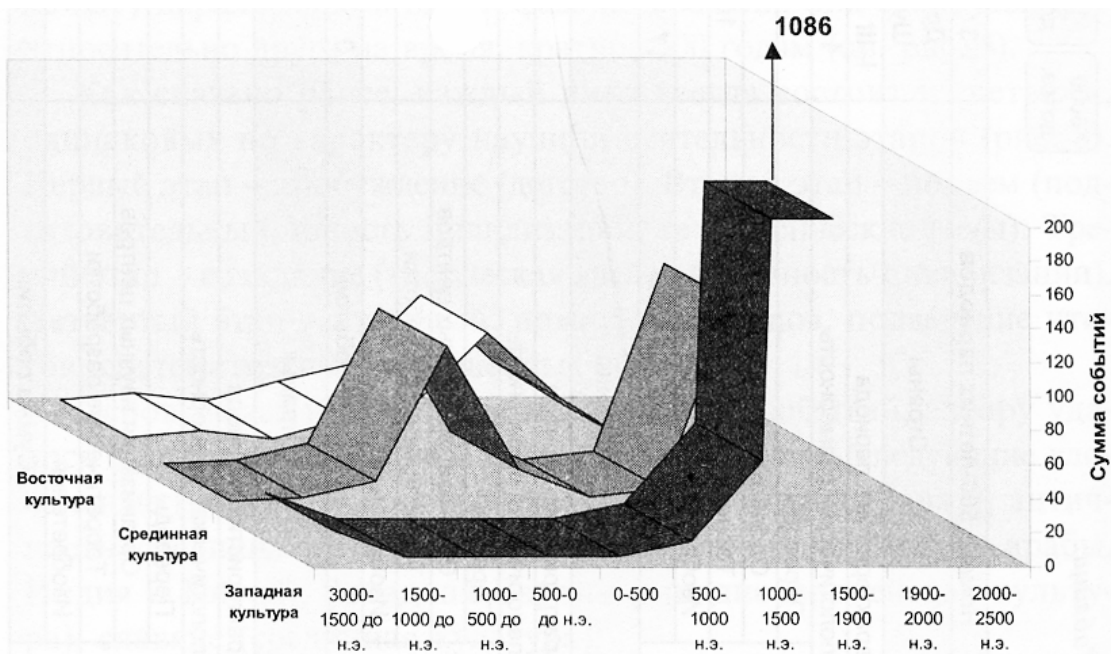

Рис. 6. Трехмерная «функция» количества научных сообщений в 500-летних периодах в зависимости от «места». Очень наглядно виден во времени процесс «подъема» культур и их «спада». Построена по данным таблицы (рис. 4).

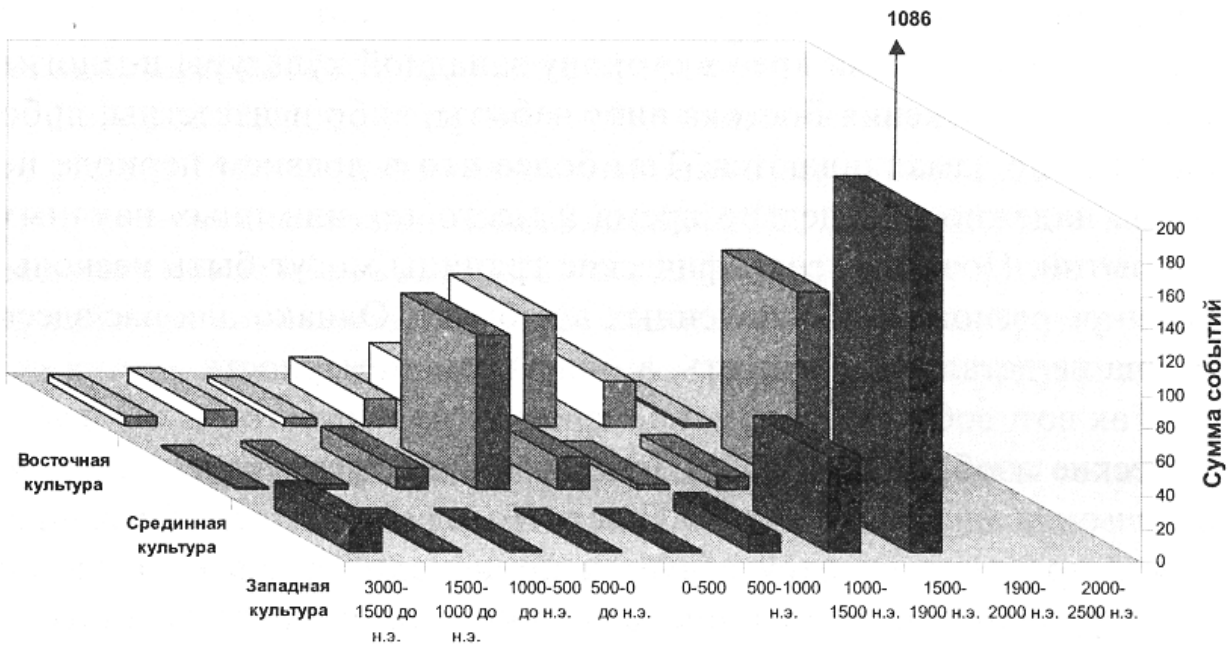
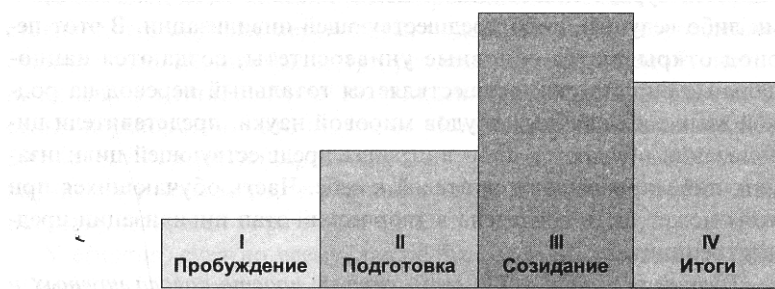

Рис. 7.

Циклы/этапы	Пробуждение	Подготовка	Созидание	Итоги
Египетский	3000-2500 до н.э.	2500-2000 до н.э.	2000-1500 до н.э.	1500-1000 до н.э.
Античный	1500-1000 до н.э.	1000-500 до н.э.	500-0 до н.э.	0-500
Восточный	500-0 до н.э.	0-500	500-1000	1000-1500
Западный	500-1000	1000-1500	1500-2000	2000-2500
Славянский	1000-1500	1500-2000	2000-2500	2500-3000

Рис. 8. Вверху показана структура циклов, состоящих из четырех этапов. Внизу показано, какие исторические периоды различных культур подобны друг другу по своему расположению в последовательности развития этапов каждого цикла. Очевидно, что с 2000 года славянская культура вступает в эпоху типа «высокого возрождения».

Как сказано ранее, каждый цикл всегда состоит из четырех, одинаковых по характеру научной деятельности этапов (рис. 8). Первый этап — пробуждение (детство). Второй этап — подъем (подготовительный, юность цивилизации, ее студенческие годы). Третий этап — созидание (творческая зрелая активность цивилизации). Четвертый этап — итоговый, пожинание плодов, подведение итогов, систематизация накопленных знаний.

Основываясь на «Хронологии» научных событий, автору удалось с определенной долей уверенности выделить следующие глобальные (научные) цивилизации: Древний Египет (Запад), античность (срединная культура), Древний Восток (в основном — арабы, Индия и Китай), Западная Европа (западноевропейская культура), славяне (срединная культура).

Выявлено *всего пять научных цивилизаций*, хотя вполне возможно, что в глубинах истории Древнего Китая удастся обнаружить еще одну — шестую научную цивилизацию. Сделать это сегодня очень трудно хотя бы потому, что в современной истории преобладает сильный крен в сторону западной культуры и многие прежние достижения Востока либо забыты, либо неизвестны, либо специально замалчиваются. Тем более что в древнем периоде не очень надежно определено время и место тех или иных научных открытий. Поэтому географические границы могут быть несколько шире регионов, обозначенных в таблице. Однако для нас здесь важна не детальная точность, а общая закономерность.

Так вот, собственно все «пионерские» научные открытия и технические изобретения любая цивилизация создает всего лишь *на третьем этапе* — в течение 500 лет. *На первом этапе* собственная наука практически отсутствует и происходит лишь культурное оконтуривание цивилизации, создание единого религиозного и письменного пространства, «пробуждение». *На втором этапе* начинается бурное знакомство молодой цивилизации с достижениями либо ведущей, либо предшествующей цивилизации. В этот период открываются основные университеты, создаются национальные библиотеки, осуществляется тотальный перевод на родной язык всех научных трудов мировой науки, представители цивилизации обучаются либо в странах предшествующей цивилизации, либо приглашают учителей к себе. Часть обучающихся при этом может быть вовлечена в творческий этап цивилизации предшественницы.

Третий же этап в 500 лет — это не просто полоса научных и технических достижений. Это период научного переворота! Отбрасываются старые космологические картины, прослужившие человечеству иногда более 1000 лет, скачком расширяются горизонты познания окружающего мира, меняется представление о физике природы, закладываются основы нового отношения к медицине, религии, обществу и всему тому, что называется мировоззрением. Поэтому в эти 500 лет каждая научная цивилизация создает свое мировоззрение мирового уровня.

Последний такой переворот начался 500 лет назад в эпоху Возрождения в Италии, а затем и по всей Европе прошла последняя из известных нам цивилизационных революций: Коперник отверг античную плоскую модель Птолемея; Галилей отверг физику Аристотеля; Колумб открыл Америку; и в Европе поняли, что Земля — это шар. Началось обновление всего научного представления об окружающем мире. Это обновление дало мощный толчок последующему развитию техники. И тот «бум» научно-технической революции, что произошел в XX веке, — это всего лишь бурный финиш 500-летнего западноевропейского творческого этапа.

Безусловно, каждая научная цивилизация не пишет историю науки с нуля. Многие ранее найденные научные истины, а тем более технологические и технические достижения, сохраняются и включаются в новое мировоззрение и в новую сумму технологий. Число π , таблица умножения, золотое сечение, законы геометрии и многое другое было открыто... бог знает когда. Тригонометрия и алгебра — достижения арабов, порох и компас — китайцев, колесо изобрели еще в доисторическую эпоху. Преимущество сохраняется. Но сравните химию и алхимию, астрономию древних греков и нынешнюю астрономию — и вы поймете, какие мощные преобразования идут каждый раз, когда очередная научная цивилизация вступает в фазу своего третьего, творческого этапа.

К сожалению, большинство современников слабо себе представляет, что научные перевороты, подобные эпохе Возрождения, были и ранее. Но они были, и их революционные масштабы никак не меньше масштабов эпохи Возрождения. Один из наиболее известных переворотов — это античное «Возрождение». Начавшись за 500 лет до Рождества Христова, оно привело к созданию новой научной картины мира, что пришла на смену более древней — египетской, известной гораздо меньше.

У египтян, судя по всему, также был свой «Коперник» и свой «Галилей». Египетское представление о Вселенной, господствовавшее во II тысячелетии до н. э., от мифических картин женщины-неба (Нут) и мужчины-земли (Геб) совершило гигантское развитие — до почти средневековой модели плоской Земли и неба на столбах. Судя по всему, научная революция началась в Египте в 2000 году до н. э. и длилась также 500 лет.

Был свой научный прорыв и в *восточном цикле*. Он начался в 500 году н. э. Но поскольку западная история почти не замечает восточной ветви развития человечества, то достижения восточной

науки за 500-летний период с 500 года вплоть до 1000 года н. э. чаще всего не сопоставляются по масштабам с достижениями *западного цикла*.

Четвертый этап для каждой научной цивилизации тоже проходит по одному и тому же сценарию. Начинают создаваться энциклопедии по всем отраслям знаний. Происходит мощная систематизация всех знаний, при этом все, что не укладывается в стройную модель общего представления, отбрасывается и забывается. Наука во многом теряет свое разнообразие, упрощается и стандартизуется. Так, например, Птолемей создал во II веке н. э. (четвертый этап античной¹ цивилизации) модель Вселенной на основе работ греческого астронома Гиппарха. При этом были выброшены за борт все многоаспектные модели планетной системы, предложенные впервые Эвдоксом, забыто гениальное открытие Аристарха Самосского, предшественника Коперника, и т. д.

Еще одной характерной особенностью четвертого этапа является стремительное *расширение* созданного на предыдущем этапе мировоззрения во все окраины мира.

Тема цивилизационных циклов — очень новая и очень плодотворная, ее осмысление лишь начато в работах автора (см. напр.: С.И. Сухонос. *Российский ренессанс в XXI веке*. — М.: Планета, Москва, 2001). По сути дела, эта тема лежит в русле идей о жизни цивилизаций, основу этих идей заложил Н.Я. Данилевский (см. Н.Я. Данилевский. *Россия и Европа*. — М.: Книга, 1991), а продолжили А. Дж. Тойнби (см. *Постижение истории*. — М.: Прогресс, 1991), О. Шпенглер (см. *Закат Европы*. — М.: Мысль, 1993) и Л.Н. Гумилев.

Все эти авторы отмечают, что любая культура или цивилизация испытывают фазы, аналогичные фазам роста, взросления и старения биологического организма. О. Шпенглер при этом еще в начале XX века разглядел, что западноевропейская цивилизация вступает в свою завершающую четвертую фазу, которую он абсолютно верно сравнивал с эпохой Римской империи. У Шпенглера Европа — аналог Древней Греции, а США — аналог Древнего Рима. Поэтому он и назвал свой главный труд «Закат Европы». Из анализа этапов научных открытий можно прийти точно к такому же выводу.

Что же для нас здесь важно в первую очередь? Во-первых, то, что любая научная цивилизация находится в истинно творческой фазе не более 500 лет. Поскольку же последняя наиболее мощно выраженная цивилизация — это западноевропейская, и ее третий этап начался в 1500 году, то к 2000 году она полностью выполнила свою мировую миссию, исчерпала весь свой революционный и творческий потенциал и вступила в четвертый этап — завершающий. Следовательно, ее задача на будущее — это систематизация ранее сделанных открытий и распространение их по всему миру. Что она и делает, опираясь, в частности, на Интернет. Однако в ближайшие 500 лет от западноевропейской культуры не следует ожидать принципиально новых научных открытий, не следует ждать прорыва в новые миры и новые пространства.

Второе. Все предшествующие западноевропейской научные цивилизации уже полностью закончили свое развитие: древнеегипетская в 1000 году до н. э., античная — в 500 году н. э., восточная — в 1500 году. И если учесть, что творческий потенциал западноевропейской цивилизации исчерпан к 2000 году, то во всем мире нет больше ни одного места, где следует ждать принципиально новых научных открытий, *кроме России*.

Если посмотреть внимательно на таблицу и графики (см. рис. 4–8, с. 87–89), то становится очевидным, что *славянская научная цивилизация* к 2000 году закончила свой 500-летний студенческий этап, а с 2000 года начинается новый — этап создания новой науки мирового уровня.

Безусловно, не следует понимать исторические цифры буквально. Переход между этапами готовится лет сто и длится после точки перелома еще лет сто. 2000 год — это всего лишь срединная точка перехода. Западная наука еще лет сто по инерции будет делать небольшие открытия в русле развития сделанного ранее, а славянская наука еще сто лет будет набирать мощь, пока не выйдет на своего «Галилея». Но важно другое. Славянская культура и ее основное ядро — русская культура — в ближайшие 500 лет совершат грандиозный прорыв к новой картине мира, который закончится через сотни лет созданием суммы новых технологий. Их уровень будет настолько же выше современных, насколько современный технический мир выше средневекового. И нет больше на всей Земле ни одной такой культуры (это бесспорно показывает анализ «Хронологии» научных событий), которая смогла бы продолжить развитие мировой науки. Именно российская наука способна перехватить эстафету у западноевропейской. К этому нас подвел весь ход человеческой истории и тысяча лет развития славянской цивилизации. Поэтому нет никаких причин смотреть в будущее с унынием. И потому Русское Дело станет в ближайшие 500 лет по-настоящему творческим и созидательным. И творить мы будем не для себя, а для всего мира, и творчество это станет уже не просто русским, а мировым достижением.

ПРОГНОЗ НА БЛИЖАЙШУЮ ТЫСЯЧУ ЛЕТ

Опираясь на открытую закономерность циклического развития науки, можно сделать общий и глобальный прогноз на ближайшие два периода по 500 лет каждый.

В первое 500-летие (2000–2500) нас ожидает одновременная стандартизация, унификация и систематизация западноевропейской науки и бурный творческий период в рамках нового мировоззрения в России (см. рис. 8, с. 89).

Как будут сочетаться старые знания с новыми? Не будет ли между ними конфликта? Безусловно, соперничество за влияние на весь мир возникнет. Ведь *западный цикл* и *славянский цикл* будут опираться на принципиально различные модели мира. При этом весь опыт и все могущество будут на стороне *западного цикла*, а вся молодость и энергия — на стороне *славянского цикла*.

Человечество не имеет никакого опыта параллельного развития двух мощных этапов различных циклов в одном времени и практически на едином географическом пространстве. Предыдущий стык двух циклов пришелся на период 1000–1500 годы, когда *восточный цикл* вступил в фазу итоговой стандартизации, а *западный цикл* — в фазу студенческого постижения ранее наработанного опыта. Такое сочетание было как будто специально подогнано для оптимальной передачи эстафеты научных знаний. Другое дело — ближайшие 500 лет. Западная наука не готова отдать мир новой науке, она готовится к распространению своих достижений на весь земной шар. И в эти же 500 лет в России возникнет новое мировоззрение, которое будет опровергать предшествующее западное.

Мирное разрешение такого противостояния, как мне представляется, заключается в двух моментах. Во-первых, нужно учесть, судя по опыту предыдущих циклов, что молодая славянская парадигма станет продуктивной не раньше, чем через 200–300 лет. Только спустя столетия можно будет опереться на новую науку для получения технических решений. До этого времени человечество будет эксплуатировать наработанные технологии *западного цикла* и будет их усиленно распространять по всему пространству Земли. Во-вторых, в силу своей космической миссии, *славянский цикл* будет устремлен в новую область — в космос. И если мир разумно подойдет к сложившейся (видимо, далеко не случайно) ситуации, то он разведет два цикла в различные пространственные направления. *Западный* будет расширяться по поверхности Земли, *славянский* же устремится в вертикальном направлении — в космос.

Безусловно, цикличность не ограничивается только научным процессом. Ибо наука — одна из граней общего развития цивилизации. Она отражает ее мировую зрелость и мировое превосходство. Очевидно, что лидирует та цивилизация, которая находится в наиболее развитой фазе (*более подробно этот вопрос рассмотрен в книге автора «Российский ренессанс в XXI веке»*). Отметим лишь то, что каждая цивилизация во всех своих проявлениях развивается по повторяющейся схеме этапов (см. рис. 8).

На первом этапе она находится полностью под влиянием более зрелой цивилизации. Для *западного цикла* — это период с 500 по 1000 годы, для *славянского* — период с 1000 по 1500 годы.

Во втором 500-летию ей удастся создать национальную империю в пределах собственного культурного пространства. Это Европа в пределах 1000–1500 годов и царско-советская империя в России в пределах 1500–2000 годов.

На третьем этапе — это создание колониальной империи. Для Европы — период с 1500 года (открытие Америки) по 2000 год. Для России — предстоящий период с 2000 по 2500 год, который начался с создания на орбите первой в мире обитаемой станции с символическим названием «Мир», и закончится в 2500 году, когда полностью завершится освоение орбитального космоса, иначе говоря — его «колонизация».

На четвертом этапе — создание мировой империи. Для *западного цикла* — это будет период становления, расширения влияния и заката мировой империи, начавшийся на территории США с 2000 года*. Для *славянского цикла* имперский этап будет длиться с 2500 по 3000 годы. Но это уже будет космическая империя, такая, которая охватит все человечество в едином соборном единстве. А когда и она закончит свое развитие к 3000 году, человечество окажется перед этапом объединения с другими космическими цивилизациями. В этот же период с 2500 года по 3000 год на мировой арене

роль *западного цикла* станет пассивной, а *славянский цикл* вступит в фазу создания мировой космической империи.

**Недаром же в прессе бомбардировку Югославии метко окрестили презентацией новой мировой империи — США. Хотя по своей сути эта империя имеет более широкую основу и ее точнее назвать Атлантической. Ее будущее можно увидеть в истории Римской империи, начавшей ровно 2000 лет назад, когда Цезарь объявил себя императором. Недаром О. Шпенглер проводил параллели, сравнивая Европу с Древней Грецией, а США с Римской империей. Очень точно этот переход к имперскому этапу уловил и лауреат Нобелевской премии Жозе Самарагу, который в интервью газете «Известия» (№ 21 (26388) от 06.02.03) метко охарактеризовал ситуацию в мире: «Империя уже пришла, а трусливый мир рукоплещет ей».*

Закончится ли на этом появление и развитие новых циклов на Земле? Или на смену *славянскому циклу* уже готовится следующая цивилизация? Есть предположение, что на 500 лет моложе в развитии *латиноамериканский цикл*, который первый этап прошел с 1500 года по 2000 год, а с 2000 года вступил в этап студенческого постижения общемировых знаний. Если это так, то с 2500 года *латиноамериканский цикл* приступит к формированию еще более передового и мощного мировоззрения, чем предстоящее славянское. И возможно, книги таких авторов, как Гарсиа Маркес -это гениальное предвидение основных возможностей следующей цивилизации.

Кроме того, вполне вероятно, что с 2000 года стартовал и *африканский цикл*, которому в ближайшие 500 лет предстоит лишь осматриваться, и только через 1000 лет перенять эстафету у *латиноамериканского*. Впрочем, фантазии на тему двух последних цивилизаций не основываются на каких-либо обобщениях научных тенденций. И к ним можно относиться именно как к фантазиям.

ЧТО ДЕЛАТЬ СЕГОДНЯ?

Этого раздела в принципе могло и не быть. При столь глобальном анализе и прогнозе на 1000 лет очень сложно дать точные советы на короткие сроки. Но всегда, когда я выступал с докладами на эту тему, меня нетерпеливо спрашивали, а что делать сегодня? Ведь жизнь одного человека так коротка по сравнению с глобальными этапами развития человечества! Давайте попытаемся найти самые общие советы для дня нынешнего.

Первое — не отчаиваться. Развал в российской науке, который виден повсюду, — это неизбежное явление, поскольку развалилась старая система науки, созданная целиком в рамках западноевропейской парадигмы. В России эта система не имела глубинных национальных корней, ее строили сначала иностранцы, затем наши, копируя и подражая Западу. Это, казалось бы, могучее научное дерево имело настолько поверхностные корни, что его оказалось легко свалить при сильном давлении того же Запада. Наступило время начинать строить новую парадигму, закладывать основу новой науки, имеющей в своей основе российские культурные корни. Эта новая парадигма пока лишь смутно проглядывает через поиски отдельных ученых, которые не удовлетворены западноевропейской парадигмой в целом. Но придет время, и именно новая парадигма перехватит эстафету открытий из рук западноевропейской науки.

Нужно понять, что мы живем в эпоху славянского ренессанса, в эпоху самого бурного начала развития славянского мировоззрения. В аналогичной фазе *западного цикла* (около 1500 года во времена великого Возрождения) первопроходцы и великие революционеры в искусстве, науке, религии, философии и политике задали то верное направление развития, которое и привело Европу к концу XX века к благополучию и могуществу. А сегодня в России закладываются все те ростки будущего тысячелетия, которые впоследствии приведут и к торжеству российского творчества, и спасут мир от экологической катастрофы, и позволят создать великую космическую империю, основанную на соборном единстве народов и цивилизаций. Поэтому именно сегодня требуются принципиальные открытия, принципиальные прорывы к новому пониманию мира, так что мы живем во времена великого героического прорыва, во времена пионеров и первопроходцев.

Второе. Если нет возможности участвовать в прорыве к новому мировоззрению, то есть возможность помогать тем, кто его осуществляет. Если же и этого не дано, то следует помнить, что все мы живем лишь потому, что предыдущие поколения, как по эстафете, передавали нам мир, передавали нам жизнь и передавали нам Россию. Поэтому, несмотря на все трудности сегодняшнего времени,

святая обязанность любого россиянина не упасть духом и передать своим детям тот героический импульс русского народа, который после страшнейшей войны нашел в себе силы первым выйти в космос.

Третье. Необходимо понимать, что мир вступил в эпоху имперского управления Атлантической империей. Победить ее невыносимо, да и не нужно, но это не означает, что нужно сдаться, открестившись от собственной истории, от собственного будущего. Приспосабливаясь ко всепроникающему влиянию Запада, нужно помнить, что только Русское Дело может спасти от экологической и ресурсной катастрофы весь мир вместе со всей этой Атлантической империей. Подчиняясь сегодняшним реалиям, нужно помнить, что они есть всего лишь условия существования, и не более того. Как является необходимым условием растить урожай и детей, умываться по утрам и ложиться спать по вечерам. Не нужно видеть в этом и только в этом смысл всей жизни человека на Земле. Приспосабливаясь к реалиям сегодняшнего мира, нужно не терять главное — культурного стержня *славянского цикла*.

Четвертое. Да, подобного кризиса не было за всю историю России. Но и не было такого перехода от обучающейся студенческой России к России нового типа — будущего мирового лидера. В 2000-летнем цикле развития любой научной цивилизации переход от одного этапа к другому всегда сопровождался кризисом, отказом от прежних целей и ценностей и мучительным поиском новых. Но эволюция так и устроена: сначала все, что предстоит совершить человечеству в течение следующего 500-летнего этапа, очень бегло и как бы вчерне намечается в течение жизни одного поколения. Именно поэтому Леонардо да Винчи в начале 500-летнего творческого этапа *западного цикла*, разглядел в его будущем и вертолеты, и подводные лодки, и многое другое. Значит, и мы сегодня сможем прожить за одну жизнь, пусть в идеях, весь предстоящий 500-летний цикл. Кому еще так повезет? Мы можем увидеть сквозь развалины старой российской империи ее будущее великолепное здание. Поэтому причин для уныния и апатии нет. Настоящее время — это время закладки генов всего предстоящего 500-летнего цикла, и мы уже сегодня можем предвидеть и почувствовать могущество и перспективы новой науки и новых технологий.

**Проект коллективного обращения к мировому сообществу
от русской научной общественности**

В настоящее время все страны независимо от своей политической, идеологической и национальной принадлежности живут, используя технологическую базу, созданную, в основном, западноевропейской культурой.

Поэтому кризис этой культуры становится кризисом всего мира. Основа кризиса проста и неоригинальна — исчерпание традиционных видов ресурсов (сырья, энергетики, экологии и т.п.).

Нынешняя специфика кризиса состоит в том, что в результате всех технологических процессов — от добычи сырья до получения конечного продукта потребления — используется не более 2% вещества и энергии, а 98% выбрасывается в отходы.

В XX веке каждые 20 лет объем промышленного производства удваивался, следовательно, количество выбросов увеличивалось каждые 10 лет более чем в 60 раз. Академик И.В. Петрянов-Соколов подсчитал, что в настоящее время мы живем в 1000 (!) раз более грязном мире, чем в начале прошлого века.

Кардинально не меняют ситуацию и новые месторождения, поскольку, во-первых, трудно предположить, что они будут увеличивать потенциальный объем ресурсов каждые 20 лет в 60 раз; во-вторых, вредные выбросы закрывают путь дальнейшего роста промышленности даже при наличии избыточных ресурсов.

В середине XX века эти подсчеты благодаря Римскому клубу стали достоянием людей, принимающих решения на мировом уровне. Перед ними встали альтернативы:

1. Допустить в дальнейшем бесконтрольный рост мирового производства и позволить погибнуть всей цивилизации.

2. Полностью остановить рост промышленного производства, переложив тем самым решение проблем на последующие поколения.

3. Спровоцировать в мире череду региональных конфликтов, которые не только бы остановили прирост населения, но и сокращали его впредь до безопасного уровня.

4. Сохранить темпы роста и потребления для избранной части мирового населения, оставив при этом остальной мир на столь низком уровне потребления ресурсов, что даже его прирост не вызвал бы экологической и ресурсной катастрофы.

Очевидно, что первый вариант — **НЕПРИЕМЛЕМ ДЛЯ ВСЕХ ЖИТЕЛЕЙ ЗЕМЛИ.**

Второй вариант — **НЕВОЗМОЖЕН ДЛЯ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИНЦИПЕ,** — она нуждается в постоянном приросте уровня потребления, как в наркотике.

Третий вариант — **СЛИШКОМ ОПАСЕН ДЛЯ ВСЕХ людей,** включая и избранную элиту.

Поэтому наиболее разумным и человечным кажется четвертый вариант, который мы условно будем называть вариантом «ЗОЛОТОГО МИЛЛИАРДА». Несомненно, что именно этот вариант стал главным ориентиром для действия мировых финансово-экономических сил. А для того, чтобы он реализовывался более гладко, время от времени включается запугивающая программа «людоедского» варианта (Югославия, Чечня, Афганистан, Ирак и т.п.).

Однако очевидно, что вариант «золотого миллиарда» хотя и **РАЗУМЕН,** но с точки зрения большинства жителей планеты — **НЕСПРАВЕДЛИВ,** ибо замораживает громадную разницу в уровне потребления, навечно оставляя слаборазвитые страны на грани выживания. Этот вариант, увы, устраивает только людей из высокоразвитых стран, ведь кроме того, что они сохраняют свой высокий потребительский уровень, они всегда для контраста смогут посмотреть, как ужасно живут по сравнению с ними остальные люди и почувствовать благодаря этому свою элитарность и повышенную значимость.

Безусловно, что пропагандировать этот вариант напрямую сильные мира сего не могут. Им нужна

«святая ложь». Поэтому основная задача мировой пропаганды сегодня в том, чтобы полностью дезориентировать людей планеты в отношении истинного положения дел.

В средствах массовой информации благодаря этому угнездилась ложь в невиданных масштабах, которая независимо от ее конкретного содержания выполняет одну функцию — пустить дымовую завесу, за которой будет реализовываться вариант «золотого миллиарда». Идет массированная атака на историю, искажается отображение экономических и других процессов. Допускается дезинформация любых идеологических раскрасок и любой направленности, главная цель — любыми путями и под любым соусом скрыть истинный процесс. Любые попытки сказать правду пресекаются на корню.

Можно как угодно относиться к такому поведению мировой элиты, но необходимо трезво признать, что **ДЛЯ НЕЕ ДРУГОГО ВЫБОРА ПРОСТО НЕ СУЩЕСТВУЕТ. А БЕЗ СОЗДАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ ВСЕЙ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЭТОГО ВЫБОРА НЕ СУЩЕСТВУЕТ И ДЛЯ ВСЕХ ЖИТЕЛЕЙ ПЛАНЕТЫ.**

Россия

Россия в этом процессе попала в особую ситуацию. Она обладает до 40% природных ресурсов и владеет 1/6 частью суши — дополнительный ресурс. Второй такой страны в мире нет, и поэтому все действия против России носят исключительный, уникальный характер. И уже только поэтому все действия России должны носить аналогично собственный уникальный характер. Нет никаких примеров в мире, которые могли бы стать для России ориентиром. Она должна выработать собственную уникальную модель поведения на мировом уровне. И если оглядываться на примеры других стран, то крайне осторожно и сразу переводя все выводы на свой масштаб действий.

Для мирового правительства Россия — это буфер кризиса, за счет ее ресурсов и территории можно некоторое время лавировать, избегая серьезной ресурсной катастрофы. Поэтому оно постарается любой ценой не допустить в России такой власти, которая бы изолировалась от мировых проблем и, прибрав к рукам все природные ресурсы, стала бы проводить любую независимую политику, с любым политическим строем.

Таким образом, проблема — не в выборе Россией демократического, тоталитарного, коммунистического или любого другого способа правления. Для Запада проблема — не допустить в России такого правительства, которое затруднило бы бесконтрольный доступ к ресурсам. А еще лучше — идеальный вариант — раздробить Россию на слабые части, практически лишив ее армии и серьезного оружия. Такая раздробленная Россия уже никогда не сможет воспрепятствовать доступу к ресурсам.

Итак, очевидно, что у западноевропейской цивилизации, которая в настоящее время захватила почти полностью всю мировую экономику, нет никакой альтернативы ослаблению России. Что будет с Россией, ей наплевать уже хотя бы потому, что она спасает СВОЙ миллиард.

Альтернатива западноевропейской цивилизации

Кризис ресурсов — не новость в мировой истории. Именно такие глобальные кризисы приводили человечество к переходу на новый ресурсный базис, более емкий и обширный. Так в свое время племена вынуждены были перейти от собирательства к скотоводству, от скотоводства к земледелию, от земледелия к индустриальному развитию. Каждому такому качественному скачку предшествовал глобальный и очень серьезный кризис ресурсов (дичи и плодов, пастбищ и пахоты), который ставил человечество перед альтернативой: пойти по пути людоедскому или совершить грандиозную революцию в технологии.

Сегодняшний кризис в этом отношении совершенно типичен. Ведь как ни приукрашивать вариант «золотого миллиарда», это — временный паллиатив, который все равно приведет к людоедскому взаимному уничтожению, он лишь оттягивает крах современной индустриальной технологии. Единственное кардинальное спасение лежит в *очередном переходе* на новую сырьевую и технологическую базу, которая бы на порядки расширила возможности развития человечества. В наше время такой переход невозможно осуществить без творческого научного преобразования всех технологических процессов.

Анализ статистики научных открытий показывает, что из всех ранее существовавших и существующих ныне цивилизаций только русская (более широко — славянская) цивилизация имеет тенден-

цию к неуклонному росту. Эта статистика настолько объективна и не зависит от симпатий и антипатий любого исследователя, что ее демонстрация мировому сообществу имеет огромное значение. Она ставит мир перед неоспоримым фактом: русская наука набрала темпы и к 2000 году вышла на *точку преобразования*, в аналогичных точках осуществляли качественный научно-технологический скачок все предыдущие цивилизации. Другими словами, только русская наука может создать новую сумму технологий и тем самым спасти мир от людоедского варианта развития.

Однако так исторически сложилось, что развивать российскую науку для мировых лидеров становится крайне опасно, поскольку это может усилить технический и военный потенциал России и затруднит использование ее ресурсов в котле общемировой технологии. Поэтому было предпринято немало усилий для вывоза русской науки за границу и отделения от страны. Практика показала, что это снижает научный потенциал уехавших ученых. Спасти весь мир российская наука может только в России, хотя внутри страны пока еще нет никаких реально действующих сил, способных дать ей шанс совершить этот подвиг.

Итак, спасти мир может только Россия, которая способна уже в ближайшем будущем создать принципиально новую сумму технологий, перевести мировую энергетику на новые источники и снять все экологические проблемы. Необходима консолидация сил вокруг этой идеи.

Наиболее перспективный вариант — ПРОЕКТ ОБЩЕМИРОВОГО КОСМИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА ЭНЕРГИИ. Его реальность, судя по экспертным оценкам, весьма велика. Например, космонавт Серебров предлагает (*А. Серебров. Земля тревоги нашей // Потенциал России, 1998, № 2, с. 50*) обосновать и выдвинуть проект создания на орбите единого энергетического источника для передачи энергии на Землю лазерными лучами. Такой источник надолго решил бы все энергетические (и связанные с ними экологические) проблемы цивилизации. Насколько реален этот вариант показывают расчеты известного специалиста в области освоения космического пространства, академика Б.С. Скребушевского (*Перспективы космических солнечных электрических станций // Вооружение, политика и конверсия, 1997, № 3-4, с. 60–64*).

Реализация такого проекта без российской науки и оборонного комплекса России просто нереальна. Если мировое сообщество примет этот проект, как спасение для всех, а не только для «золотого миллиарда», то Россия сможет рассчитывать на поддержку всего мира, всех стран, всех культур. Противостоять такому проекту не сможет даже вся мировая финансовая олигархия, по своей технической ограниченности настроившаяся на путь к тупику. Преимущества проекта настолько очевидны, что содействие ему будет происходить беспрепятственно.

Силы, которые смогут выдвинуть и предложить мировому сообществу этот коллективный проект, решат сразу несколько проблем:

1. Создадут реальную экономическую и техническую альтернативу варианту «золотого миллиарда», что сделает их полными союзниками остальные пять миллиардов жителей планеты.

2. Выбьют из рук апологетов варианта «золотого миллиарда» их главные козыри — спасителей человечества.

3. Вызовут внутри стран «золотого миллиарда» мощную моральную поддержку проекта со стороны всех честных и порядочных людей.

4. Обеспечат реальное дело для огромной армии ученых, инженеров и техников всего мира, включая и Россию, что позволит создать совершенно новый народнохозяйственный механизм, работающий не на обеспечение самодостаточной экономики (как это было во времена СССР и безнадежно ушло в прошлое), а на общемировую задачу, финансируемую всеми странами.

5. Смогут мобилизовать на решение задачи лучшие творческие силы мира, которые попутно решат не только проблему создания на орбите искусственного солнца, но и создадут массу новых технологий.

6. Сохранят целостность России, поскольку только русская культура во всей ее полноте, во всех гранях и со всеми своими кажущимися недостатками способна поднять на орбиту новый источник энергии для всего мира.

7. Консолидируют все мировые силы, которые постепенно переориентируются с проблем дележа все убывающих энергетических ресурсов на СОБОРНУЮ ПРОБЛЕМУ — создание общего и практически бесконечного источника энергии.

Даже достижение только этой последней цели стоит многого, но ни одна из политических сил до сих пор не выдвинула ничего подобного.

Если Россия поставит перед собой другую задачу — спасти только себя, а для этого вернуть себе все ресурсы и отгородиться от остальных стран, - это в мире нигде поддержки не вызовет и потому заранее обречено на провал.

ВЫВОДЫ. Анализ мировой ситуации показал, что спасти развитие всего человечества может только кардинальное решение энергетической проблемы одновременно с решением ее экологического аспекта. Никакое расширение добычи нефти, газа и угля не принесет окончательного решения этой проблемы.

Существует **ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ** — создание искусственного источника энергии на орбите Земли. При этом мощность его должна позволить решить проблему развития человечества на ближайшее столетие, а положение на орбите и способы доставки энергии на Землю быть полностью безопасны и не создать серьезных экологических проблем.

ЯДРОМ ЭТОГО ПРОЕКТА МОЖЕТ СТАТЬ ТОЛЬКО РОССИЯ со своей пока еще не до конца разрушенной мощной научно-технической и промышленной базой. Только Россия с ее творческим потенциалом, который к 2000 году по всем оценкам подошел к точке наивысшего **ПРЕОБРАЖЕНИЯ**. Только Россия, чей народ воодушевляется при решении грандиозных мировых проблем и способен творить чудеса. При этом очевидно, что без **СОБОРНОГО ЕДИНСТВА ВСЕГО МИРА**, без опоры на мировую экономику одной России этого не сделать.

СИЛЫ, которые сумеют поднять эту проблему и привлечь к ней внимание и поддержку мирового сообщества, спасут не только Россию, они спасут все человечество от вымирания и деградации.

Предлагаем читателям принять участие в обсуждении и дополнении этого коллективного обращения от научной общественности через Интернет.

Смотрите на сайте: www.solidarnost.com

а также: www.trinitas.ru

Здесь же вы сможете прочитать новые статьи и заказать книги С.И. Сухоноса «Масштабная гармония Вселенной» и «Российский ренессанс в XXI веке».

Смотрите на сайте: www.trinitas.ru или www.solidamost.com

Приложение 2

Тезисы статьи: НОВАЯ ЭНЕРГИЯ, ГАРМОНИЧНОЕ ОБЩЕСТВА И... ПРАВСТВЕННОСТЬ

Человек — единственное живое существо в биосфере, которое управляет не только внутренней энергией, но и внешней. Тело является вместилищем и источником энергии... Все живые существа черпают энергию извне (в конечном счете — из космоса), их мощность ограничена пропускной способностью собственного организма. Существует четкая зависимость силы животного от его размера... Создав человека, природа сделала принципиальный скачок, мощность перестала зависеть от тела и его размеров. Человек стал первым «оператором» внешней энергии на Земле...

По мере развития человечества шло неуклонное возрастание мощности управляемой человеком внешней энергии, начиная от первого костра и заканчивая современными атомными станциями. И нет принципиальных ограничений, которые бы остановили этот рост, нет принципиальных границ для перехода человечества к другим звездным системам, а... энергию можно черпать непосредственно из пространства, точнее — из эфира...

Природа, создав человека, образно говоря, выпустила энергетического джинна из «бутылки» биологического тела. Этот скачок создал на Земле принципиально новую ситуацию. И поэтому она требует всестороннего анализа.

Внешний фактор — размеры сообщества людей. Внутренний фактор — оптимальность социальной структуры сообщества.

Вся история человечества показывает, что переход от одного вида общества к другому (более масштабному) непременно сопровождается открытием и последующим освоением принципиально новых энергетических источников... Если в будущем будет создано единое человечество — *ноосфера*, то *главным источником* энергетики для этого этапа *станет*... Остановится ли развитие человечества на *ноосфере*? Очевидно, нет. Придется отодвинуть и... термоядерную энергию, обратившись к эфиру...

Обязательным условием перехода более масштабного сообщества на новую энергетическую базу является соответствие его внутренней структуры требованиям новой энергетики. Это не столь простой вопрос, как масштабный критерий.

Для перехода к новой энергетике внутри сообщества должна созреть инфраструктура. Под инфраструктурой понимаются не только необходимые технические средства, но прежде всего социальные условия, обеспечивающие безопасность и справедливость распределения новой энергетики... Новый вид энергии меняет и внешние отношения между государствами...

К вопросу о проблемах *системной организации ноосферы*. Без создания более гармоничного общества, чем ныне существующее, невозможно перейти и к новой энергетике...

Социум представляется как некоторый зародыш будущего «*многоживотного*» организма (по аналогии с *многоклеточным*), который только недавно начал складываться в единое целое — *ноосферу*. В настоящее время человечество весьма далеко отстоит от этой цели и, по сути, находится лишь в начальной точке пути к достижению гармоничного состояния... *На базе существующих сегодня социальных и политических отношений в мир новой энергетики не въедешь*.

Термоядерная энергетика, несмотря на успешное создание термоядерных бомб, не далась в руки ученых XX века. Современное представление о плазме является в корне ошибочным... (Х. Альвен, Г. Аррешус. *Эволюция Солнечной системы*. — М.: Мир, 1979).

При подходе к плазме необходимо учитывать наличие во вселенском пространстве иерархической структуры устойчивых размеров...

...Устойчивое существование термоядерного котла, как я предполагаю, невозможно, если размеры плазменного сгустка будут не соответствовать некоторым резонансным устойчивым размерам Вселенной. Наивысшей устойчивостью обладает размер в 160 километров!.. Термоядерный котел таких грандиозных масштабов, если он когда-либо может быть создан, будет создан только в космосе, и только один...

Есть ли альтернатива выводу энергетики в космос?

Отпустим фантазию дальше. Предварительный анализ показал, что в структуре вакуума запасена невероятная по плотности и величине энергия глобального растяжения эфирного «шарика» Вселенной. Поэтому энергию можно черпать не из вещественных структур (атомных или ядерных), а напрямую — из эфирных... в любом месте пространства... (С.И. Сухонос. *Кипящий вакуум Вселенной*. — М.: Новый Центр, 2000).

Рассмотрим системные предпосылки этой идеи... Переход по масштабной лестнице от одного типа общества к другому — большему — сопровождался не только скачкообразным увеличением потенциала энергетики, но и *зеркальным относительно масштабного центра сдвигом* в область гораздо более плотных энергетических реакций... Например, энергия животных «добывается» на уровне клеточных процессов, энергия горения углеводородного топлива — на уровне молекулярных процессов, атомная энергия — на уровне ядерных процессов. Приблизительно оценивая масштабы этих процессов, можно выстроить ряд: 10^{-3} см (клетки) — 10^{-8} см (атомы) — 10^{-13} см (ядра атомов) — ...? Термоядерная энергия черпается с того же масштабного этажа, что и атомная, но при этом *все же на один порядок глубже*, ведь размеры ядер водорода в 10 раз меньше размеров ядер урана.

Поскольку сдвиг в глубь вещества на каждом этапе происходил в прошлом практически на 5 порядков, можно предположить, что после термоядерной энергетики человечество перейдет к энергии с масштабного уровня примерно в 10^{-18} см, а еще через три шага — с масштабов в 10^{-33} см, масштабов фундаментальной длины М. Планка, (рис. 1).

В будущем переход к эфирной энергетике неизбежен... Если не принимать идею эфира, то все равно неизбежен вопрос об энергетике структур более мелких, чем ядра атомов, ведь нельзя же все-таки полагать, что термоядерная энергия кладет предел плотности энергетических связей материи...

Сформулируем важный *системный принцип развития энергетики*: продвижение человечества вверх по масштабной лестнице, в область больших по масштабам целостных социальных структур идет одновременно с погружением энергетики вниз по масштабной лестнице, таким образом, на масштабной оси оба процесса масштабно противоположны и предположительно симметричны.

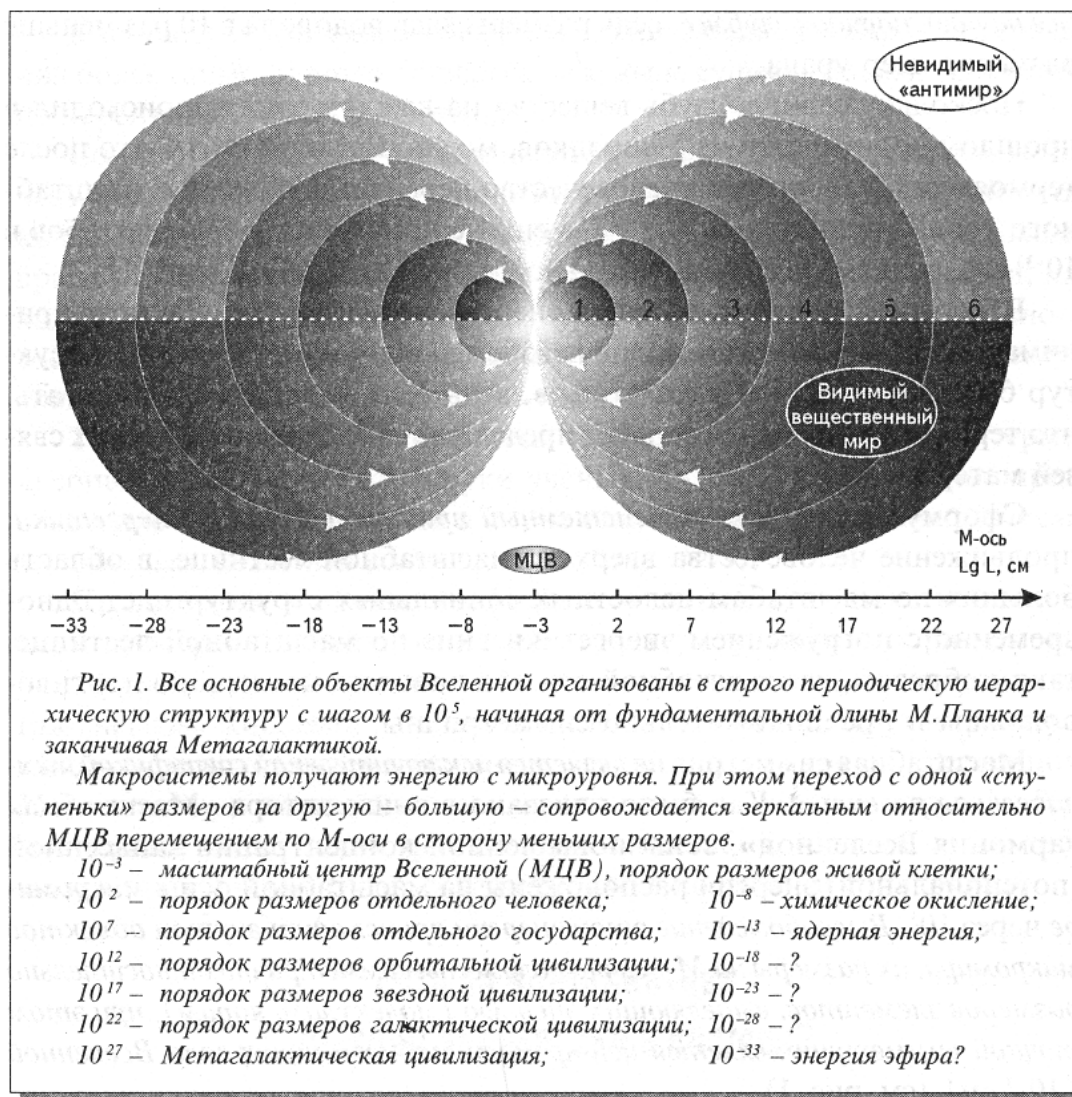
Масштабная симметрия *не является исключительной спецификой технического развития*. Как было показано в книге автора «Масштабная гармония Вселенной», зоны повышенной концентрации запасенной (потенциальной) энергии расположены на масштабной оси *в микромире* через 10^5 . *Высвобождение этой энергии происходит внутри объектов макромира, их размеры на М-оси расположены симметрично относительно размеров элементов, выделяющих энергию (молекулам, ядрам), при этом точкой симметрии является центр масштабного интервала Вселенной (10^{-3} см)* (см. рис. 1).

Этому закону подчинена вся Вселенная, а значит и *техническая цивилизация*... Поэтому начавшееся в XX веке проникновение на ядерный уровень энергии тесно связано с выходом человеческой деятельности на глобальный государственный масштаб (10^9)... По закону симметрии, полностью овладеть и управлять ядерной и термоядерной энергетикой с масштабов 10^{-13} смогут, скорее всего, орбитальные цивилизации с размерами порядка 10^{12} см. А чтобы овладеть энергетикой с масштабов 10^{-18} см, человечеству придется подрасти еще на 5 порядков. Соответственно, выход на следующий уровень энергетической мощности — на уровень 10^{-23} см, возможен лишь для цивилизации, которая будет действовать на масштабах Галактики...

В таком варианте ожидать скорого овладения чистой энергией эфира (энергией связи частиц эфира, энергией «пространства») просто нереально. Ведь судя по прогнозам, она спрятана на масштабах 10^{-33} см, что соответствует деятельности «сообщества» масштабом больше... всей Метагалактики!

Этот вывод одновременно и пессимистичен, и оптимистичен. Оптимизм этого вывода в том, что реально овладеть энергией эфира — самой мощной энергией Вселенной, энергией, которая лежит в основе всех форм вещества и материи, известных современной науке, может лишь *цивилизация невероятно высокого уровня организации*. Пессимизм же этого вывода заключается в том, что прорыв к новой, эфирной энергии — энергии, которая просто разлита по всему пространству Вселенной, — очень далекое будущее...

Значит ли это, что человеческой цивилизации предстоит еще долгий путь «вниз», в глубь структурных уровней материи и создание все более сложных технологий и все более громоздких энергогенераторов?...

Если верить свидетельствам, многие святые, например Серафим Саровский, левитировали... во время молитвы. Согласно собственной версии автора, моление святого создавало то же самое разрежение в эфире, которое приводит к рождению новых фотонов, разрыхлению эфира и созданию антигравитационной тяги (см. «Кипящий вакуум Вселенной»).

Если эта модель верна, то для высвобождения энергии эфира нет необходимости в создании даже примитивных технических аппаратов... Достаточно собственной энергетики... Неужели придется ждать многие сотни тысяч лет, пока все человечество не объединится со всеми цивилизациями Вселенной и не получит в результате возможность таких полетов для каждого человека? Может быть, соединение со вселенским разумом — не так далеко в будущем, как мы думаем? Может быть, все эти ступени вверх, о которых чисто механически мной было написано в статье «Рождение разума» (см. журнал «Цель» на сайте www.solidarnost.com), человечество пробежит играючи за относительно небольшое время? Или вообще проскочит их сразу же после своего рождения в качестве космической цивилизации?

Итак, мы опять выходим на масштабные закономерности...

Забегим очень далеко вперед и предположим, что со временем человечество научится добывать энергию *напрямую из эфира*. Рассмотрим последствия такого перехода.

Проблема энергетического голода будет полностью отодвинута... Мощные источники энергии не потребуют использования вещества Земли... Возникнет ситуация предельной деконцентрации энергетических источников... Энергию в немыслимых количествах можно будет добывать, образно говоря,

в любом сарае. Следовательно, каждый человек станет в энергетическом плане *абсолютно независимым от общества*. С системной точки зрения в истории человечества будет достигнут прямо противоположный настоящему полюс: *предельная деконцентрация* сменит *предельную концентрацию* предшествующего этапа.

Каждый человек получит наконец-то главную свободу — свободу от общества в энергетическом обеспечении, как и в начале становления человечества, когда человек зависел только от своей собственной мышечной силы, от умения разжигать и поддерживать костер. Но эфирный «костер» в неосторожных руках, и более того, в руках людей безнравственных — это угроза обществу... Такая высокая энергетика безопасна только в обществе **АБСОЛЮТНОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ**.

Общество, владеющее энергетикой эфира, не может допустить в своих рядах ни одного Герострата, ни одного безумца и ни одного дилетанта... Поэтому невозможно представить, что в ближайшем будущем Бог позволит людям овладеть эфирной энергетикой в полной мере, *пока не будет решен до конца вопрос нравственности...*

...Способ получения энергии из эфира, насколько представляется автору, может вообще не требовать «механизмов». Значит, безопасность в таком энергетическом мире может обеспечить лишь «внутренняя охрана» — нравственные основы каждого члена общества...

...Божий суд — явление постоянное, и, возможно, после смерти лишь незначительная доля живших на земле людей отбирается для будущего..., которое позволит овладеть неисчерпаемыми (по нынешним меркам) возможностями.

... *Чисто техническая проблема перехода к неисчерпаемым источникам энергии не может быть решена, пока не будет решена проблема нравственности человечества. Абсолютная нравственность становится пропуском в мир будущего не по прихоти Всевышнего, а по суровой необходимости сохранения мира от разрушения...*

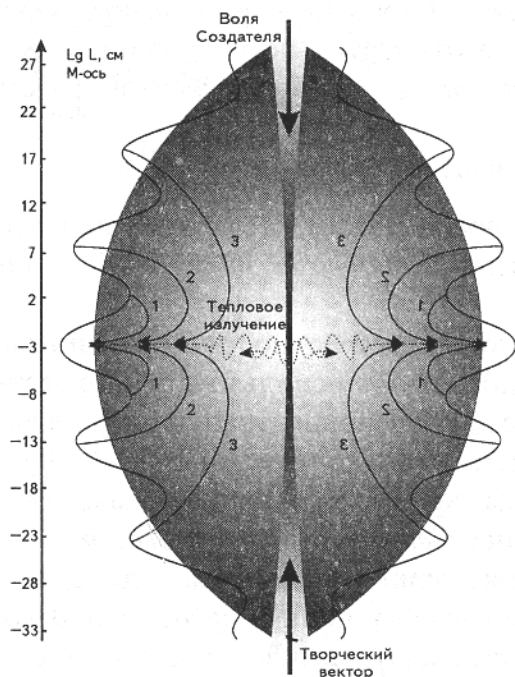

Рис. 2. Творческий вектор, создаваемый деятельностью человека в обществе, пронизывает все иерархические уровни материи. Он способен вовлечь в свое движение вверх по M-оси, если будет на то воля Создателя, даже «глубинные» элементы эфира — максимоны, которые образуют первозданные фотоны.

Создание эфирного разряжения возможно лишь в потоке творческого порыва, который захватывает все уровни организации человека, от микромира, до мегамира... (рис. 2). Любой сбой в структуре личности, на любом из уровней организации, будь то клеточный уровень или интеллектуальный и духовный, создает барьер для такого потока и поэтому резко снижает возможность использования эфирной энергии... Нравственное совершенство в этом случае становится одним из важнейших «клапанов», который в случае его отсутствия, просто не позволит освободить энергию эфира. В этом случае можно образно говорить о «предохранителе», который поставлен Создателем внутри каждого из людей. Тогда любой злодей, как бы он ни хотел воспользоваться энергией эфира, не сможет это сделать именно по «техническим» причинам, именно потому, что он злодей...

Отпустив свою фантазию, мы естественно далеко ушли от какой-либо научной основы. Но в любом случае вопрос о гипотетической эфирной энергии генетически связан с обществом, где энергетика будет полностью децентрализована. Поэтому если предполагать, что эфирная энергетика возможна, то не уйти от вопроса о нравственности, как основном условии доступа к такой энергии...

Полный текст статьи смотрите на сайте: www.trinitas.ru или www.solidarnost.com

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕРХ ПО ВОДОПАДУ. *Предисловие*

РУССКОЕ ДЕЛО (1000–2000 годы)

Становление русского трудового характера

Русское Дело — и Дело Западное

Великому народу нужны великие дела

Время собирать камни

Секрет «японского экономического чуда»

РУССКОЕ ЧУДО (2000–3000 годы)

Международный рынок труда в начале XXI века

Русский резонанс

Экологический кризис «на носу»

Россия космическая

РЕНЕССАНС СЛАВЯНСКОЙ НАУКИ

Прогноз на ближайшую тысячу лет

Что делать сегодня?

Приложение 1

РУССКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ВАРИАНТУ «ЗОЛОТОГО МИЛЛИАРДА»

Проект коллективного обращения к мировому сообществу

от русской научной общественности

Приложение 2.

Тезисы статьи

НОВАЯ ЭНЕРГИЯ, ГАРМОНИЧНОЕ ОБЩЕСТВО И... ПРАВСТВЕННОСТЬ

УДК 316.323.7(470)313
ББК 60.5
С 91

С 91 Сухонос С.И. РУССКОЕ ДЕЛО. — М.: GALAPUBLISHERS, 2003. — 112с.

Системная модель будущего России. Путь становления Русского Дела от его зарождения до наших дней. Анализ мировых тенденций. Связь кризиса в России с особенностями национального русского характера и с происходящими геополитическими событиями. Место России в новой мировой цивилизации.

Книга рассчитана на массового читателя, волнующегося о судьбах России и всего человечества.

ISBN 5-902396-01-8

Редактирование, верстка и оформление *Галины Бутенко*
Корректоры: *Кристина Бутенко, Мария Лобанова*

Редакция будет благодарна читателям за помощь в распространении этой книги. Заявки на книгу, отзывы и предложения присыпайте по адресу: palapublisherstsimtu-net.ru

GALA Publishers: 103064, Москва, Гороховский пер., д.4, 263 E-mail: galapublishers@mtu-net.ru

Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 84×108/32. Объем 3,5 печ. л. 5.88 усл.-п. л. Тираж 5000 экз. Заказ 8108.

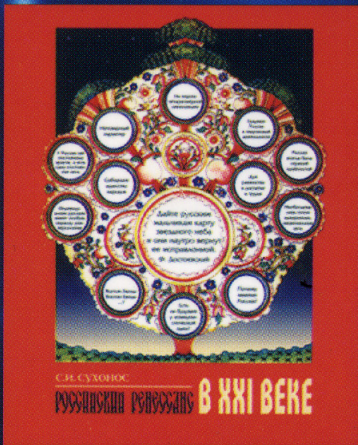
Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография "Наука"» 121099, Москва, Шубинский пер., б.

Сергей Иванович Сухонос — кандидат технических наук, автор многих книг по проблемам космического мировоззрения и вселенской гармонии.

«В прошлом России не было ошибок и провалов, так как ее путь в истории ведет к неразгаданной еще цели».

Путь становления Русского Дела от его зарождения до наших дней.

Описание русского трудового характера. Его суть — универсальный ТВОРЕЦ.

Системная модель будущего России. Наука будущего — за русскими учеными.

Соборное единство народов и цивилизаций — вот главная геополитическая цель России в XXI веке.

«Масштабная гармония Вселенной» — интегральный труд автора, результат его 25-летней систематизации научных фактов в поисках вселенской гармонии.

Четвертое измерение, неслучайность возникновения жизни, «зерна мирового духа» и Человек — в Масштабном Центре Вселенной.

ISBN 5-902396-01-8

